РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.

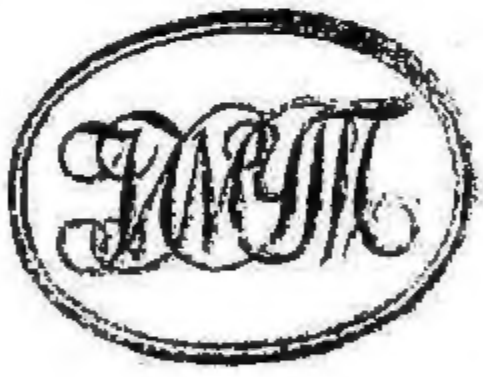
Изданіе третіе и вновь дополненное.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1824.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 14 дня 1824 года.
О. П., Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.



ОГЛАВЛЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Отъ нашествія Французовъ на Россію до изгнанія враговъ;

то есть отъ первой половины Іюля мѣсяца 1812 до исхода Декабря того же года.

Нашествіе Императора Наполеона на Россію. — Приказъ по арміямъ отъ 13 Іюня 1812 г. — Высочайшій Рескриптъ къ Графу Николаю Ивановичу Салтыкову. — Миролюбивый ГОСУДАРЬ отправляетъ своего Генералъ-Адъютанта А. Д. Балашева къ Императору Наполеону. — Отъ необычайныхъ проливныхъ дождей начинаетъ разстроиваться конница Французская. — Наполеонъ невольно сообразуется съ движеніями Руской арміи. — Первые побѣдоносные шаги Россіянъ. — Воззваніе къ первопрестольной Столицѣ Москвѣ, отъ 6 Іюля. — Іюля 9 прибытіе Государя въ Смоленскъ. Рвеніе Смоленскихъ жителей ко всеобщему ополченію. — *Московскія, Новогородскія, С. Петербургскія и военныя произшествія отъ 11 до 19 Іюля.* — 12 Іюля ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ Кремлевскомъ дворцѣ. — Іюля 13 подвиги Графа Остермана и Раевскаго. — Письмо Преосвященнаго Платона къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. — Іюля 15 собраніе въ Слободскомъ дворцѣ Дворянства и купечества.

Государственный Статсъ-Секретарь Александръ Семеновичъ Шишковъ (1) читаетъ Высочайшій Манифестъ. — Единодушная готовность къ пожертвованіямъ Дворянства и купечества. — Тогожъ 15 Іюля начало составленія ополченій въ Новгородѣ и С. Петербургѣ. *Обозрѣніе произшествій отъ 19 Іюля до битвы Бородинской, т. е. до 26 Августа 1812 г.* Въ ночь на 19 Іюля отъѣздъ ГОСУДАРЯ изъ Москвы. — Отвѣтъ на письмо Преосвященнаго Платона. — Отъ 21 до 24 Іюля трех-дневныя сраженія на берегахъ Двины. — Рвеніе Рускихъ поселянъ къ составленію ополченія. — Пожертвованія общія и частныя. — Пріѣздъ Милорадовича въ Калугу. — Внутреннія распоряженія Московскаго Градоначальника Графа Ѳ. В. Растопчина. — 28 Іюля Графъ Кутузовъ получаетъ два рескрипта. — Того же числа требованіе сдачи *Риги*; отвѣтъ Ессена. — 31 Іюля подвигъ Генерала Тормасова. — Въ первыхъ числахъ Августа подвиги Рускихъ въ стѣнахъ Смоленска. — Августа 6 уступленіе Смоленска. — Народная война. — Переселеніе Рускихъ въ Россіи. — Выступленіе въ походъ Московскаго ополченія. — Приготовленіе къ главной битвѣ Барклая де Толли. — Письмо Ермолова къ Милорадовичу. — 17 Августа Кутузовъ принимаетъ главное начальство надъ арміями. — Воззваніе Кутузова къ Смоленскимъ

(*) Нынѣшній Министръ Просвѣщенія.

жителямъ. — Приготовленіе къ главной битвѣ. — Гористое состояніе Французовъ на берегахъ Двины. — 26 Августа. битва Бородинская. — Донесеніе Главнокомандующаго къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о Бородинскомъ сраженіи. — Различныя подробности о битвѣ Бородинской. — Московскія происшествія. — Руская армія подъ Москвою. — Совѣщаніе объ уступленіи древней Столицы. — Подробности о сдачѣ Москвы изъ записокъ А. И. Данилевскаго. Подробности о Генералъ-Квартирмейстерѣ Толѣ. — *Происшествія отъ exода Наполеона въ Москву до изгнанія Французовъ изъ Россіи, то есть отъ 3 Сентября до 25 Декабря 1812 г.* — Отступленіе Рускихъ по Рязанской дорогѣ. — Наполеонъ въ Москвѣ. — Прокламація или воззваніе его къ войску. — Безначаліе Московское и пожары. — Рускія и Французскія военныя извѣстія. — Твердость духа ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и достопамятныя Его слова, одушевившія войско новымъ мужествомъ. — Происшествія на берегахъ Двины. — Боковое движеніе Кутузова. — Учрежденіе *партизановъ*. — Подробности о партизанѣ Д. В. Давыдовѣ. — Вооруженіе поселянъ. — Военныя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ, занимаемыхъ Рускими войсками. — Тарутинскій станъ. — Свиданіе Кутузова съ *Лористономъ*. — Состояніе Москвы при Наполеонѣ. — Высочайшій Рескриптъ къ Графу Винтгенштейну. — Сентября 24 прибытіе новыхъ Донскихъ полковъ въ Рускій

станъ. — Октября 6 подвиги Рускихъ на берегахъ Нары и Двины. — Бѣгство Французовъ изъ Москвы. — Рускіе входятъ въ стѣны ея 10 Октября. — Сраженіе подъ Малымъ Ярославцемъ. — Донесеніе Фельдмаршала Князя Кутузова къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. — Новое разпоряженіе Рускихъ войскъ. — Платовъ и Милорадовичъ преслѣдуютъ непріятеля и спѣшатъ его опередить. — Взятіе Вязьмы и Дрогобужа. — Побѣды Рускихъ въ Грузіи. — Занятіе Смоленска Платовымъ. — Высочайшій Манифестъ отъ 3 го Ноября. — Трехдневный бой подъ Краснымъ. — 16 и 17 Ноября переправа Наполеона черезъ Березину. — Онъ оставляетъ армію. — Ноября 23 Наполеонъ спасается бѣгствомъ изъ *Ошмянъ* отъ партизана Сеславина. — Наполеонъ въ Варшавѣ. — Описаніе бѣдственнаго отступленія Французовъ изъ предѣловъ Россіи.

Примѣчаніе. Въ продолженіи шестимѣсячной отечественной войны 1812 года воспослѣдовали три Манифеста о заключеніи мира и союза съ тремя различными Державами: Августа 5 подписанъ Манифестъ о мирѣ съ *Турціей*; Сентября 12 воспослѣдовалъ Манифестъ о мирѣ съ *Англіей*; Ноября 7 подписанъ Манифестъ о союзѣ съ *Испаніей*.

РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

ОТЪ НАШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ НА РОССІЮ ДО ИЗГНАНІЯ ВРАГОВЪ,

ТО ЕСТЬ ОТЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ІЮНЯ МѢСЯЦА 1812 ДО ИСХОДА ДЕКАБРЯ ТОГО ЖЕ ГОДА.

НАШЕСТВІЕ НА РОССІЮ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

Слово *нашествіе*, произносимое въ девятомъ-надесять столѣтіи, въ томъ вѣкѣ, когда предполагали, что просвѣщеніе и образованіе общественное достигли совершенства: сіе одно слово должно привесть сердце въ содроганіе и повергнуть разумъ человѣческій въ горестное недоумѣніе. *Нашествія* принадлежали тѣмъ младенческимъ вѣкамъ, когда въ неустроенныхъ предѣлахъ нынѣшнихъ Царствъ избытки народонаселенія, соединясь въ шумныя скопища, скитались по лицу земли часто безъ всякой цѣли и даже не зная, гдѣ укроются отъ непогодъ и гдѣ найдутъ дневное пропитаніе. А въ наше время не только области Европейскія, но даже и страны, находящіяся за дальними морями, процвѣтали общежитіемъ и соединены были взаимными и опредѣлительными условіями: каждая изъ нихъ знала учрежденныя постановленія; права политическія и права народныя повсюду явственно были означены. Ни одно сокровенное покушеніе ни

какой Державы не утаивалось отъ другой. Тысячи опытныхъ умовъ спояли на стражѣ общественной безопасности; при малѣйшемъ поползновеніи на безопасность народную, раздавался громкій вопль негодованія.

И такъ разрушеніе сего общественнаго вѣковаго зданія не могло воспослѣдовать отъ обыкновенныхъ приключеній: оно произошло отъ опредѣленій непостижимаго Провидѣнія; оно произошло въ то самое время, когда гордыня человѣческая дерзнула возмечтать, что она можетъ обойтиться безъ Провидѣнія, и что по произволу своему все устроитъ и утвердитъ на прахѣ земномъ. Мысль о *всемірномъ нашествіи* и сіе буйственное возмущеніе противъ Правителя небесъ возникли среди бурь Французскаго мятежа. Умъ обуялся высокомѣріемъ; воспылали страсти; воспылалъ весь адъ разврата; милліоны людей, вооружась на пагубу человѣчества, вопіяли, что все дѣлаютъ по вдохновенію безпредѣльнаго разсудка, и что при владычествѣ разсудка всѣ другія власти должны безмолвствовать и прійти въ оцѣпенѣніе. Но, къ долговременному

бѣдствію человѣчества, въ мрачныхъ порывахъ строптивыхъ страстей погасъ свѣтъ истиннаго разсудка; дикое неистовство исторглось изъ нѣдръ той самой страны, которая почиталась святилищемъ ума и образованія. Мятежная Франція превратилась въ вертепъ убійства: составились не *войска*, но *скопища* вооруженныя; цвѣтущія и великолѣпныя области превратились въ *дикія становища*; штыки и пушки замѣнили ученіе; изчезло воспитаніе и все то, что мы называемъ *образованіемъ общественнымъ*.

Къ удивленію вселенной, въ нѣдрахъ просвѣщенной Европы возникъ *новый народъ*, доколѣ почитаемый наставникомъ народовъ. Изчезло спасительное просвѣщеніе, хранящее и созидающее общества; духъ бранный, духъ разрушительный, духъ вѣковъ младенческихъ исполинскими шагами устремилъ сей народъ къ низпроверженіе общественнаго Европейскаго устройства. Тутъ торжественно ознаменовалось могущество злобы на землѣ; тутъ вселенная увидѣла, какъ трудно добру сражаться съ неистовствомъ разврата.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ низверглись и уничтожились древнія постановленія Державъ. Паденіе одной области влекло за собою паденіе другой. Общее и скорбное изумленіе оковало всѣ Царства или бездѣйствіемъ, или безпечностью; или устремляло ихъ къ предпріятіямъ неосновательнымъ и пагубнымъ.

Около уже двадцати лѣтъ грозно свирѣпствовала сія буря, возшумѣвшая въ прелестныхъ областяхъ полуденныхъ. Къ отраженію ея Россія возставала по временамъ; но сіи кратковременныя возстанія были только скоропечными отсрочками потрясенія Европы. Къ поддержанію сей разрушительной бури явился человѣкъ, который изъ ничего сдѣлался всѣмъ, который изъ простаго гражданина и иноземца вступилъ во Франціи сперва на чреду *Консула*, а потомъ *Императора*. Необычайное возвышеніе сего человѣка долженствовало подкрѣпляться необычайными подвигами до срочнаго часа, назначеннаго Провидѣніемъ. Явился *завоеватель* въ просвѣщенной Европѣ. Быстро падали Царства; быстро расторгались политическія связи Державъ. — Древняя Германская Имперія

раздробилась на части вражебныя; Италія стонала подъ ярмомъ завоевателя.

Отъ первоначальнаго воцаренія Наполеона во Франціи льстецы сего самовластителя говорили: „Теперь у насъ одна только власть существуетъ; одинъ человѣкъ въ Государствѣ, и Французская Исторія стала, кажется, Исторіей Наполеона.“ *Лесть усилила властолюбіе*: въ умѣ завоевателя родилась мечта о *всемірномъ обладаніи*. Съ 1805 года *Заальпійскую* республику преобразилъ онъ въ Королевство Италіянское и возложилъ на чело свое древнюю *желѣзную корону* Царей Ломбардскихъ. Волею своей назначилъ онъ себя *предстателемъ* за Швейцарію. Вскорѣ потомъ миръ *Пресбургскій* лишилъ Австрію владѣній ея въ Италіи; республика *Венеціянская* присоединена была къ сей области для того единственно, чтобы властолюбецъ могъ предъявлять новыя притязанія на береговыя области Средиземнаго моря. Герцоги *Виртембергской* и *Баварскій* именовались Королями; земли ихъ и земли Герцога *Баденскаго* увеличились съ ущербомъ Австріи. Производя Имперскихъ Князей въ Короли, Наполеонъ на смѣну

имъ готовилъ родныхъ своихъ. Король *Неаполитанскій* снова удалился въ Сицилію, огражденную отъ насилія пучиною морей и защитою Англичанъ.

Въ началѣ 1806 года умеръ знаменитый Англинскій Министръ *Питтъ*; и Наполеонъ предположилъ отдѣлить Англію отъ всѣхъ сношеній съ твердою землею. Къ достиженію сей цѣли умыслилъ онъ поставить всѣ приморскіе народы на *береговую стражу*. Происками его Пруссія расторгла союзъ съ Англіей; братъ его *Іосифъ* произведенъ былъ временнымъ Королемъ Неаполитанскимъ, а *Людовикъ* Голландскимъ. Пасынокъ его *Евгеній Богарне*, имъ усыновленный, управлялъ Италіей въ званіи *Вице-Короля*. Въ исходѣ 1806 года, столь обильнаго въ преобразованіи Государствъ, Наполеонъ составилъ союзъ изъ Имперскихъ Владѣльцевъ, подъ названіемъ *союза Рейнскаго*, отдѣлилъ его отъ Германіи и, подъ скромнымъ наименованіемъ *покровителя*, порабошилъ оный владычеству своему. Пруссія ополчилась, и въ одинъ мѣсяцъ погибла. Россія поспѣшила на помощь сосѣдней Державы, и до половины 1807 года противоборствовала завоевателю. Миръ *Тильзит-*

скій усилилъ самовластіе Наполеона во Франціи; онъ истребилъ *трибунатъ*, поддерживавшій призракъ мнимой Французской республики. Въ томъ же году похитилъ онъ Папскія области и потомъ, задержавъ въ *Байоннѣ* Короля Гишпанскаго Карла VI и сыновей его, передалъ брату своему *Іосифу* Испанію, а зятю своему *Мюрату* Королевство Неаполитанское. Въ продолженіи 1809 года снова побѣдилъ онъ Австрію и, въ присутствіи всѣхъ новопроизведенныхъ Королей, торжествовалъ бракъ свой съ дочерью Австрійскаго Императора.

Дивны были сіи произшествія! Но всѣ опытные политики утверждаютъ, что, со времени заключенія Тильзитскаго мира, Наполеонъ пошелъ сбивчивымъ путемъ во всѣхъ своихъ предположеніяхъ и замыслахъ. На время покоря Державы, а навсегда порабощаясь мечтамъ всемірнаго обладанія, онъ въ 1810 году отмежевалъ къ Франціи берега Голландіи до Любека и торговыхъ Нѣмецкихъ городовъ, тогда же покушаясь захватить и всю сѣверную Германію. Передъ лицемъ Россіи и цѣлаго свѣта наглыми своими хищеніями доказалъ онъ, что для него не существуютъ ни союзы, ни

даже *отношенія*, прикрываемыя завѣсою приличій политическихъ. Забывъ все, кромѣ гордости, хищникъ Царствъ дерзнулъ уничтожить въ Германіи древній *Ольденбургскій* Домъ, столь тѣсно соединенный съ Россіей. Изгнанъ былъ добродѣтельный Владѣлецъ изъ наслѣдственныхъ областей своихъ; изгнанъ былъ тѣмъ властолюбцемъ, который до мятежа Французскаго на всемъ лицѣ земли не имѣлъ собственной *сажени земли*! Въ упоеніи тщеславія своего, онъ забылъ, что обязанъ былъ Россіи выгоднымъ міромъ съ Австріей. — Присовокупляя къ неблагодарности вѣроломство, Наполеонъ вызвался въ посредники мира Турціи съ Россіей, и подъ личиной мнимаго посредничества домогался вмѣстѣ съ собою воздвигнуть на Россію и Турцію и Персію и даже Китай.

Но судъ Божій совершился уже надъ высокомѣрнымъ Наполеономъ. Онъ поразился послѣднимъ степенемъ неисцѣльной болѣзни ненасытнаго властолюбія. На высотѣ исполинскаго могущества, въ мрачныхъ порывахъ обезумленнаго тщеславія, онъ вопіялъ: *мнѣ душно во вселенной! Россія мѣшаетъ мнѣ дышать. Я долженъ*

ее сдвинуть съ земли Европейской; я рѣшился изгнать ее въ Азію; она будетъ областью Восточною (1). Новые люди, появившіеся въ древней Франціи, тѣ самые, которыхъ Наполеонъ, къ отдѣленію отъ всѣхъ прочихъ народовъ земли, назвалъ еще на поляхъ Италіи *поколѣніемъ храбрыхъ* (2); сіи Наполеоны — люди, обольщаемые властолюбцемъ, въ слѣдъ за нимъ повторяли: *въ Австріи были сраженія безъ войны; въ Россіи займемся мы шестимѣсячною травлею людей. Изчезнетъ Россія, и все будетъ наше* (3)!

На чредѣ еще Консульства Наполеонъ провозгласилъ рабольпному Сенату своему: „Я посланъ Тѣмъ, отъ Кого все происпекаетъ; я посланъ Имъ для возспановленія порядка, правосудія и равенспва (4)!“

Тотъ, кто домогался обмануть весь родъ человѣческій; тотъ дерзалъ клеветать и на пути непостижимаго Провидѣнія.

---

(1) *Лакретель*, Часть 3, стр. 250 въ Начертаніи Французской революціи.
(2) Альфонсъ Бошанъ въ сочиненіи о войнѣ 14 и 15 г. Часть 1, стр. 7.
(3) Лакретель тамъ же.
(4) См. Монитеръ 1801 г.

Ты, Царь Царей! Ты маніемъ десницы Своей преображаешь и лице земли и сердца человѣческія въ ознаменованіе пагубнаго стремленія необузданныхъ страстей; Ты, милующій и карающій народы! милующій, когда въ простотѣ сердца они лобызаютъ длань Твою; карающій, когда въ строптивой гордынѣ отъ Тебя отступаютъ! Ты въ наказаніе народовъ посылаешь завоевателей; Ты посылаешь передъ ними и смерть и ужасъ, и побѣды и торжество; и рука Твоя сокрушаетъ ихъ какъ сосудъ скудельный, когда возвѣстится Тобою спасеніе человѣчеству и вселенной!

Щастливы писатели, изображавшіе мирныя добродѣтели, украшающія скоротечную нашу жизнь; изображавшіе прелести полей, долинъ, теченіе прозрачныхъ водъ и ясную лазурь небесную. Но мы, современники начальныхъ лѣтъ девятнадцатаго столѣтія, мы съ тяжкою сердечною скорбію и перомъ трепещущимъ должны изображать поля убійства, ознаменованныя неслыханными видами смертей — небеса, опламенныя обширными пожарными заревами; мы должны изображать ярость опустошенія и гибель человѣчества. Мы

оплакиваемъ нашихъ братій и друзей; мы оплакиваемъ и враговъ нашихъ. Да будутъ сіи времена и скорбныя и славныя; да будутъ онѣ вѣчнымъ поученіемъ потомкамъ нашимъ!

ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ ОТЪ 12 ІЮНЯ ДО ІЮЛЯ 11.

Уже Наполеонъ достигъ съ войскомъ своимъ до береговъ Немана, а мыслію обшекалъ всѣ концы вселенной. „Я перейду за Неманъ“ говорилъ онъ приближеннымъ своимъ: „разобью Рускихъ; завладѣю Рускою Польшею, присовокуплю ее къ Великому Герцогству Варшавскому; образую изъ него одно Государство, и оставлю тамъ пятьдесятъ тысячъ на содержаніи жителей. Польша не вооружена; я снабжу ее оружіемъ: она стѣснитъ Россію; она будетъ оплотомъ отъ Козацкихъ набѣговъ. Но я все еще въ затрудненіи: не знаю, какъ поступишь съ *Галиціей?* Императоръ Австрійскій, или, лучше сказать, Совѣтъ его, не хочетъ отъ нее отказаться: я предлагалъ важныя уступки; не соглашались. Надобно дѣйствовать сообразно обстоятель-

ствамъ (1). Покоря Москвою Россію, а Россіей Европу, я перенесу оружіе въ Азію. Дойду до Индіи; вторгнусь въ ея предѣлы, уничтожу тамъ владычество Англичанъ и навсегда низвергну Великобританнію. Властительница морей падетъ предъ обладателемъ твердой земли (2)."

Радостными восклицаніями полковъ завоевателя оглашались берега Немана. Наполеонъ отправился къ передовымъ отрядамъ, надѣлъ егерскій мундиръ и обозрѣвалъ берега рѣки съ Генераломъ *Аксо*. Нѣсколько минутъ занялся онъ съ *Мюратомъ*; указалъ ему, гдѣ удобнѣе навесть мосты, и приказалъ соединить войско, чтобы быстрѣе перейти. Конница была въ строю, пѣхота подъ ружьемъ (3)."

Необычайнымъ блескомъ сіяло войско мнимаго разпорядителя вселенной. Наполеонъ увѣрялъ, что онъ ведетъ полки на

---

(1) См. Записки Генерала *Ланна*, стр. 168.
(2) См. всѣ современныя извѣстія. Въ войскѣ Наполеоновомъ заготовлены уже были Географическія карты, означавшія пути изъ Россіи въ Индію. См. 106 No вѣдомостей Департамента Устій Эльбскихъ.
(3) Записки Генерала *Ланна*.

веселую прогулку и на пиръ (1). Но уже блѣдная смерть простирала къ нимъ хладныя объятія!

Между тѣмъ въ рядахъ Наполеонова ополченія повторялось сіе громкое воззваніе: „Воины! вторая Польская война началась. Первая прекратилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Тамъ Россія клялась въ вѣчномъ союзѣ съ Франціей, и въ упорной войнѣ съ Англіей; она нарушила клятву. Она хочетъ обратить побѣдоносный полетъ орловъ нашихъ за берега Рейна; она хочетъ отвлечь отъ насъ союзниковъ; и погда только намѣревается объяснить странныя свои требованія: но Россія увлекается рокомъ неизбѣжнымъ; жребій ея рѣшится. Уже ли она думаетъ, что нѣга оковала наши силы? уже ли мы не воины Аустерлицкіе? Или стыдъ или война! вотъ, что намъ предстоитъ. Усумнимся ли въ выборѣ? Впередъ! за Неманъ! впередъ! Въ нѣдра дерзновенной Россіи внесемъ наше оружіе. Слава второй Польской войны не уступитъ славѣ первой. Побѣда будетъ съ нами! Наступитъ миръ долго-

---

(1) См. Вѣдомости *Устій Эльбскихъ*.

временной и разрушится пятидесятилѣтнее и пагубное владычество Россіи надъ Европой.“

Въ слѣдъ за Наполеономъ двинулись двадцать народовъ къ порабощенію Россіи и вселенной. Рускіе отступали къ предѣламъ отечественнымъ съ вѣрою, вѣрностью, съ рѣшительнымъ желаніемъ или оградить собою Россію, или умереть на поляхъ родныхъ, на гробахъ праотцевъ, при воззрѣніи на храмы Божіи, возносящіеся къ небесамъ, гдѣ Вѣра и добродѣтель увѣнчаваются безсмертіемъ.

13 Іюня изданъ былъ къ арміямъ приказъ, оканчивавшійся сими словами. „Воины! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. На зачинающаго Богъ.“ Тогда же препровожденъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ къ Фельдмаршалу Графу Салтыкову. „Графъ Николай Ивановичь! Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Имперіи; самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Пре́стола и пользою Моего народа;

всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ иначе, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные Мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ."

Не входя въ подробности о разпоряженіи Рускихъ войскъ, упомяну только, что главное правило къ отраженію враговъ 1812 года было то же, какое предположилъ себѣ Петръ Первый 1707 года. — На военномъ совѣтѣ, бывшемъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ

Жолковкѣ, разсуждали: сразишься ли съ непріятелемъ въ предѣлахъ Польши, или на границахъ Россіи? Совѣтъ единодушно опредѣлилъ, вопервыхъ: не давать сраженія въ Польшѣ; ибо неудача затруднила бы отступленіе. Во вторыхъ: вступить въ бой на границахъ, естьли того потребуетъ крайняя нужда; наконецъ, превожить непріятеля отрядами, оголожать его и истомлять переходами.

АЛЕКСАНДРЪ Первый рѣшился держаться правила Петра Перваго, и потому повторялъ Барклаю де Толли: „Читайте какъ можно чаще Журналъ Петра Перваго.“ Мнимымъ отступленіемъ отдаляли Наполеона отъ областей Европейскихъ, откуда могъ онъ получать свѣжія войска и все нужное для содержанія ополченія, простиравшагося до шести сотъ тысячь. Къ успѣху сей отступательной войны надлежало учинить важнѣйшія пожертвованія. Россія ничего не пощадила.

Споспѣшествуя соединенію второй арміи съ первою, войска наши оставили Вильну. Надѣясь найти тамъ обильное продовольствіе, Французы запаслись только на 14 дней; но, по собственному ихъ признанію, Рускіе успѣли все истребить. Они

ужаснулись, и не могли уже поправить ошибки своей (1).

Первая Руская армія состояла подъ начальствомъ Барклая де Толли; вторая подъ начальствомъ Князя Багратіона; съ обсерваціонной, или наблюдательной арміей Генералъ Тормасовъ находился въ Луцкѣ; въ то же время во внутренности Россіи заготовлялись полки подъ руководствомъ Князя Лобанова-Ростовскаго, всегда ревностнаго и неутомимаго къ пользамъ Отечества.

Даже и при наступившей бурѣ грознаго нашествія, Россійскій ИМПЕРАТОРЪ все еще помышлялъ о мѣрахъ миролюбивыхъ. Зовоевателю нужна громкая молва; Государю природному нужно одно щастіе его народа. Передъ славою Правителя благодѣтельнаго всякая другая слава изчезаетъ. Къ остановленію дальнѣйшихъ покушеній Наполеона, ГОСУДАРЬ отправилъ къ нему своего Генералъ-Адъютанта и тогдашняго Министра Полиціи Балашева, въ полной мѣрѣ достойнаго сего важнаго препорученія. На новомъ поприщѣ Посла ИМПЕРАТОРСКАГО Балашевъ дѣйствовалъ и какъ ревностный

(1) См. тогдашнія Вѣдомости *Департаментовъ Устій Эльбскихъ* No 116.

служитель Престола, и какъ усердный сынъ Отечества, и какъ Министръ, умѣющій сообразоваться съ обстоятельствами. Съ должною умѣренностію представлялъ онъ Императору Французовъ, что пространныя области Россіи по первому воззванію снова возстанутъ единодушно; что сію упорную и кровопролитную борьбу Россійскій ИМПЕРАТОРЪ желаетъ предупредить миролюбивыми сношеніями. Но тогда уже Наполеонъ ничему не могъ внимать, кромѣ буйственному голосу властолюбія, увлекавшему его къ погибели.

По свидѣтельству иностранныхъ писателей, благоразумная осторожность Балашева подвергала неосторожной откровенности Императора Французовъ. Въ громкихъ воззваніяхъ проповѣдывалъ онъ о возрожденіи Польши, и тогда же увѣрялъ, „что онъ ни мало не заботится о Польскихъ Якобинцахъ (1)." По увѣренію тѣхъ же писателей, онъ произнесъ сіи слова въ присутствіи Рускаго Посланника. Мнимая Наполеонова откровенность не могла его завлечь

---

(1) См. Воспоминанія Госпожи *Сталь* Часть, стр. 237.

ни въ какія разсужденія, несовмѣстныя его предназначенію; но всѣ рѣчи его, относившіяся къ укоризнамъ чести и славы Россіи, отражалъ онъ съ твердостію и величіемъ духа. Быстро переходя отъ одного разговора къ другому, Наполеонъ спросилъ у одного изъ Генераловъ своихъ: былъ ли онъ въ Москвѣ и что это за городъ?“ Генералъ отвѣчалъ, что Москва болѣе похожа на обширную деревню, нежели на столицу. — „А сколько въ ней церквей?“ снова спросилъ Наполеонъ. — „Около тысячи семи сотъ“ сказалъ Генералъ. — „Это не вѣроятно“ возразилъ Наполеонъ „это не вѣроятно въ то время, когда перестали быть набожными.“ — Извините, Государь! — сказалъ Балашевъ: Русскіе и Испанцы все еще благочестивы. —

„Отвѣтъ удивительный“ говоритъ Госпожа *Сталь*: ибо отвѣтъ Рускаго Посла предвѣстилъ, что Русскіе спасутъ Россію.“

Вступя въ предѣлы Россіи, Наполеонъ не возглашалъ уже по прежнему: *я налетѣлъ какъ молнія; я раздробилъ и уничтожилъ враговъ!* Какъ будто бы и самъ изумленный дерзновеннымъ нашествіемъ, онъ по неволѣ сталъ осторожнѣе и при-

нуждень былъ сообразоваться съ движеніями Рускихъ войскъ, заранѣе обдуманными. Въ военныхъ извѣстіяхъ 1812 г. сказано: „Дѣйствія начались и продолжаются уже пять дней; ни который изъ нашихъ разныхъ корпусовъ не былъ атакованъ, а потому сія *кампанія* показываетъ уже начало весьма различное отъ того, какимъ прочія войны Императора Наполеона означались.“ Въ слѣдствіе искуснаго военнаго соображенія, обезопасенъ былъ корпусъ Генерала Дохтурова, хотя Французы и увѣряли, что они потому только не истребили онаго, что *вся природа на нихъ вооружилась* (1).

„Тридцать шесть часовъ“ писали они, „шелъ проливной дождь; чрезмѣрный жаръ превратился въ пронзительный холодъ: отъ сей внезапной перемѣны воздуха пало нѣсколько тысячь лошадей и множество пушекъ увязло въ топкой грязи. Сія необычайная буря, утомившая людей и лошадей, спасла Дохтурова *корпусъ*, поперемѣнно встрѣчавшійся съ *колоннами* Ге-

---

(1) См. вѣдомости Департамента *Устій Эльбскихъ* No 119.

нераловъ *Борди-Сульта, Пажуля и Нансути.*“

Дѣйствительно казалось, что и сама природа предвѣщала завоевателю будущія его злоключенія. Въ глазахъ Наполеона гибли воины, еще не обнажавшіе меча: все отвлекало его отъ предѣловъ Россіи; но властолюбецъ самъ устроевалъ погибель себѣ и полкамъ своимъ. „Въ Вильнѣ, когда онъ еще не встрѣчался съ непріятелемъ, проливные дожди испортили дороги; остановили походъ всѣхъ корпусовъ; истребили десять тысячь лошадей, которыхъ испѣвавшіе трупы заражали воздухъ (1).“

Въ то же самое время, когда при вторженіи завоевателя лѣтняя погода превратилась въ бурное ненастье въ пограничныхъ областяхъ Росссіи, и въ Москвѣ бушевали порывистые вихри, срывавшіе крышки съ домовъ и затемнявшіе небо пыльными облаками. Отъ чего вмѣстѣ съ волненіемъ страстей человѣческихъ волнуется и природа? Объясненіе сей тай-

---

(1) См. книгу О походѣ Французовъ въ Россію, напечатанную въ Парижѣ 1823 года.

ны принадлежитъ Тому, Кто разнояжаетъ и сердцами человѣческими, и природой, и вселенною.

Но Наполеонъ не внималъ ни небеснымъ, ни земнымъ поученіямъ. Великій Полководецъ Фридерикъ Второй давно уже сказалъ, что, отдаляясь отъ границъ своихъ, должно принимать всѣ мѣры осторожности, чтобы, въ случаѣ превратностей, нераздѣльныхъ съ войною, имѣть въ благоразумной запасливости надежную помощь. Наполеонъ ничего не предпринялъ, ничего не обдумалъ, ничего не сообразилъ къ сохраненію войскъ своихъ, или, лучше сказать, злополучныхъ жертвъ, выведенныхъ имъ изъ всѣхъ областей твердой Европейской земли на пагубу неизбѣжную (1). Отъ воздуха, зараженнаго отъ паденія множества лошадей и отъ сполпленія разноплеменныхъ воиновъ, множество солдатъ умирало, а еще болѣе наполняли *госпитали*, наскоро построенные (2).

„Въ военныхъ обстоятельствахъ“ говорилъ Наполеонъ „предусмотрительность

(1) Кромѣ Шведовъ, всѣ прочіе народы были въ полкахъ завоевателя.
(2) См. вышеупомянутую книгу.

есть особенное качество. Она ведетъ насъ къ тому только, что можемъ выдержать, и не предпринимать того, что представляетъ величайшія превратности" (3). Такъ говорилъ Наполеонъ въ Сентябрѣ 1809 года, и всѣ правила свои самъ опровергъ 1812 года.

Каждый шагъ властолюбца, обезумленнаго верховною волею Провидѣнія, былъ шагомъ къ его погибели. Какъ будто бы забывъ, что при переходѣ черезъ Неманъ онъ приказалъ полкамъ своимъ запастись продовольствіемъ только на четырнадцать дней; какъ будто бы не зная, что для доставленія и разпредѣленія продовольствія нужны порядокъ и устройство, Наполеонъ повѣстилъ Литовцамъ, что онъ имъ даритъ свободу. Подобно всѣмъ другимъ народамъ, и сей народъ, не умѣя отличать *свободы* отъ *своеволія*, взбунтовался противъ помѣщиковъ, отъ чего и прекратилась поставка жизненныхъ припасовъ. Солдаты, малыми отрядами размѣщенные по деревнямъ, разсѣивались по окресностямъ для грабежа: исчезъ порядокъ; началось

---

(3) См. *Монитеръ* 1809, мѣсяцъ Сентябрь.

мародерство; голодъ и болѣзни усилились; воины гибли безъ сраженія. А высокопарные *бюллетени* увѣряли, что *Французскіе солдаты чувствуютъ только усталость отъ безчисленныхъ маеровъ, которые срываютъ въ пріятной прогулкѣ* (1).

О вторженіи Французовъ въ Россію здѣсь повторю то же самое, что я предложилъ въ Рускомъ Вѣстникѣ 1812 года.

Презрѣніе совѣсти, чести, и нарушеніе священныхъ народныхъ правъ производитъ наглое и неожиданное *нашествіе*, или *вторженіе* въ чужія земли. Нарушитель всѣхъ обязанностей, соединяющихъ человѣческія общества и Державы, можетъ ли что нибудь уважать? *Наполеонъ* неоднократно истину сію подтверждалъ своими дѣлами; нынѣ, къ увѣнчанію злоумышленій, ему одному свойственныхъ, въ то самое время, когда льстилъ Россіи надеждою мира, ворвался въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ войсками и, въ упоеніи дерзновенной гордыни, мечталъ, что однимъ появленіемъ своимъ разсѣитъ Рускія ополченія, размѣщенныя на обширномъ пространствѣ.

---

(1) См. походъ въ Россію и вѣдомости Департамента *Устій Эльбскихъ*.

Онъ уповалъ, что сколь же быспро уничтожитъ ихъ, сколь стремителенъ былъ наглый и вѣроломный его подвигъ.

Но небесное Провидѣніе, мудрая предусмотрительность ГОСУДАРЯ, осторожность и опытность Его Полководцевъ, рвеніе Рускихъ воиновъ къ защитѣ Вѣры, Престола, Отечества и къ отраженію врага строптиваго: сіи непреоборимыя силы удержали стремленіе буйства и вѣроломства.

„Часто случается," сказано въ *Извѣстіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1769 года* „часто случается, что одно благовременное собраніе войскъ бываетъ самымъ важнымъ воинскимъ дѣйствіемъ, когда непріятель пѣмъ предупреждается, и намѣренія его или разрушаются, или останавливаются."

Безъ всякаго пристрастія къ Россіи, можно назвать *важнымъ воинскимъ подвигомъ* соединеніе Россійскихъ силъ при внезапномъ и нагломъ вторженіи врага въ предѣлы нашего Отечества.

Войска Рускія къ охраненію предѣловъ Отечества разположены были болѣе, нежели на осьми стахъ верстахъ. Но какое разстояніе, какія трудности могутъ сдер-

жашь полетъ Сѣверныхъ орловъ? Почти въ одно и то же время Князь Багратіонъ отъ *Слонима*, Генералъ Платовъ отъ *Бѣлостока*, Графъ Паленъ изъ *Гродно*, устремились къ соединенію въ мѣста, заблаговременно назначенныя (1). Генералъ Дохтуровъ, со ввѣренною ему частію войскъ, шелъ среди ежечасныхъ опасностей и миновалъ оныя. „Трудности, съ переходами сопряженныя," сказано въ увѣдомленіи отъ 17 Іюня „войска наши перенесли съ обыкновенною неутомимостію."

Наполеонъ при первомъ шагѣ въ предѣлы Россіи ощутилъ уже суетность замысловъ своихъ. Онъ хвалился, что въ Россіи будетъ *война безъ сраженій*; что походъ его будетъ *увеселительною травлею*; что Рускіе будутъ бѣжать подобно трусливымъ зайцамъ. Рускіе, предпринявъ умышленное отступленіе, не *бѣжали*, но *заелекали* непріятеля. Гдѣ нужно было, тамъ вездѣ бились и поражали. Въ сихъ сшибкахъ *гвардейскіе Козаки* первые отличились. Графъ *Орловъ-Денисовъ* взялъ многихъ непріятелей въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ

---

(1) Смол. извѣстіе отъ 17 Іюня.

Графа *Октавія Сегюра.* Вскорѣ потомъ Польскаго уланскаго полку Роттмистръ *Галева первый* съ однимъ эскадрономъ прорубился сквозь нѣсколько непріятельскихъ полковъ; разсѣилъ конныхъ егерей, вспрѣтившихъ его въ лѣсу; съ малою потерею и съ великою честію присоединился къ Русскому войску. Генералъ *Корфъ* быстротою и силою коннаго строя, а Графъ *Кутайсовъ* громомъ ввѣренныхъ ему орудій, доказали, что малое число Рускихъ воиновъ отражаетъ и гонитъ враговъ, дерзающихъ вступать въ явный бой. Знаменитый *Платовъ*, Вождь мужественнаго Донскаго войска, и храбрый *Кульневъ* увѣнчались новою славою. *Платовъ*, вступая въ первое сраженіе съ непріятелемъ, отдалъ приказъ, чтобы Козаки, лишившіеся лошадей, бились пѣшіе; чтобы легко раненые не отдалялись, и чтобы каждый дѣйствовалъ до изнеможенія силъ. „Мы должны“ говорилъ онъ „при самомъ началѣ показать врагамъ, что помышляемъ не о жизни, но о чести и славѣ Россіи.“ Симъ благороднымъ рвеніемъ оживотворялись всѣ сыны *Россіи*, ополчившіеся за честь и славу Отечества.

Въ началѣ Іюля мѣсяца первая армія, соображая движенія свои съ непріятелемъ, быстро слѣдовала лѣвымъ крыломъ къ *Полоцку*. Прошедъ сей городъ, она усиленными переходами двинулась къ *Витебску*. Графъ *Витгенштейнъ* остался въ *Дриссѣ*, для наблюденія дѣйствій враговъ и для защищенія Псковской дороги. Въ сіе время соединеніе двухъ *нашихъ западныхъ* армій было главнымъ предметомъ. *Наполеонъ* преслѣдовалъ первую армію, *Даву* вторую, *Удино* съ лучшею частію войскъ отряженъ былъ противъ *Витгейштейна*. Прощаясь съ *Наполеономъ*, Маршалъ *Удино* сказалъ: *„Поздравьте меня; я прежде васъ буду въ одной изъ Россійскихъ Столицъ.“*

Между тѣмъ, когда совершалось предположенное соединеніе нашихъ армій, Французы неутомимо старались отвлечь Рускихъ отъ главной ихъ цѣли. Зная превосходство силъ своихъ, они желали принудить насъ къ сраженію и выдумывали для того подложныя письма. Въ письмѣ, изданномъ ими на имя Графа *Сен-При*, они между прочимъ говорили: „Сей походъ послужитъ важнымъ урокомъ для военныхъ людей и достопамятнымъ событіемъ для

Исторіи. Малѣйшее движеніе первой арміи истребилобъ всѣ передовыя отдѣленія непріятельскихъ войскъ. Бездѣйствіе оной погубитъ нашу армію, войска *Тормасова*, и принудитъ первую армію отступить ко Пскову, не учиня ни одного выстрѣла. Мы развѣ только можемъ безпокоить корпусъ *Даву*. Но въ это время *Австрійцы* и *Саксонцы*, потянувшись отъ *Пинска* къ *Мозырю*, соединятся съ *Вестфальцами*, которые, заслонивъ *Бобруйскъ* и угрожая *Житомиру*, принудятъ *Тормасова* бѣжать къ Кіеву; *Волынія* и *Подолія* взволнуются, лишатъ продовольствія *Молдавскую* армію, которая весьма будетъ щастлива, естьли удастся ей достигнуть *Днѣстра*. Вотъ пагубныя слѣдствія отъ неосторожнаго движенія арміи на *Свѣнцаны*, вынужденное разсѣяніемъ оной. Быстрое стремленіе къ *Дриссѣ* еще пагубнѣе (1)."

Симъ ложнымъ письмомъ Французы явно свидѣтельствовали, что имъ крайне тягостно было обдуманное бездѣйствіе

---

(1) См. Вѣдомости Департамента *Устій Эльбскихъ* No 136. Тамъ сказано, будто бы письмо сіе было отправлено къ Графу Сен-При изъ Слуцка.

первой арміи. — Въ подтвержденіе сего приведу слова изъ тѣхъ же вѣдомостей: „Уныніе, поразившее Руское войско, заставляетъ оное бѣжать толпами. Увѣряютъ, что *Багратіонъ* сказалъ, что онъ ожидаетъ горестной развязки.“

Всѣ сыны Отечества знали, что грозная шумитъ буря надъ Россіей, что порывы сей гибельной бури могутъ поколебать и ниспровергнуть вѣковое ея существованіе. Всѣ знали, какія бѣдствія постигнутъ наше Отечество, естьли оно низринется въ оковы гордаго завоевателя; а потому ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, убѣжденный со всѣми ревностными сынами Россіи въ настоящельной опасности, обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ первопрестольной Столицѣ Москвѣ въ Полоцкѣ отъ 6 Іюля:

„Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово вспрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по Отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ пред-

варенія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нацiей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да поставитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ *Сами стать посреди* народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣ-

щанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными, на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.“

Хотя Англія сражалась внѣ Англіи за независимость свою и за свободу Европы; хотя нога непріятельская не попирала земли ея, но и тамъ такими же воззваніями, какъ и въ предѣлахъ Россіи, старались воспламенять души и умы народа. „Намъ предстоятъ,“ говорили Англичане, „или упорная война, или позорное порабощеніе. Кто станетъ помышлять о жизни, когда дѣло идетъ о чести и независимости? Война будетъ намъ стоить важныхъ пожертвованій; но мы готовы на всѣ пожертвованія. Мы тягостное подъемлемъ бремя, но мы подъемлемъ его для отечества. Мы обрекли себя на всѣ опасности за свободу Англіи, за сохраненіе гробовъ отцевъ нашихъ; за храмы, воздвигнутые Богу, повелѣвающему соблюдать свободу и

славу отечества своего. Какія бѣдствія, какія несказанныя утраты постигли бы насъ, естьлибъ мы преклонили главу предъ ненасытнымъ властолюбцемъ. Нѣтъ! мы возстанемъ всѣмъ *тѣломъ Государственнымъ*, *для* сохраненія благосостоянія общественнаго.“

Въ тотъ самый день, когда АЛЕКСАНДРЪ Первый взывалъ къ первопрестольной Столицѣ, Москвѣ, то есть *шестаго* Іюля, въ тотъ самый день и въ древнемъ городѣ *Козельскѣ*, увѣковѣчившемъ славу свою упорною защитою въ нашествіе люпаго Батыя; и тамъ гремѣлъ голосъ, оживотворявшій гражданъ къ единодушному возстанію за Отечество. Одинъ изъ первостепенныхъ тамошнихъ гражданъ вѣщалъ къ собратіямъ своимъ: „Въ нашествіе кровожаднаго *Батыя* Россія возмущалась раздорами удѣльныхъ Князей: не было тогда согласія, не было и спасенія. Но и въ тѣ скорбные дни городъ *Козельскъ*, огражденный однѣми сваями, оборонялся семь недѣль; и тогда только палъ, когда не стало ни одного защитника. Естьли предки наши и въ раздробленной Россіи умѣли

сражаться и умирать за честь имени Рускаго и за Вѣру праотеческую; то мы ли не возстанемъ къ защитѣ Отечества одною душою и однимъ сердцемъ подъ Державою Самодержца и Отца Россіи? Да не кичится гордый врагъ: онъ вездѣ встрѣтитъ Рускихъ, головыхъ или побѣдитъ, или пасть подъ развалинами родныхъ своихъ городовъ (1)."

Часъ отъ часу болѣе блѣднѣла и затмевалась та *звѣзда*, которую Наполеонъ называлъ своею *лучезарною звѣздою*, предвѣстницею всемірнаго его обладанія. Послѣ высокопарныхъ военныхъ извѣстій, онъ принужденъ былъ признаться, что Князь Багратіонъ отъ того уклонился отъ погибели, что Французское войско не умѣло его быстро преслѣдовать (2). Такія же превратности поражали полки завоевателя и въ Испаніи.

Іюля *девятаго* ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ прибылъ въ Смоленскъ. Среди грознаго нашествія и общей опасности былъ Онъ

---

(1) Смол. тогдашнія современныя извѣстія.
(2) Смол. походъ въ Москву; сочиненія *Дюрдана стр. 97.*

вѣстникомъ мира въ стѣнахъ сего города, названнаго *ератами Россіи*. Тамъ возвѣстилъ онъ о мирѣ съ Портою Оттоманскою; тамъ встрѣтили Его съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ привѣтствовали и во дни тишины и спокойствія; тамъ прикладывался Онъ къ Чудотворной иконѣ Смоленской Божіей Матери; тамъ вознеслись къ небесамъ о новомъ мирѣ первыя моленія, предвѣщавшія близкое паденіе мнимаго обладателя вселенной.

Въ достопамятное время междуцарствія, первыя дружины подъ знамена Князя Пожарскаго отправились изъ областей Смоленскихъ. И въ 1812 году первый порывъ къ общему ополченію ознаменовался въ стѣнахъ Смоленска.

МОСКОВСКІЯ И ВОЕННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ 1812 ГОДА ОТЪ 11 ДО 18 ІЮЛЯ.

Одиннадцатаго Іюля получено въ Москвѣ воззваніе ГОСУДАРЯ къ первопрестольной Столицѣ, отправленное отъ 6 числа изъ Полоцка. Въ тотъ же самый день повѣщено, что ГОСУДАРЬ прибытіемъ Своимъ

ощастливитъ древнюю Столицу Рускихъ Царей.

Сильно были поражены Московскіе жители вѣстію о предстоявшей опасности всему Отечеству; но мысль, что чрезъ нѣсколько часовъ увидятъ ГОСУДАРЯ, сія сладостная мысль успокоила и наполнила восторгомъ души и сердца. Не во дни благоденствія познаются любовь и приверженность сердечная; гдѣ во дни злополучные горятъ души любовію и усердіемъ, тамъ непреоборимо владычествуютъ усердіе и любовь. ГОСУДАРЬ АЛЕКСАДРЪ Первый во дни ужаснѣйшихъ бѣдствій узрѣлъ торжественно, что Онъ Царь Отечества, Царь душъ и сердецъ.

Съ утра уже множество народа спѣшило за *Драгомиловскую заставу* на Смоленскую дорогу. Внутри города Священники, въ облаченіи и со крестами, стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ Соборѣ собралось первостепенное Духовенство и знатнѣйшіе Чиновники. Градоначальникъ Московскій поѣхалъ на встрѣчу *ГОСУДАРЯ*. Въ сіи часы радостнаго ожиданія едва ли кто помнилъ, что врагъ строптивый гу-

битъ землю Рускую; всѣ пылали однимъ желаніемъ — узрѣть скорѣе Помазанника Божія. Гдѣ всѣ единодушны къ Богу и къ Царю, тамъ не торжество, но гибель враговъ.

На *Поклонной горѣ*, по Смоленской дорогѣ, ошкуда древняя Столица является во всемъ велелѣпіи, ошкуда *Наполеонъ* въ первый разъ увидѣлъ златоглавые верхи храмовъ Божіихъ, увидѣлъ — чтобы никогда уже не видѣть ни славы, ни торжествъ: на *Поклонной горѣ* сидѣло множество отдыхающаго народа. Иные, уклонясь съ дороги, разположились подъ тѣнью деревъ и перечитывали другъ другу *воззваніе къ первопрестольной Столицѣ*. Между тѣмъ, какъ каждый отъ сего отеческаго воззванія кипѣлъ гнѣвомъ противъ врага люшаго и ревновалъ вѣрною грудью стать за градъ первопрестольный, вдругъ принеслась отъ заставы вѣсть, что *усердные Московскіе обыватели хотятъ изъ коляски Государевой выпречь лошадей и несть на плечахъ до самаго Кремля*. Безъ всякаго посторонняго внушенія, *жители*, отдыхавшіе на *Поклонной горѣ* и въ рощѣ, единодушно воскликнули.

Не уступимъ: мы впереди; мы прежде поспѣшимъ: мы на себѣ понесемъ коляску Государя. Ура! впередъ!! Съ симъ словомъ двинулось нѣсколько сотъ впередъ. Веселясь, что они скорѣе другихъ изъявятъ свое усердіе, при появленіи вдали кареты или коляски радостно возглашали: *ура!* и не шли, но летѣли. Начинало уже смеркаться; на пятнадцатой верстѣ отъ заставы узнали отъ проѣзжихъ изъ села *Перхушкова*, гдѣ ГОСУДАРЬ изволилъ отдыхать, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО на другой день осчастливитъ Москву Своимъ присутствіемъ. . . . *Одиннадцатаго Іюля* одно только то горестное чувствіе посѣтило сердца Московскихъ жителей, что они нѣсколькими часами позже увидятъ Царя милосердаго.

Все, что относится къ изъявленію народнаго духа, все то достойно вниманія. Крестьяне деревни *Филей*, или села *Покровскаго*, находящагося въ пяти верстахъ отъ заставы, по коренному Русскому обычаю, желая вспрѣтить ГОСУДАРЯ съ *хлѣбомъ и солью*, послали двухъ гонцовъ верхами въ *Перхушково*. Гонцы свое дѣло

исполнили, поспѣли увѣдомить, что ГОСУДАРЬ выѣхалъ; и хотя уже былъ двѣнадцатый часъ ночи, но Священникъ *Покровскаго* села *Григорій Гавриловъ* имѣлъ щастіе встрѣтить ГОСУДАРЯ на *Поклонной горѣ*. Священникъ былъ въ облаченіи, со крестомъ на блюдѣ; престарѣлый Діаконъ держалъ свѣчу, разливавшую блескъ среди ночи. ГОСУДАРЬ, находясь въ открытой колескѣ, при семъ благоговѣйномъ зрѣлищѣ тотчасъ приказалъ остановиться; изъ рукъ Священника принялъ блюдо со крестомъ и приложился съ глубокимъ вздохомъ. Царь Руской скорбѣлъ о народѣ Своемъ; Царь небесный услышалъ воздыханіе Своего Помазанника, и спасъ Царя и Царство.

При встрѣчѣ ГОСУДАРЯ читаны *стихиры Пасхи*: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.“

По Ангельской Своей скромности ГОСУДАРЬ, уклонясь *одиннадцатаго Іюля* отъ торжественныхъ народныхъ кликовъ, прибылъ подъ мракомъ ночи въ Столицу предковъ и остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Строптивый врагъ, напоромъ буйственнымъ тѣснясь къ предѣламъ Смоленска, мечталъ, что Руская земля, попираемая его ногами, отнынѣ и навсегда будетъ волѣ его рабствовать. Властолюбецъ, ослѣпленный гордостью, и помыслить не могъ, что власть надъ сердцами сильнѣе всѣхъ властей, и что торжество Вѣры и вѣрности есть торжество природныхъ *Государей*, помазанниковъ Божіихъ и отцевъ своихъ подданныхъ.

Двѣнадцатый день Іюля *тысяча осемь сотъ двѣнадцатаго года* напечатлѣется въ лѣтописяхъ отечественныхъ торжествомъ любви Царя природнаго надъ сердцами народа вѣрнаго.

Съ восходомъ солнечнымъ жители Московскіе начали стекаться въ Кремль. Тысячи народа шли за тысячами; на площади не оставалось свободнаго и ступня земли. Старцы воздвиглись съ одровъ — желаніемъ узрѣть своего Царя, и матери съ младенцами безбоязненно тѣснились между безчисленными сонмами. Въ сей день каждый страшился только того, чтобы не опоздать къ тому мгновенію, когда выйдетъ изъ древнихъ Царскихъ чертоговъ

Царь православный, прибывшій съ полей битвъ къ отрадѣ общенародной. Казалось, будто бы и природа согласовалась съ движеніемъ радостныхъ сердецъ: солнце въ полномъ блескѣ сіяло; но въ сей день, въ сіи часы, очи и души всѣхъ обращены были къ другому свѣтилу — къ Царю-Отцу, Который подъ мракомъ грозныхъ тучь озарялъ Свое Царство надеждою на Бога и довѣренностію къ Отечеству.

Вышелъ Царь Рускій изъ палатъ предковъ Своихъ; какъ Ангелъ Божій, явился народу на Красномъ крыльцѣ. Раздался звонъ колокольный; воскликнули сотни тысячъ голосовъ: *да здравствуетъ* ЦАРЬ ГОСУДАРЬ! полетѣли шапки на воздухъ.... Съ радостными возглашеніями: *ура!* мѣшались слезы и рыданія. Восторгъ, жалость, любовь къ Царю кроткому, гнѣвъ къ врагу люпому, волновали души и сердца. Тысячи людей Рускихъ, въ слезахъ и рыдая, кричали отъ избытка душевнаго: *Веди насъ*, ЦАРЬ ГОСУДАРЬ! *умремъ, или истребимъ злодѣя!* ... Съ того времени, когда Божіи помазанники воцарились надъ народами; съ того самаго времени никто изъ Царей, нигдѣ и никогда не былъ

такъ встрѣченъ и привѣтствуемъ, какъ встрѣченъ былъ нашъ Царь, Отецъ подданныхъ и Царь сердецъ.

Что ощущало тогда сердце Царя Рускаго? Ему и Богу только извѣстно. Привѣтствуемый торжественными кликами, ГОСУДАРЬ остановился на Красномъ крыльцѣ; нѣсколько мгновеній очи и сердце Его обтекали сонмы народа вѣрнаго; потомъ шествовалъ къ Успенскому Собору и неоднократно останавливаемъ былъ порывами ревности и усердія. Иные припадали къ стопамъ ГОСУДАРЯ, другіе хватались за одѣяніе, и всѣ близъ стоявшіе со слезами восклицали: *Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! да сохранитъ Тебя Богъ!*

Звонъ колокольный продолжался; клики народные гремѣли неумолкно....

Преосвященный Августинъ, Викарій Московскій, во внутренности храма Божія повторилъ ГОСУДАРЮ въ разительныхъ изреченіяхъ то, что происходило въ сердцахъ народа при встрѣчѣ Царя-Отца. „Тамъ“ вѣщалъ духовный Вития „тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій Своихъ, Ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любо-

вію къ Тебѣ и Отечеству; тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной Россіи; тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь.“ Въ сей день совершалось молебствіе о замиреніи съ Турціей. ГОСУДАРЬ самъ былъ благовѣствователемъ мира. . .

Выходъ ГОСУДАРЯ изъ Успенскаго Собора новыми сопровождался кликами. Всѣмъ казалось, всѣ были убѣждены, что Царь богобоязненный, поклонившійся гробамъ предковъ Своихъ, приложившійся къ святымъ Мощамъ, изъ стѣнъ храма Божія выводитъ съ Собою спасеніе Отечества. . . . Зрѣлище неописанное, зрѣлище, какимъ въ одной землѣ Руской можетъ наслаждаться Царь благовѣрный; но и въ Руской землѣ едва ли когда было подобное зрѣлище: единодушное только избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова можетъ сравнишься съ сими восхитительными часами. Сколь судьбы Божіи неисповѣдимы! За двѣсти лѣтъ передъ симъ, сынъ Великаго Патріарха Филарета, Михаилъ Первый, возставилъ Отечество, врагами разоренное; черезъ двѣсти лѣтъ потомокъ

Михаила, АЛЕКСАНДРЪ Первый, удержалъ упадающее Отечество и спасъ народъ, которому коварный и лукавый врагъ несъ вѣчныя цѣпи, вѣчный позоръ.

Всѣ часы, всѣ мгновенія *девнадцатаго Іюля* ознаменовывались усердіемъ и любовію народной. Обѣденное время представило новое пріятное зрѣлище.

Обыватели Московскіе всякаго званія, лѣтъ и пола, взошедъ на Красное крыльцо, обступили всѣ окна, и пока продолжался столъ, не спускали глазъ съ ГОСУДАРЯ. Они радовались, они восхищались, видя Рускаго Царя, вкушавшаго *хлѣбъ-соль* въ палатахъ предковъ и въ первопрестольной Столицѣ. Когда хотѣли отдалять народъ, ГОСУДАРЬ говорилъ: *не троньте! не троньте!* По сему случаю одинъ почтенный любитель Отечества сказалъ: *Въ одной только Москвѣ можно насладиться столь восхитительнымъ сближеніемъ народа съ Государемъ. Добрые Рускіе Цари такимъ образомъ строили свои палаты, чтобы они могли всѣхъ видѣть, и чтобы и люди Рускіе ихъ видѣли и къ нимъ приближались какъ дѣти къ отцамъ.*

Въ двѣнадцатый день Іюля *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года* на Красной площади, въ виду древнихъ черногговъ, передъ лицемъ божественныхъ храмовъ, гдѣ почіетъ прахъ Рускихъ Царей, въ стѣнахъ Кремля — воспріялъ новое пораженіе *Наполеонъ властолюбивый*. На Красной площади, предъ лицемъ Царя благочестиваго, предъ лицемъ священныхъ Соборовъ изрекъ народъ православный кляшву: *или умереть, или истребить врага строптиваго!*

Москва оживалась присутствіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а трудное поприще новой войны озарялось новою славою Рускихъ. 15 е Іюля 1812 года было днемъ безсмертнаго торжества Графа Остермана Толстаго. Сей Герой, неутомимый въ подвигахъ мужества и любви къ Отечеству, хотя и былъ уволенъ отъ службы по причинѣ разстроеннаго здоровья отъ трудовъ военныхъ и тяжелой раны, полученной имъ 1807 года; при возшумѣвшей бурѣ, сопровождавшей Наполеона въ предѣлы Россіи, немедленно подалъ прошеніе о вступленіи въ службу. Дорожа каждымъ мгновеніемъ и боясь не быть тамъ, гдѣ

была опасность, не дождавшись отвѣта отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, онъ поспѣшилъ къ арміи Графа Винценштейна. Между тѣмъ, за болѣзнію Графа Шувалова, получилъ въ начальство *четвертой корпусъ* и отряженъ былъ, для нападенія 13 Іюля при *Островнѣ* на два соединенные Французскіе корпуса, предводимые *Мюратомъ* и Принцемъ *Евгеніемъ Богарне.* Цѣль сего нападенія состояла въ прикрытіи движеній главной арміи и въ облегченіи оной къ соединенію съ арміей Князя Багратіона. Герой оправдалъ довѣренность къ мужеству и благоразумію его. Тщетны были всѣ покушенія многочисленнаго и упорнаго врага. Подъ градомъ пуль и картечей Графъ Остерманъ дѣйствовалъ съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ будто бы ему не предстояли ни опасность, ни смерть. Но смерть и опасность не существуютъ для избранныхъ любимцевъ славы; честь, Отечество, долгъ службы и Вѣра: вотъ ихъ единственные путеводители. Непріятельская многочисленная артиллерія яростно гремѣла и вырывала ряды храбрыхъ Россіянъ. Наши пушки и отъ затруднительной перевозки, и отъ разстрѣленія зарядовъ

должны были онѣмѣть. Къ Герою отправлялись нарочные для освѣдомленія — что дѣлать? *Ничего не дѣлать*, отвѣчалъ онъ: *стоять и умирать*. Устояли Рускіе, воспламенные непоколебимымъ мужествомъ вождя своего. Открылся свободнѣйшій путь къ соединенію арміи Рускихъ.

Въ то же почти время Раевской сражался въ окрестностяхъ Могилева съ пятью Французскими *дивизіями*, подъ начальствомъ Маршаловъ *Даву* и *Мортье*. Могилевъ уже былъ въ рукахъ непріятеля. 9 Іюля Раевскій отправился изъ *Бобруйской* крѣпости съ тринадцатью тысячами: ему препоручено было вездѣ отражать и опрокидывать непріятеля, не взирая ни на какое превосходство силъ. Десятаго числа Герой встрѣтился при *Дашковкѣ* съ первыми непріятельскими войсками, напалъ и отразилъ на семь верстъ до деревни *Султановки*. Тутъ собралось до сорока тысячъ непріятелей, защищаемыхъ и рѣчкою и лѣсомъ. Къ сему твердому мѣстоположенію вела одна большая дорога, огражденная по сторонамъ деревьями и защищаемая губительною батареей. Не колеблясь мужествомъ, но сообразя всѣ сіи обстоя-

шельства, Раевскій извѣщаетъ Князя Багратіона о положеніи своемъ. Новый приказъ: *нападать*. Подъ тучею пуль и картечей войска Рускія идутъ по большой дорогѣ, видятъ смерть и не колеблются въ рядахъ: сильнымъ и многочисленнымъ врагомъ загражденъ имъ узкій и смертоносный путь. На каждомъ шагу умножается опасность, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспламеняется и духъ Героя. Не помышляя о жизни, но о чести, Раевской соскакиваетъ съ коня; неустрашимый Васильчиковъ то же дѣлаетъ. Полки Рускіе спѣшатъ за ними на явную смерть. Непріятель, раздраженный упорствомъ Рускихъ, съ новымъ ожесточеніемъ противоборствуетъ. При одномъ изъ сихъ упорныхъ нападеній, Раевскій съ двумя юными своими сынами устремляется впередъ и восклицаетъ: *Впередъ ребята, за вѣру и отечество! Я и дѣти мои, которыхъ приношу въ жертву, откроемъ вамъ путь.*

Сею непреклонною рѣшительностію открылся Платову путь къ Смоленску, для соединенія съ первою арміей. Не побѣжденный, но изумленный непріятель укротилъ дерзость свою и, не полагаясь на си-

лы свои, не отважился безпокоить полки Князя Багратіона въ достиженіи единственной его цѣли: въ соединеніи съ главною арміей. Раевской и Графъ Остерманъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ проложили къ тому стезю мужествомъ своимъ и рѣшительнымъ отреченіемъ отъ жизни для блага и пользы Отечества.

На поляхъ рашныхъ, въ стѣнахъ Москвы, на берегахъ Невы, ознаменованной славою древняго Александра Невскаго; во всѣхъ странахъ Россіи, въ пустыняхъ и въ кельяхъ уединенныхъ: вездѣ, всѣ единодушно помышляли о славѣ и независимости Россіи. Уже изнеможеніе тѣлесныхъ силъ предвѣщало Преосвященному Платону сближеніе со гробомъ и могилой; но въ безмолвной и мирной своей кельѣ, пламенѣя не старѣющуюся любовію къ Отечеству, препроводилъ онъ къ ГОСУДАРЮ образъ Сергія Преподобнаго. „Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ!“ вѣщалъ въ письмѣ своемъ незабвенный Пастырь Церкви и Витія духовный.

„Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ — пріемлетъ Христа своего, яко мать въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и, сквозь возникающую мглу провидя бли-

стательную славу своея Державы, поетъ во восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый! Пустнь дерзскій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра — сія праща Россійскаго Давида — сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се образъ Преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего Отечества, приносится ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Болѣзную, что слабѣющія силы мои препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ ВАШИМЪ лицезрѣніемъ.

Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.“

Казалось, что 1812 года дѣянія протекшихъ вѣковъ соединились съ произшествіями девятнадцатаго столѣтія. При нашествіи высокомѣрнаго *Мамая*, изъ священныхъ спѣнъ Троицы-Лавры препровождено было къ Князю Димитрію благословеніе: да начнетъ онъ подвигъ спасенія Отечества! 1812 Года Преосвященный Платонъ препроводилъ къ АЛЕКСАНДРУ Пер-

вому ликъ того Божіяго Угодника, который и въ жизни скоротечной, отдѣлясь отъ праха земнаго, парилъ душою въ небесахъ, не разлучаясь отъ Отечества желаніемъ ему щастія, основаннаго на Вѣрѣ и Вѣрою подкрѣпляемаго.

Каждый день пребыванія ГОСУДАРЯ въ первопрестольной Столицѣ, Москвѣ, былъ днемъ торжества любви народной. День пятнадцатаго Іюля ознаменованъ симъ торжествомъ. Въ сей день повѣщено было Дворянству и Купечеству въ девять часовъ утра собраться въ Слободскомъ Дворцѣ, въ двухъ различныхъ комнатахъ. Стеклось множество Дворянъ и гражданъ, готовыхъ въ нуждѣ Отечества не только отречься отъ своихъ выгодъ, но и нужды свои забыть.

Блаженъ Царь, любимый народомъ! блаженъ и народъ, управляемый Царемъ природнымъ! Народъ ввѣряетъ души свои Помазаннику Божію; а сей посредникъ между Богомъ и его людьми открываетъ всю душу, все сердце Свое народу вѣрному, народу, живущему любовью къ Богу и Царю.

Прибывъ въ *Слободской* Дворецъ, ГОСУДАРЬ тотчасъ пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершалось молебствіе для испрошенія покровительства небеснаго. Моленія Царя-Отца за народъ, подвластный Ему сердцемъ и душой, — такія моленія восходятъ къ престолу Царя Царей, Заступнику правоты и Карателю насилія.

По окончаніи молебствія, ГОСУДАРЬ посѣтилъ купеческое сословіе. При воззрѣніи на лица вѣрныхъ Московскихъ гражданъ, наполнилось жалостію отеческое сердце АЛЕКСАНДРА Перваго. ГОСУДАРЬ началъ говорить, и съ произношеніемъ перваго слова слезы показались въ очахъ его. Сильною священною ревностію закипѣли сердца всѣхъ гражданъ. Слезы Царя о народѣ суть безцѣнный даръ! Градской Голова, одушевленный ревностію, воскликнулъ: ГОСУДАРЬ! *мы всѣ готовы Тебѣ жертвовать имуществомъ и жизнію.* И въ то же мгновеніе начались пожертвованныя подписки.

Въ Дворянскомъ и Купеческомъ собраніи, еще до прибытія ГОСУДАРЯ во Дворецъ, читанъ былъ Высочайшій Манифестъ Государственнымъ Статсъ-Секрета-

ремъ, Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ. Почтенный видъ сего Государственнаго Чиновника, глава его, убѣленная и лѣтами и долговременною службою; мысль, что онъ недавно былъ свидѣтелемъ готовности Рускихъ умирать за Отечество; голосъ, оживленный тѣмъ пламеннымъ чувствованіемъ, которое изобразилъ онъ въ рѣчи своей о любви къ Отечеству: все сіе преклоняло къ вниманію умы и души. Среди глубокаго безмолвія присутствовавшихъ загремѣли и отозвались въ сердцахъ сіи незабвенныя слова:

„Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясать спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войски НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и что, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость

ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что опасность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство, полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду, въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей, каждаго и всѣхъ.

„МЫ уже воззвали къ первопрестольному граду НАШЕМУ Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ воспаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ Дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражда-

нинѣ Минина. Благородное Дворянское Сословіе! ты-во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и Духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Руской! храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

„Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ Губерніяхъ Дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя Начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми Предводитель.“

Необычайнымъ рвеніемъ пламенѣло Купечество. Мыслямъ ихъ представлялся великій ихъ предокъ Мининъ, который обрекъ себя на жертву Отечества и одушевилъ симъ великодушнымъ самоотреченіемъ всѣхъ согражданъ своихъ. Московскій Градоначальникъ вошелъ въ Дворлнское Собраніе

изъ купеческой комнаты и, указывая на оную, сказалъ: „Вотъ оттуда будутъ щедрые дары на содержаніе ополченія; а намъ предоставилъ ГОСУДАРЬ выставить воиновъ. Гдѣ души готовы на пользу Отечества, тамъ не нужны многорѣчивыя пренія.“ Посовѣтовавшись между собою, усердные Дворяне сказали: *Все, что имѣемъ, принадлежитъ ГОСУДАРЮ и Отечеству. Надо отдать все; предлагаемъ въ ополченіе съ десяти душъ одного.* Вскорѣ прибылъ ГОСУДАРЬ и въ рѣчи Своей изъяснилъ, что хотя Онъ никогда не сомнѣвался въ усердіи Дворянства, но при семъ случаѣ рвеніе Дворянства превзошло даже Его ожиданіе, и заключилъ сими словами: *время всего дороже.*

По отбытіи ГОСУДАРЯ изъ Дворца, Московскій Градоначальникъ читалъ начертаніе о составленіи и вооруженіи ополченія. Немедленно учредились два Комитета: одинъ для пріема новыхъ защитниковъ Отечества, другой для пріема пожертвованій, приносимыхъ на алтарь Отечества.

При началѣ составленія Московскаго ополченія, Руское оружіе увѣнчалось новыми успѣхами. Тормасовъ разбилъ въ *Коб-*

рикѣ весь отрядъ Саксонскихъ войскъ и взялъ въ плѣнъ. Пятнадцатаго же числа въ сраженіи при *Витебскѣ* неустрашимый *Коновницынъ* пожалъ новые лавры. Такимъ образомъ въ одинъ день и въ различныхъ предѣлахъ Россіи одни изъ Россіянъ готовились на поле битвы, другіе разили враговъ и пролагали путь къ славѣ.

Въ тотъ самый день, то есть 15 Іюля, когда предположено было устроеніе ополченія въ Москвѣ, то же самое происходило и въ Новгородѣ. Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, предварительно уже изъявила желаніе вооружить дружину на службу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; а Супругъ Ея, Его Императорское Высочество Принцъ Георгъ *Голстинскій*, возвратясь съ поля битвъ во ввѣренныя ему Губерніи, издалъ воззваніе къ Новгородскому Дворянству. Въ ономъ помѣщены сіи достопамятныя слова: *нечего намъ страшиться, буде знаемъ опасность.* Симъ изреченіемъ изображенъ духъ Рускаго народа. Никакая явная опасность не устрашала *Славяно-Россовъ.* Чѣмъ упорнѣе вѣроломный врагъ, тѣмъ славнѣе низлагать

спротивность и вѣроломство. Не ужасаясь извѣстной опасности, но всѣми силами противуборствуя оной, мы твердо можемъ быть убѣжденьі, что *Царь Царей, всесильный Богъ, сохранитъ любезное наше Отечество въ побѣдѣ, славѣ и цѣлости* (1).

Быстро разносился по областямъ Россіи голосъ любви къ Отечеству и усердія къ Престолу. Въ Москвѣ и въ Новгородѣ въ одинъ день, то есть 15 Іюля, вооружались новыя силы на враговъ; то же самое воспослѣдовало въ Петербургѣ Іюля 17. Единодушіе и единомысліе сближало всѣ края Россіи. Москва избрала въ Вожди ополченія *Кутузова*, недавно передъ тѣмъ увѣнчавшагося новыми подвигами славы въ предѣлахъ Турціи. Градъ Петровъ вызвалъ Героя изъ мирнаго уединенія. Явясь въ сословіе Дворянъ, Кутузовъ сказалъ: *Честь, которую вы мнѣ дѣлаете, краситъ всю мою службу и сіи сѣдины.* При сихъ словахъ престарѣлый Полководецъ приподнялъ волосы свои. Слезы лились изъ очей предстоявшихъ.

---

(1) Слова изъ воззванія къ Новогородскому Дворянству.

Въ томъ же достопамятномъ Іюлѣ мѣсяцѣ 1812 года, когда Россія призывала сыновъ своихъ къ единодушной защитѣ Россіи и на брегахъ Москвы рѣки, и на брегахъ Волхова и Невы, и повсемѣстно: въ тотъ самый мѣсяцъ Англичане призывали Европейскія области къ возстанію противъ завоевателя. „Англія и Швеція“ говорили они, „соединенныя непоколебимымъ союзомъ, могли бы теперь, при сильномъ ополченіи Россіянъ, ободрить унылыхъ жителей Нѣмецкаго края. Швеція подкрѣпитъ ихъ войсками; Англія оружіемъ, деньгами и запасами. Флотъ нашъ быстро можетъ летать по берегамъ; мы станемъ вездѣ превожить непріятеля: пусть Германцы составятъ народныя войска, подобныя войскамъ Испанскимъ. Наполеонъ страшится печатныхъ разглашеній; разсѣимъ оныя повсюду; представимъ позоръ порабощенія игу иноплеменному. Мы не могли помочь Пруссіи при *Іенскомъ* сраженіи; но теперь Балтійское море намъ открыто. Англинская морская сила могла бы способствовать снятію осады Данцига; Англинскія войска могли бы отвлекать часть Французскихъ войскъ отъ предѣловъ Россіи.

Чего ожидать отъ того властелина, который убійствомъ невиннаго и великодушнаго *Пальлы* явилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ всѣмъ готовъ жертвовать ненасытному своему властолюбію."

Такъ объяснялись Англичане, и тожъ самое говорилъ и Барклай де Толли разноплеменнымъ войскамъ, вступившимъ въ Россію подъ знаменами завоевателя. Печатными объявленіями приглашалъ онъ ихъ въ ряды наши или въ мирныя наши жилища. Но тогда не изчезло еще очарованіе, порабопившее Наполеону почти всѣ народы Европейскіе. Провидѣніе опредѣлило имъ идти путями испытанія, чтобы утвердиться единодушіемъ къ спасенію Европы или у своихъ рубежей, или на родной землѣ и подъ отечественнымъ небомъ.

ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ ОТЪ 19 ЧИСЛА ДО БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

то есть до 26 Августа.

Осмнадцатаго числа ночью ГОСУДАРЬ отправился въ Петербургъ, а 19 го препроводилъ къ Преосвященному Платону изъ Твери слѣдующій отвѣтъ на письмо его: „Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ Образъ Преподобнаго Сергія. Первое принялъ Я съ удовольствіемъ какъ отъ знаменитаго Пастыря Церкви и МНОЮ столь уважаемаго, второе съ благоговѣніемъ. Образъ Святаго Поборника Россійскихъ силъ велѣлъ Я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію, да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенные славою дни ваши.“

Отъ 21 Іюля получено извѣстіе о трехдневномъ сраженіи Графа Виттенштейна съ Французами. Предупреждая Маршала *Макдональда* на Двинѣ и нѣкогда предупрежденнаго Суворовымъ въ предѣлахъ Италіи на берегахъ рѣки *Требіи*: Руской Герой сразился съ тремя сильными дини-

зіями, предводимыми Маршаломъ *Удино*, именемъ котораго назывались отважнѣйшіе Французскіе гренадеры. Какой духъ устремлялъ полки Французскіе отъ дальныхъ береговъ *Нила* и *Требіи* на берега Двины? Духъ мятежа Французскаго, духъ бранный, духъ, губящій человѣчество! Симъ упорнымъ и прехдневнымъ сраженіемъ защитникъ Пскова отразилъ враговъ отъ предѣловъ Псковскихъ и заслонилъ сѣверную Столицу мужествомъ и грудью Рускихъ. Въ сей грозной битвѣ палъ Кульневъ. Въ послѣдній мигъ жизни своей, сорвавъ съ шеи Георгіевскій крестъ и бросяоный къ воинамъ своимъ, онъ сказалъ: *Вотъ какъ долженъ умереть Рускій Генералъ!* Въ отечественную войну онъ первый изъ Рускихъ Генераловъ смертію своей запечатлѣлъ любовь къ Отечеству. Въ войну Шведскую проходилъ онъ черезъ льды Балтійскаго моря; въ предѣлахъ Турціи вездѣ встрѣчалъ отважно смерть: но смерть постигла его въ придцати верстахъ отъ родины.

„Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.“

Страшенъ былъ онъ въ бояхъ: гибель врагамъ излетала изъ пламенныхъ его очей; но въ дни мирные украшался всѣми чувствованіями души нѣжной и благородной. Мужественный защитникъ Отечества былъ и примѣрнымъ сыномъ. При скудномъ состояніи онъ дѣлился съ матерью жалованьемъ своимъ. Въ простомъ плащѣ, современномъ его службѣ, и на простой повозкѣ, онъ неразлученъ былъ съ безсмертными твореніями всѣхъ вѣковъ. Жизни знаменитыхъ мужей, описанныхъ *Плутархомъ*, не выходили изъ рукъ его: Аннибалъ и Суворовъ были вождями его на поприщѣ славы. Чуждаясь даже и малѣйшей роскоши, онъ говорилъ и писалъ: *Я умру въ величіи бѣдности древнихъ Римскихъ временъ.* Онъ такъ и умеръ. Но въ сей мгновенной жизни смерть равно постигаетъ и любимцевъ роскоши, дремлющихъ на розовомъ ложѣ, сплетенномъ утѣхами, и на полѣ грозныхъ битвъ. Щастливъ тотъ, кто, отходя отъ сей жизни скоротечной, оставляетъ послѣ себя память, ознаменованную честію и добродѣтелью: изъ всѣхъ земныхъ сокровищъ одно сіе сокровище переживаетъ насъ. Кульневъ,

любимецъ славы и любитель бѣдности, оставилъ въ Отечествѣ сіе сокровище. Не только Герои Рускіе, но и непріятели оплакивали его кончину. Графъ Милорадовичь, прочитавъ о томъ извѣстіе въ Кіевѣ, называлъ смерть его смертью *завидною*. И дѣйствительно завидна смерть Героя, павшаго въ сіяніи славы своей: онъ освобождается отъ бурь мірскихъ и превратныхъ людскихъ пересудовъ! Французскій Генералъ *Сенъ-Женіе*, взятый въ плѣнъ Кульневымъ, услыша въ Москвѣ о смерти его, пролилъ горестныя слезы и сказалъ: *Рускіе лишились человѣколюбиваго Героя: онъ собственными руками и собственнымъ платкомъ перевязывалъ мнѣ рану на полѣ сраженія.*

Между тѣмъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ ея все было въ движеніи; сердца и души воспламенялись отважностью и готовностью ко всѣмъ пожертвованіямъ. Села *Крылацкаго* крестьянинъ *Никифоръ Михайловъ*, призвавъ трехъ сыновъ своихъ и повергшись съ ними на колѣни передъ образами Божіими, воскликнулъ: *На старости лѣтъ готовъ идти съ вами на враговъ земли Рускоій. Не отдадимся въ*

плѣнъ; пусть врагъ ненасытный попираетъ однѣ наши кости. Сыны отвѣчали: *Пойдемъ, куда велитъ ЦАРЬ ГОСУДАРЬ! Не отдадимся врагу; положимъ головы наши за Вѣру и за храмы Господни.* О семъ подвигѣ дошло тогда свѣдѣніе до главнаго Московскаго Начальства.

Два раза въ недѣлю Московскія Вѣдомости извѣщали о пожертвованіи для устроенія ополченія.

Кромѣ общихъ, почти ежедневно происходили въ Москвѣ частныя пожертвованія, относившіяся къ общей пользѣ.

Иванъ Семеновичъ Рахмановъ, живущій въ Москвѣ, старался всячески узнавать отъ своихъ знакомыхъ, не нуждается ли кто изъ поступавшихъ въ новую военную силу. Скрывая имя свое, онъ препровождалъ сукно собственнаго издѣлья, говоря, что *долгъ каждаго Русскаго помогать Русскимъ, чѣмъ кто можетъ* (1).

---

(1) Черезъ руки сочинителя сей Исторіи переходили пожертвованія сего усерднаго гражданина; почему и почитаю долгомъ сохранить имя его.

Въ войну съ Французами многія благодѣтельныя купеческія семейства занимались приготовленіемъ *корпій* и *бинтовъ*; многія изъ нихъ придумывали всѣ способы, чтобы хотя чѣмъ нибудь изъявить усердіе свое военнослужащимъ.

Изъ множества свидѣтельствъ усердія Рускихъ купцовъ къ военнослужащимъ разскажу еще одинъ случай.

Одинъ изъ нашихъ раненыхъ героевъ покупалъ въ рядахъ шляпу и шпагу. Выбравъ, хотѣлъ расплатиться; купцы никакъ не принимали денегъ. Герой нашъ наконецъ сказалъ, что оставитъ покупку; Рускіе купцы отвѣчали: *Исходите всѣ ряды, все то же будетъ: никто не возьметъ съ васъ денегъ. Вы пролили кровь за Государя и за Вѣру: не вы должникъ, мы вамъ должники.*

Въ то время, когда всего нужнѣе было оружіе, простая одежда для новыхъ воиновъ и необходимые припасы для продовольствія полковъ: въ то время съ какимъ презрѣніемъ взирали на предметы роскоши и тщеславія! Въ огромныхъ палатахъ, начинавшихъ пустѣть отъ безпрерывныхъ выѣздовъ, всѣ уборы какъ будто

бы сами собою померкли, ожидая скораго превращенія въ пепль и прахъ!...

Между тѣмъ Генералъ Милорадовичъ, котораго въ началѣ *отечественной войны* не доставало еще на поприщѣ войны, получа отъ ГОСУДАРЯ предписаніе въ Кіевѣ, гдѣ былъ Градоначальникомъ, поспѣшилъ въ Калугу для сосставленія новыхъ войскъ. Калужскіе жители отъ мала до велика въ сердечномъ восхищеніи летѣли на встрѣчу Героя и, по обычаю Рускому, поднесли *хлѣбъ-соль*, привѣтствуя словами любви и приверженности душевной. „Мы теперь спокойны“ говорили они: „Господь Богъ послалъ намъ славнаго Генерала Милорадовича. Великъ Богъ, великъ Царь православный!“ Сердца истинныхъ Героевъ, непоколебимыя въ часы смертной опасности, всегда преклоняются на голосъ любви сообчественниковъ. Рускій Герой Милорадовичъ въ умиленіи душевномъ отвѣчалъ: „Все сдѣлаю для васъ, что Богу угодно; не пожалѣю жизни: ничѣмъ инымъ не могу возблагодарить за чувствія, которыя вы мнѣ изъявили.“

Прибытіе Генерала Милорадовича въ древнюю Рускую Столицу также восхити-

ло сердца, какъ и въ Калугѣ. Имя его перелетало изъ устъ въ уста. Многіе отъ должностей гражданскихъ спѣшили подъ знамена Героя.

Градоначальникъ Московскій сталъ на неусыпную стражу Столицы, ввѣренной ему ГОСУДАРЕМЪ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ нашего Отечества. Первое попеченіе обратилъ онъ на нѣ сходбища, гдѣ отъ пустословія праздношатающихся происходитъ буйство, особливо въ обстоятельствахъ необычайныхъ. Въ слѣдствіе сего отъ 20 Іюня далъ слѣдующее предписаніе бывшему тогда Оберъ-Полицмейстеру Ивашкину: „Для сокращенія разврата, пьянства, безобразія и гибели многихъ молодыхъ людей въ *трехъ стахъ девяноста двухъ домахъ*, подъ названіемъ герберговъ, *ресторацій*, съѣстныхъ трактировъ и харчевень, препоручаю Вашему Превосходительству всѣ оныя мѣста привести въ приспойное положеніе.“

Всѣ сіи сборныя мѣста уже отъ 10 Іюня стали запираться въ 10 часовъ по полудни.

Дружескія посланія Московскаго Градоначальника къ обывателямъ Московскимъ и

подъ грозною тучею, стремившеюся отъ Смоленска къ Москвѣ, развеселяли души и сердца. Государевъ Градоначальникъ какъ другъ, какъ отецъ увѣщавалъ людей Рускихъ; и люди Рускіе въ восторгахъ благодарности обращались къ священнымъ стѣнамъ Кремля, и крестясь, со слезами говорили: *Благодаримъ Бога и Царя: у насъ крѣпкой слуга Государевъ, у насъ отецъ Москвы!* Всѣ посланія Московскаго Градоначальника къ народу съ такою же торопливостію расхватывали, какъ и извѣстія о побѣдахъ.

Между тѣмъ въ различныхъ мѣстахъ часъ отъ часу болѣе распространялся громъ оружія.

28 Іюля Прускій Генералъ, находившійся подъ *Ригой*, требовалъ сдачи сей крѣпости; *Есенъ* отвѣчалъ: „Естьлибъ я могъ помыслить, что Пруской Генералъ, по собственному своему побужденію, препроводилъ ко мнѣ письмо, подобное тому, какое я вчера получилъ отъ Вашего Превосходительства; то, какъ Руской Генералъ, я счелъ бы за униженіе на оное отвѣчать. Но видя въ немъ высокопарный

Французскій слогъ, вмѣсто отвѣта; отсылаю оное обратно.“

31 Іюля при мѣстечкѣ *Городечнѣ* 25 тысячъ *Австрійцевъ* и 16 тысячъ *Саксонцевъ* напали на корпусъ *Торгіасова*. Хотя непріятель былъ вдвое сильнѣе, но въ семъ упорномъ дѣлѣ отъ Начальника до нижнихъ чиновъ каждый соревновалъ другъ предъ другомъ въ мужествѣ и неустрашимости. Истощя всѣ усилія; непріятель уступилъ поле сраженія.

Съ 4го на 5е число Августа Наполеонъ, порываясь всѣми силами къ Смоленску; домогался перехватить Московскую дорогу; главная цѣль Рускаго Вождя состояла въ томъ, чтобы уничтожить сіе намѣреніе. Для сего надлежало нѣсколько времени удерживать Смоленскъ и защищать не городъ, нѣкогда процвѣтавшій, но горящія развалины. Важный подвигъ удержанія напора силъ непріятельскихъ порученъ былъ Генералу Дохтурову.

Не отдохнувъ почти и одного часа, Дохтуровъ на разсвѣтѣ отряженъ былъ къ Смоленску смѣнить корпусъ Генерала Раевскаго; мужественно выдерживавшаго упорныя покушенія враговъ. Полки

Раевскаго, одушевлялись его примѣромъ, говорили товарищамъ, пришедшимъ ихъ смѣнить: *Мы не устали; дайте намъ биться.* Дохтуровъ вступилъ въ бой. Каждый шагъ былъ оспориваемъ, каждое мгновеніе ознаменовано дѣлами храбрости и мужества. Малое число войскъ, горсть Рускихъ героевъ удерживала и отражала всѣ Наполеоновы полчища. Городъ пылалъ пожарнымъ пламенемъ; вопли жителей мѣшались съ громомъ пушечнымъ. Около трехъ часовъ по полудни Дохтуровъ вмѣстѣ съ Генераломъ Коновницынымъ устремился къ *Молоховскимъ* воротамъ. Отъ яростнаго напора многочисленныхъ враговъ одинъ изъ Рускихъ полковъ нѣсколько поколебался. „Ребята!“ воскликнулъ Герой „вспомните, что вы сражаетесь за Царя и за Отечество на землѣ родной! вспомните прежнюю храбрость свою и заслужите новую славу!“ Примѣръ Дохтурова и Коновницына, являвшихся впереди рядовъ Рускихъ, оживилъ и воспламенилъ всѣ сердца. Раздалось *ура!* заблистали штыки; непріятель отступилъ. Битва продолжалась до десяти часовъ вечера. Англичанинъ *Вильсонъ*, бывъ свидѣтелемъ битвы Смолен-

ской, говорилъ, что „одни Рускіе могутъ такъ сражаться, какъ сражались они въ стѣнахъ Смоленска.“ Рвеніе къ славѣ и любовь къ Отечеству укрѣпили силы Дохтурова, изнемогшаго отъ болѣзни. „Я выздоровѣлъ отъ битвы Смоленской!“ отвѣчалъ Герой тѣмъ, которые забопились и спрашивали о его здоровьѣ.

Сей отечественный Герой отъ быстрыхъ переходовъ, отъ непрестанныхъ трудовъ, за нѣсколько дней до сего занемогъ горячкою, которую къ щастію успѣли прервать; осталась одна крайняя слабость. Наканунѣ сраженія Князь Барклай де Толли прислалъ спросить больнаго: можетъ ли онъ дѣйствовать въ оборонѣ Смоленска? Любовь къ Отечеству производитъ чудеса. Дохтуровъ немедленно оставилъ одръ и на всѣ дѣлаемыя ему убѣжденія отвѣчалъ: *Братцы! лучше умереть на полѣ славы, нежели на кровати.*

Наполеонъ не взялъ, но занялъ Смоленскъ; занялъ потому, что Рускіе, имѣя передъ собою Наполеона и двадцать Европейскихъ народовъ, рѣшились всѣмъ жертвовать для спасенія Россіи. Дохтуровъ не былъ вытѣсненъ непріятелемъ; онъ при-

соединилося къ главному войску и цѣпь Рускихъ стрѣлковъ удерживала враговъ до тѣхъ поръ, пока Рускіе въ надлежащемъ устройствѣ двинулись къ предположенной цѣли.

Пали стѣны Смоленска предъ несмѣтными полчищами враговъ, но мужество, Вѣра и вѣрность Рускихъ не были посрамлены. Во время кровопролитныхъ битвъ въ теченіи трехъ дней церкви въ городѣ не затворялись; служители Олтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени и при громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Никто изъ нихъ не оставилъ города, пока не рѣшено было отступать; въ сіи только минуты вышли ревностные служители олтарей, сопровождая чудотворный Образъ Божіей Матери. Никакое перо не опишетъ сего разительнаго шествія! Городъ въ пламени, врагъ торжествуетъ; Заступница Смоленска удаляется.... Кто все сіе видѣлъ, тотъ не удивится, что число нашихъ войскъ, вдвое менѣе Наполеоновыхъ полчищъ, нѣсколько дней удерживало враговъ подъ стѣнами Смоленска и, каждый разъ отражая его, наносило ему гибель и

смерть. Въ очахъ и сердцахъ Рускихъ были Богъ, Вѣра и Святыня праотеческая. Каждый воинъ, проходя на бой черезъ городъ, слышалъ моленія священнослужителей, пѣніе божественное, и былъ благословляемъ непобѣдимымъ оружіемъ Креста. Пламенѣла кровь Руская; летѣли Рускіе воины съ Богомъ и Вѣрою на врага коварнаго, который поклялся аду славиться злодѣйствами! . . .

Тщетно ликовалъ *Наполеонъ*, занявъ *на время дымящіяся развалины Смоленска*; въ тотъ же самый день, то есть 6 Августа, Графъ *Витгенштейнъ* пожалъ новые лавры подъ Полоцкомъ.

За день до рѣшительнаго сраженія подъ Смоленскомъ, непріятель, выпѣснившій изъ Краснаго отрядъ войскъ Генерала *Неверовскаго*, могъ бы свободно войти въ городъ, гдѣ оставались тогда изъ полковъ одни *хлѣбопеки*. Наполеонъ могъ бы безпрепятственно захватить Московскую дорогу и предупредить важный ущербъ своихъ войскъ: опытнѣйшіе изъ его полководцевъ совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ. Принявъ ихъ совѣтъ, онъ могъ бы *удерживать въ повиновеніи Европу и угро-*

жать Россіи; но Наполеонъ, при первомъ шагѣ въ предѣлы Россіи ослѣпясь самонадѣяніемъ, быстро увлекался къ погибели своей, увлекся по волѣ Провидѣнія, смиряющаго гордость и подкрѣпляющаго смиреніе.

Какъ недальновидна и какъ ничтожна лесть человѣческая! Въ то самое время, когда Наполеонъ отъ груды дымящихся Смоленскихъ развалинъ шелъ къ пагубѣ своей, къ Москвѣ, и даже въ тотъ почти самый день, въ городской *Гамбургской* Думѣ воздвигли ему статую. „Что удивительнѣе и величественнѣе того вѣка; въ которомъ мы живемъ!“ сказано въ той великолѣпной рѣчи, произнесенной по сему случаю: „неслыханныя перемѣны въ очахъ нашихъ совершаются: лице вселенной преобразовывается. Обремененный безчисленными чудесами, новый *возрастъ міра* спремится изъ бездны временъ и паритъ передъ нами. Быстрый полетъ произшествій въ одномъ столѣтіи вмѣщаетъ двадцать столѣтій. Не будемъ сему удивляться. Одинъ изъ сихъ умовъ необычайныхъ, рѣдко представляемыхъ Исторіей; одинъ изъ сихъ смертныхъ, долженствовавшихъ ознаменовать печатью своей тотъ

вѣкъ, когда существовалъ; одинъ изъ сихъ Героевъ, которые въ рукахъ Провидѣнія служатъ орудіемъ къ исполненію обширныхъ его препріятій, словомъ: явился *Наполеонъ* и вселенная изумилась. Какъ полководецъ, онъ приковалъ побѣду къ колесницѣ своей: предъ взорами его изчезаютъ враги многочисленные. Какъ законодатель, онъ утвердилъ собственность и щастіе своихъ подданныхъ; какъ Философъ, онъ сочеталъ вѣру съ человѣколюбіемъ; какъ политикъ, онъ сообразилъ соотношенія всѣхъ народовъ: и изъ сего-то дивнаго соображенія возникнетъ *уравненное* блаженство народовъ, свобода морей и миръ вселенной. Имя его гремитъ повсемѣстно. При воззрѣніи на ликъ его будемъ всечасно вспоминать, что вскорѣ увидимъ великаго мужа въ стѣнахъ нашихъ. Да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Наполеонъ (1)!“ Сіи восклицанія лести изчезли въ воздухѣ. Но сколь губительно дѣйствіе ласкательства!

Вскорѣ по оставленіи Смоленска началась *отечественная* или *народная война*.

---

(1) См. Вѣдомости 1812 Департамента *Устій Эльбскихъ* № 133.

Барклай де Толли въ воззваніи своемъ къ *Калужскимъ* жителямъ поощрялъ всѣхъ и каждаго поднять оружіе къ защитѣ родныхъ пепелищъ. Сей Полководецъ, совершая искусное и предположенное отступленіе, къ возбужденію народнаго духа не упускалъ изъ виду ничего, что сообразно было съ тогдашними военными произшествіями. По удивительному стеченію обстоятельствъ, для отраженія одного завоевателя возгорѣлась *отечественная война* на двухъ отдаленныхъ предѣлахъ Европы: въ Гишпаніи и въ Россіи.

Смоленскъ уступленъ, — и началось переселеніе Рускихъ въ Россіи. Съ родныхъ пепелищъ множество престарѣлыхъ отцевъ семействъ, поруча себя Божію произволу, пустились, куда глаза глядятъ. Сыны ихъ сражались со врагами, а они въ скорби по родинѣ, въ скорби о сынахъ скитались по обширной Россіи. Иные *старцы Смоленскіе* умерли въ дорогѣ, лишась послѣдняго утѣшенія — лечь на кладбищѣ праотеческомъ!

Не льзя описать картины, представленной въ Москвѣ пріѣздомъ семействъ, изгнанныхъ врагами изъ ихъ жилищъ.

Въ сіи *дни* всеобщаго сѣтованія еще болѣе стали сближаться сердцами. Вихрь забавъ и утѣхъ увлекаетъ другъ отъ друга; скорбь и чужихъ и своихъ сближаетъ. Нѣкоторые Смоленскіе помѣщики, жившіе въ Москвѣ во время ликованій Московскихъ, по *сѣтскимъ недосугамъ* едва ли когда встрѣчали одинъ другаго; тогда каждый искалъ соучастника въ горести душевной. Незабвенны будутъ безкорыстныя вспомоществованія, оказанныя добрыми сердцами *братіямъ - страдальцамъ!* Мы узнали все горе, всю скорбь по *родной сторонѣ*; да цвѣтетъ она впредь щастіемъ неизмѣннымъ!

Барклай де Толли готовился къ главной битвѣ: духъ Руской не удовлетворялся частными побѣдоносными сраженіями. Всѣ области обширной Россіи устремляли взоры на войско Руское и на первопрестольную Сполицу Москву. Воины Рускіе и народъ, всѣ желали главной битвы: воины готовы были грудью и трупами своими оградить Москву; народъ стремился подражать примѣру воиновъ. Въ сихъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ мужествен-

ный Генералъ Ермоловъ, бывшій Начальникомъ Главнаго Штаба, препроводилъ слѣдующее письмо къ Графу Милорадовичу:

„Естьли обстоятельства удерживали васъ нѣкоторое время далеко отъ насъ, то судьба насъ сблизила съ вами. Въ подобномъ отношеніи можнобъ было и не желать съ вами видѣться. Вотъ случаи, которыхъ ни предвидѣть не возможно, ни событію ихъ вѣрить не льзя. — Спѣшите, почтеннѣйшій Михайло Андреевичъ, къ намъ, и ежели войска ваши не поспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Пріѣзжайте, всѣми любимый Начальникъ; будьте свидѣтелемъ сраженія, которому конечно равнаго долго не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы, ибо знаемъ, что въ насъ надежда, въ насъ защита любезнаго Отечества. Мы можемъ быть нещастливы; но мы Рускіе: мы будемъ умѣть умереть, и побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною. — Солдаты наши остервенѣны, ужасны. Надобно показаться впереди, и ничто конечно устоять не можетъ. — Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ начальствомъ

нашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ; покажитесь — и все останется истребленнымъ, противосгоявшее имъ."

Сіе достопамятное письмо свидѣтельствуетъ, что кипящее рвеніе Рускихъ сердецъ требовало главной битвы и вызывало ее, опрекаясь отъ жизни. Уступленіе областей роднаго края обременяло существованіе и омрачало скорбію души нашихъ воиновъ; самые осторожные Полководцы не могли уже не удовлетворить сему единогласному вызову главной битвы и войскомъ и народомъ.

17 Августа 1812 года мужественный, осторожный и знаменитый Полководецъ Барклай де Толли сдалъ начальство надъ войскомъ великому Полководцу Кутузову. Выступя изъ стѣнъ пылавшаго Смоленска и проходя среди горѣвшихъ Рускихъ городовъ и селеній, Барклай де Толли умѣлъ сохранить въ войскѣ порядокъ и устройство: онъ сберегъ сіе войско, увѣнчавшееся безсмертною славою на пути труднаго и необходимаго отступленія. Безпристрастные иностранцы отдаютъ полную справедливость сему достопамятному отступленію. Сочинитель Французской книги о походѣ Наполеона, быв-

ній самъ очевидцемъ сего похода, говоритъ: „Слѣпо вѣря Наполеоновымъ *бюллетенямъ*, мы думали, что будто бы одна большая армія пострадала. Мечта разсѣялась. По всему теченію Двины отъ *Витебска* до *Риги* и на всемъ пространствѣ между верхнимъ *Нѣманомъ*, Припетью и *Днѣпромъ*: вездѣ остались несомнѣнные памятники, возвѣщающіе злоключенія большой арміи. *Бюллетени*, обольщая насъ блескомъ побѣдъ, разглашали, что наши чудесныя побѣды стоили малаго числа людей; а сіе малое число уже и до Бородинской битвы простиралось *до ста двадцати тысячъ!*“

Нѣкоторые предполагаютъ, что Барклай де Толли, отклоненіемъ войскъ въ ту или другую сторону, могъ бы отвлечь Наполеона отъ древней Руской Столицы и тѣмъ бы самымъ спасъ ее. Война нашествій не есть война обыкновенная. Сія война алчетъ поглотить не одно Царство, но всѣ Царства земныя; а потому такая война и сопряжена съ необычайными пожертвованіями. По выходѣ уже Наполеона изъ Москвы Кутузовъ объявилъ ту тайну, которая извѣстна была и предмѣстнику его. Въ приказѣ своемъ отъ 19 Октяб-

ря Кутузовъ сказалъ: „При пораженіи подъ Тарутинымъ врагъ нашъ почувствовалъ наконецъ всю суетность мысли: *однимъ занятіемъ Москвы поколебать Россію.*“ Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа, чтобъ быть въ Москвѣ; онъ переправился черезъ *Нѣманъ*, чтобы идти къ Москвѣ; онъ не остановился въ Смоленскѣ; онъ не хотѣлъ съ береговъ Днѣпра угрожать Россіи и Европѣ для того единственно, чтобы дойти въ Москву: онъ очаровывалъ умы полковъ своихъ *райскимъ* пребываніемъ въ Москвѣ. И такъ куда же надлежало вести Рускія войска? Къ великой жертвѣ за Россію, за Европу, за вселенную — къ Москвѣ.

Уже Барклая де Толли нѣтъ въ семъ мірѣ, лесть умолкаетъ предъ хладнымъ прахомъ смертныхъ; но Рускіе и Россія никогда не забудутъ важныхъ, спасительныхъ его заслугъ и непоколебимаго терпѣнія. Сужденія превратныя, сужденія неосновательныя, нераздѣльныя съ бурными обстоятельствами, должны были поражать скорбію душу того Героя, который въ необычайной войнѣ 1812 отрекся отъ всей личности своей для сохраненія войскъ, нуж-

ныхъ, необходимыхъ для спасенія Россіи, и не смущался опть разглашеній превратной молвы человѣческой. Онъ зналъ, что истина блеснетъ когда нибудь изъ мрачныхъ тучь, осѣнявшихъ отступательное его движеніе; а потому и по увѣренію иностранцевъ сіе предположенное отступленіе Рускихъ стоило Наполеону до ста двадцати тысячь. Горе Европѣ и человѣчеству, естьли и самая громкая битва будетъ стоить такого числа людей! Французскій полководецъ Графъ *Тюрпинъ*, извѣстный своими военными сочиненіями, справедливо замѣчаетъ, что легкомысленное чтеніе вѣдомостей производитъ толки неосновательные и предосудительные для искусныхъ полководцевъ: ибо трудно соображать начало съ послѣдствіемъ. Удивлялись, когда Кутузовъ, для воспаленія высокомѣрія въ Туркахъ, сдалъ имъ *Задунайскія* крѣпости; но сія временная сдача доставила ему въ плѣнъ отборную Турецкую армію. Все, что Барклай де Толли уступилъ Наполеону, все по уступалъ ему для пагубы его. Онъ не покорилъ Москвою Россіи. Разсказываютъ, что когда Кутузовъ отъѣзжалъ изъ Петербурга и когда приближенные его спро-

сили: сдаетъ ли онъ Москву? онъ отвѣчалъ: *Развѣ только по трупу моему войдетъ туда непріятель.* То же повторялъ онъ и въ нѣсколькихъ переходахъ до Москвы. Но сей безсмертный Полководецъ не обманывалъ, а сохранялъ только тайну, то есть важнѣйшее правило военнаго искусства. Давно уже одинъ знаменитый древній полководецъ сказалъ: *естьлибъ подушка моя узнала мою тайну, то я бы и ее сжегъ.* Въ сокращенной жизни Кутузова находятся слѣдующія слова: „Герою надлежало принесть жертву необычайную для Россіи; но онъ увѣренъ былъ, что сею жертвою спасетъ Россію: сія жертва — Москва.“

Въ необычайную войну нашествія, въ войну 1812 года помышляли не о стѣнахъ городовъ, но о спасеніи Отечества. Тогда для воиновъ нашихъ, одушевленныхъ рвеніемъ и мужествомъ, сводъ небесный служилъ кровомъ, а земля одромъ. Въ ихъ станѣ была надежда Отечества.

Въ первый день прибытія своего Кутузовъ получилъ радостныя извѣстія, что жители Смоленскіе и среди дымящихся развалинъ и среди страны опустошенной

непоколебимы въ Вѣрѣ и Вѣрности. Къ поддержанію сихъ чувствованій Кутузовъ препроводилъ къ Смоленскимъ жителямъ слѣдующее воззваніе: „Достойные Смоленскіе жители, любезнѣйшіе соотечественники!

„Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отвсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ Престолу Августѣйшаго МОНАРХА нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость правилъ. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ; но Вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было единая душа и единое тѣло; оно всегда подвизалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и Отечеству своему. — Да подкрѣпитъ Всевышній много-

терпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники; да услышитъ моленія наши; да поможетъ свергнуть съ васъ иго и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими мы доселѣ наслаждались!"

Подъ Бородинымъ готовились къ главной битвѣ, а подъ *Полоцкомъ*, по извѣщенію Графа *Витгенштейна* отъ 22 Августа, войска Наполеона, мечтавшаго уже быть повелителемъ Россіи, истреблялись голодомъ и сопнями бѣжали изъ-подъ знаменъ его.

Кутузовъ отъ 23 Августа доносилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, что онъ остановился при деревнѣ *Бородинѣ*, въ двѣнадцати верстахъ впереди *Можайска*, въ такомъ мѣстѣ, какое способнѣе можно найти въ мѣстахъ плоскихъ для битвы. Лѣвое крыло, слабое по мѣстному положенію, предположилъ онъ укрѣпить искусствомъ. Непріятель, приведенный въ недоумѣніе перемѣною Вождя, двигался впередъ *ощупью*. 22 Числа Полковникъ, Князь *Кудашевъ*, съ двумя стами козаками заставилъ всю конницу корпусовъ Маршала *Даву* и Короля

Неаполитанскаго сидѣть нѣсколько часовъ на лошадяхъ неподвижно.

24 Августа, съ отступленіемъ арріегарда Рускаго къ главному войску, непріятель сильно напалъ на лѣвое крыло, предводимое Княземъ Багратіономъ. Къ отраженію первыхъ порывовъ пылкихъ враговъ Кутузовъ приказалъ *загнуть* сіе мѣсто предварительно укрѣпленнымъ возвышеніемъ. Передъ битвою Полтавскою и Петръ Первый къ разстройству напорныхъ полковъ Шведскихъ устроилъ укрѣпленія, особенно выхваляемыя знаменитымъ Французскимъ Полководцемъ Графомъ де *Саксомъ*. Правила благоразумныхъ Полководцевъ неизмѣнны. Съ двухъ часовъ по полудни даже до ночи кипѣлъ жаркой бой, предвѣстникъ битвы *Бородинской*. Двадцать пятое число прошло въ обоюдныхъ приготовленіяхъ. Съ превосходнымъ числомъ войскъ Наполеонъ могъ бы обойти мѣсто, занятое Русскими; но въ кичливомъ самонадѣяніи, онъ мечталъ опрокинуть лѣвое крыло, раздробить войско Руское и въ торжествѣ двинуться къ стѣнамъ Москвы, оставя Россію и безъ Столицы и безъ войска къ защитѣ Отечества.

Мнимый завоеватель Вселенной за нѣсколько часовъ до сраженія былъ въ палаткѣ своей съ дежурнымъ своимъ Генераломъ *Раппомъ*.

Сонъ бѣжалъ отъ очей его, и высокомѣрный умъ его объятъ былъ волненіемъ: скорбныя предчувствія невольно тревожили сердце его, дотолѣ окамененное одною мечтою всемірнаго обладанія. „Ты помнишь," сказалъ онъ Генералу Раппу, „что Кутузовъ начальствовалъ въ *Браунау* въ походъ *Аустерлицкій*: пробывъ при недѣли въ этой крѣпости, онъ ни разу ни выходилъ изъ комнаты. Дивлюсь, какъ выбрали такого Полководца." Потомъ, прочитавъ нѣкоторыя бумаги, прибавилъ: „Какъ думаешь, *Раппъ*: удачно ли сегодни пойдутъ наши дѣла?" — Нѣтъ сомнѣнія, Государь! мы принуждены побѣждать. — Наполеонъ, пробѣжавъ еще нѣсколько бумагъ, продолжалъ: „Я часто повторялъ, что щастіе самая непостоянная женщина; и теперь начинаю это чувствовать." — Ваше Величество, отвѣчалъ *Раппъ*, говорили въ Смоленскѣ, что *вино уже налито, и такъ надобно пить*. Теперь это всего нужнѣе. Притомъ же войско знаетъ состояніе свое; оно знаетъ, что въ одной только Москвѣ на-

йдетъ продовольствіе, и что оно отъ нее въ придцати только миляхъ. — „Бѣдное мое войско“ возразилъ Наполеонъ: „дошло до крайности; но остатки прекрасные. Сверхъ того гвардія моя еще цѣла и свѣжа.“ Позвавъ *Бертье*, Наполеонъ работалъ съ нимъ до пяти часовъ. Трубы играли, били въ барабаны; войско встрѣтило Императора съ громкими восклицаніями. „*Это востогъ Аустерлицкій!*“ сказалъ Наполеонъ. „Читайте воззваніе.“

„Солдаты!

„Вотъ сраженіе, которое вы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Побѣда отъ васъ зависитъ. Она доставитъ вамъ изобиліе, хорошій зимній постой и скорое возвращеніе въ отечество. Будьте тѣмъ, чѣмъ вы были подъ Аустерлицами, Фридландомъ, Смоленскомъ, и пусть отдаленнѣйшее потомство величается новыми вашими подвигами; пусть о каждомъ изъ васъ скажутъ: *онъ былъ на сей великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!*“

Снова загремѣли восклицанія; но сіи громкія возглашенія изчезали въ туманѣ, осѣнявшемъ еще поля, готовившіяся быть *жатвою смерти и убійства.*

Возносясь душами къ небесамъ, Русскіе въ благоговѣйномъ молчаніи ожидали враговъ. Пользуясь туманомъ, Наполеонъ всѣми силами опрокинулся на лѣвое крыло.

Бурныя обстоятельства того времени, похищавшія мгновенно тысячи воиновъ съ лица земли и разрушавшія порядокъ времени, не позволили Кутузову оставить обстоятельнаго извѣстія о битвѣ Бородинской. Донесеніе его къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24 числа производилъ атаку важными силами на флангъ нашей арміи, 25е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями; но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа съ разсвѣтомъ направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее, и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика. Уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превозходить. Войска ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сражались съ неимовѣрною

храбростію: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. Ночевавъ на мѣстѣ сраженія и собравъ расстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію, Князь Петръ Ивановичь Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; Генералъ-Лейтенантъ Тучковъ, Князь Горчаковъ, Генералъ-Майоры Бахметьевы, Графъ Воронцовъ и Крешовъ ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки, и одинъ бригадный Генералъ. Теперь ночь; я не могъ еще собрать подробнѣйшихъ свѣдѣній."

Въ другомъ донесеніи Кутузовъ прибавляетъ: „Баталія, 26 числа происходившая, была самая кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя въ новѣйшихъ временахъ извѣстны. Мѣсто баталіи одержано нами совершенно, и непріятель ретировался тогда въ ту позицію, въ которой пришель насъ атаковать; но чрезвычай-

ная потеря, и съ нашей стороны сдѣланная, особливо тѣмъ, что перераненены самые нужные Генералы, принудила меня отступить по Московской дорогѣ."

Тутъ прибавлено, что, по показанію плѣнныхъ, уронъ Французовъ простирался до сорока тысячъ.

Всѣ наши Герои, озарившіеся уже славою въ сраженіяхъ при Острровно, Бешковичахъ, Султановкѣ, при Витебскѣ и Смоленскѣ: всѣ сіи Герои въ день битвы Бородинской предводительствовали Рускими воинами, рѣшившимися жизнію своей оспоривать каждый шагъ родной земли; а потому я предложу здѣсь нѣкоторыя изустныя преданія и нѣкоторыя печатныя подробности, не находившіяся въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ.

Самовидцы разсказываютъ, что воины Рускіе, приготовляясь къ бою, оглядывались на ту сторону, гдѣ Москва, знаменовались крестомъ и спокойно становились въ ряды. Они не хотѣли даже употреблять и обыкновенной выдачи вина; они подкрѣплялись Вѣрою и вѣрностью. Повѣствуютъ также, что передъ началомъ битвы взвился орелъ надъ головою Кутту-

зова; престарѣлый Вождь снялъ шляпу и загремѣло: *ура!*

Наканунѣ, обозрѣвая мѣстоположеніе, Кутузовъ сказалъ Князю Багратіону: *вамъ будетъ работа.* Такъ и сбылось. Многочисленный непріятель съ нѣсколькими спами пушками устремился на лѣвое крыло, порывался опрокинуть и по трупамъ Русскихъ хотѣлъ летѣть съ распущенными знаменами въ древнюю нашу Столицу: врагамъ удалось захватить старую Московскую дорогу. Графъ Строгоновъ выдерживаетъ яростный напоръ непріятеля, обуянаго виномъ и превосходнаго въ силахъ, отражаетъ его и непоколебимо сохраняетъ ввѣренное ему мѣсто (1). Уже Строгонова нѣтъ: онъ за предѣломъ жизни; ему не нужны наши похвалы, но намъ нужно воспоминать о подвигахъ нашихъ Героевъ.

Подъ тучею ядеръ и картечь, наблюдая движеніе Рускихъ войскъ, Кутузовъ собственной рукою писалъ къ Московскому Градоначальнику: *Присылайте къ намъ снарядовъ; дѣло идетъ довольно порядочно.*

---

(1) Изъ печатнаго.

Барклай де Толли, находясь на правомъ крылѣ и разъѣзжая по рядамъ на бѣломъ конѣ, былъ вездѣ тамъ, гдѣ была опасность. Казалось, что онъ искалъ смерти, но смерть его убѣгала. . . . Онъ [illegible] и хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Трудно рѣшить, чѣмъ онъ болѣе отличался: осторожностью или неустрашимостью.

На полѣ Бородинскомъ Милорадовичъ снова явилъ славу, завѣщанную ему Суворовымъ на поляхъ Италіи и на вершинахъ горъ Альпійскихъ. За девять дней до сей битвы Барклай де Толли, благодаря Героя за быстрое приведеніе войскъ, писалъ къ нему: „Я увѣренъ былъ, что въ обстоятельствахъ, гдѣ рѣшится участь Отечества, ни горячѣе къ защитѣ онаго, ни быстрѣе въ принесеніи помощи никто быть не можетъ.“

Около полудня Князь Багратіонъ, уничтожавшій всѣ покушенія враговъ, раненъ былъ пулею въ лѣвую ногу. Ему хотѣли отнять оную; Герой отвѣчалъ: *Эта рана за Москву; съ нею умру. Предчувствую кончину: Боже! спаси Отечество!*

Предчувствіе Героя сбылось; онъ вскорѣ потомъ умеръ, но дѣяніями его навсегда украсились отечественныя лѣтописи.

Неустрашимый *Вилліе*, Врачь Императорскій, подъ летавшими ядрами производилъ дѣйствія свои и изъ челюстей смерти исхищалъ раненыхъ чиновниковъ. Онъ собственноручно сдѣлалъ болѣе двухъ сотъ *операцій*.

Васильчиковъ, находившійся съ двѣнадцатою дивизіей въ корпусѣ Раевскаго, изумилъ враговъ сопротивленіемъ своимъ. Нѣсколько лошадей были подъ нимъ ранены, одна убита; онъ получилъ нѣсколько ранъ, но не оставлялъ поля битвы.

Баронъ Розенъ, начальствуя при Бородинѣ частію Гвардіи, доказалъ и искусство и мужество и явилъ себя достойнымъ Вождемъ *воскормленниковъ* Петра Перваго.

При началѣ отечественной войны Князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, по болѣзни своей, удаленъ былъ отъ поприща Героевъ. Слыша объ усиліяхъ враговъ, Князь забылъ и о болѣзни и о самомъ себѣ. За нѣсколько дней до битвы Бородинской явился онъ къ войску, и хотя блистательными уже подвигами заслужилъ и славу и

довѣренность, но не искалъ начальства, а желалъ только сражаться за Отечество и новымъ пожертвованіемъ жизни своей доказать рвеніе къ Отечеству. Кутузовъ, уважая дарованія Князя Димитрія Владимировича, ввѣрилъ ему начальство надъ конницею второй западной арміи.

24 Августа Князь выдержалъ упорное сраженіе, бывшее предвѣстникомъ битвы Бородинской. Король *Неаполитанскій*, Князь *Понятовскій* и нѣсколько дивизій Французской пѣхоты потѣснили Руской авангардъ и съ яростнымъ ожесточеніемъ бросились на лѣвое наше крыло, неуспѣвшее еще укрѣпиться. Князь весь день находился въ жестокомъ огнѣ; нѣсколько адъютантовъ были около него ранены; подъ нимъ убита лошадь. Одушевляясь примѣромъ Вождя своего, конница при семъ случаѣ оказала и неустрашимость и удивительную точность въ движеніяхъ. Глубокая ночь пресѣкла сраженіе; Мюратъ едва могъ собрать разсѣянные свои полки.

26 Августа Князь Голицынъ начальствовалъ всею конницею на лѣвомъ крылѣ. 200 Пушекъ устремляли на полки его ужасъ и смерть; отъ сего возгорѣвшагося ада не

поколебались Рускіе. Князь самъ водилъ полки свои на непріятеля, и нѣсколько разъ бралъ укрѣпленія, оспавленныя при началѣ битвы. И при семъ случаѣ убита была подъ нимъ лошадь. Герой почти цѣлый день держался на краю лѣваго крыла съ одною только конницею своею, не взирая на лѣсистое мѣстоположеніе, препятствовавшее ея дѣйствіямъ (1).

За два дни до Бородинской битвы, то есть 24 числа, Генералъ Федоръ Петровичь Уваровъ явилъ примѣръ благородной скромности и уваженія къ трудамъ другихъ. За четыре версты отъ *Колоцкаго* монастыря непріятель вступилъ въ упорный бой съ нашимъ *арріергардомъ*. Силы его непрестанно умножались; грозныя тучи кавалеріи облегали фланги арріергарда и въ то же время необозримое число орудій, размѣщенныхъ передъ густыми пѣхотными *колоннами*, подвигались прямо на него, спрѣляя бѣглымъ огнемъ. Кановницынъ, начальствовавшій арріергардомъ, требовалъ усилить его конницей. Подоспѣлъ Уваровъ, и предлагая себя въ началь-

---

(1) См. жизнь Князя Д. В. Голицына.

ство Кановницына, сказалъ: „Петръ Петровичъ! теперь не то время, чтобы считаться старшинствомъ. Вамъ порученъ арріергардъ; я присланъ къ вамъ на помощь; приказывайте.“

Почти при самомъ началѣ битвы Бородинской *Вице-Король Италіянскій*, домогаясь отвлечь вниманіе Рускихъ отъ настоящаго нападенія, приказалъ занять село *Бородино*. Храбрый, отважный *лейбъ-егерскій* полкъ, предводимый Полковникомъ *Быстромолъ*, въ виду цѣлой Руской арміи останавливалъ напоръ *семи* тысячъ Французовъ (1). Къ непріятелю поспѣло новое подкрѣпленіе; неустрашимые гвардейскіе егери не отступили, но перешли за рѣчку *Колочу*. Непріятель устремился черезъ мостъ на правый берегъ рѣч-

(1) См. Записки Барона Толя. — Повторяю еще, что я предлагаю нѣкоторыя только подробности о битвѣ Бородинской. Обстоятельное и искусное описаніе оной находится въ книгѣ, изданной Бутурлинымъ на Французскомъ языкѣ, а на Рускій переведенной Генералъ-Маіоромъ Хатовымъ. Всѣ подробности, относящіяся къ личнымъ подвигамъ нашихъ Героевъ, заимствовалъ я большею частію изъ описанія Бородинскаго сраженія бывшаго когда Генералъ-Кварширмейстра Толя, а теперь находящагося Начальникомъ при Главномъ Штабѣ первой арміи.

ки. Сѣшашъ въ бой кровопролитный новые Герои. Полковники *Карпенко* и *Вучичъ* съ егерскими своими полками подкрѣпляютъ гвардейскихъ егерей, дружно ударяютъ съ ними въ штыки и истребляютъ *сто шестой* Французскій полкъ, опважившійся перейти за *Колочу*. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ побѣдители разрушаютъ мостъ. Цѣлый день до поздней ночи гремѣла битва *Бородинская*, но непріятель не дерзалъ уже въ семъ мѣстѣ ни на какія покушенія; онъ принужденъ былъ довольствоваться одною перестрѣлкою. За сей подвигъ и за другія отличныя дѣла, продолжавшіяся до 5 Ноября 1812 года, Карпенко произведенъ Генералъ-Маіоромъ. Съ самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ жизни своей личною храбростью пріобрѣлъ онъ общее уваженіе сослуживцевъ и Начальниковъ. Онъ началъ поприще службы своей въ Турціи и Польшѣ; ревностно продолжалъ оное въ Персіи, въ Пруссіи и Швеціи. Война отечественная и заграничная включили имя его въ число Рускихъ Героевъ.

Упорный напискъ враговъ часъ отъ часу болѣе усиливался на лѣвое крыло. Кутузовъ приказалъ Генералъ-Квартирмей-

стеру Толю перевесть съ праваго крыла на лѣвое вторый пѣхотный корпусъ Генерала *Багговута*. Съ опытнымъ мужествомъ и быстротою Толь исполнилъ сіе препорученіе.

При отбытіи непріятеля отъ укрѣпленій лѣваго крыла Графъ Воронцовъ былъ раненъ штыкомъ: столь близко смерть подлѣ него ходила! Невольно уклонясь съ поля битвъ и опасностей, Графъ Воронцовъ и въ сельскомъ помѣстьѣ своемъ служилъ Отечеству и человѣчеству. Домъ и сердце его открыты были для всѣхъ раненыхъ, для всѣхъ тѣхъ, кому нужно было имѣть благодѣтельный покровъ. Сорокъ Штабъ-Офицеровъ и Оберъ-Офицеровъ и болѣе трехъ сотъ человѣкъ нижнихъ чиновъ попеченіемъ Героя получили исцѣленія. Слава Герою человѣколюбивому! Безъ сей славы всякая другая слава какъ дымъ изчезаетъ. Щастливъ тотъ, кто среди блестящихъ даровъ, которыми осыпаетъ судьба, не отдаляется сердцемъ отъ ближнихъ! Юный Герой насладился симъ щастіемъ.

Слава и смерть почти въ одно время вспрѣтили Генералъ-Лейтенанта Николая Алексѣевича Гучкова. Онъ переходитъ съ равнины на возвышеніе; громитъ враговъ и

угрожаетъ имъ истребленіемъ; но ни жестокой огонь, ни упорная отважность пѣхоты, ничто не останавливаетъ стремленія Французовъ: они взлетаютъ на высоту и готовятся поразить новыми ужасами лѣвое крыло и тылъ гренадерской дивизіи. Въ сіе рѣшительное мгновеніе неустрашимый Тучковъ, всегда бывшій другомъ чести, летитъ передъ ряды *Павловскаго* гренадерскаго полка, кипящую свою отважность переселяетъ въ сердцѣ каждаго воина, отражаетъ враговъ, а вмѣстѣ съ ними и общую опасность, предстоявшую тамъ войскамъ нашимъ. Генералъ Алсуфьевъ поражалъ лѣвое крыло непріятелей, Графъ Строгоновъ правое. Не спало враговъ на возвышеніи; многіе изъ нихъ пали на прахѣ окровавленномъ; гремятъ только однѣ ихъ батареи. Отдалился непріятель, но смерть вездѣ слѣдитъ за нами!... Побѣдоносный Тучковъ получаетъ смертельную рану въ грудь. Онъ перешелъ за предѣлъ жизни вскорѣ по занятіи завоевателемъ древней нашей Столицы.

Генералъ-Лейтенантъ Бороздинъ гонитъ враговъ до самаго лѣса. Казалось, что смерть неутомлялась разить и не-

пріятеля и нашихъ воиновъ. Тремя уже ранами увѣнчался *Астраханскаго* гренадерскаго полка Полковникъ *Буксгевденъ*; онъ видитъ смерть, смерть явную; летитъ къ ней и съ дружиною храбрыхъ офицеровъ оспается на баттареи въ жертву смерти. Неунываетъ непріятель отъ потеръ и тщетныхъ покушеній; снова усиливается и снова захватываетъ укрѣпленія. Но тамъ Герой Кановницынъ, — и не стало враговъ! Пали и тутъ новыя жертвы и любимцы Руской славы. Палъ юный Герой Генералъ-Маіоръ Александръ Алексѣевичь Тучковъ; палъ въ тотъ самый мигъ, когда закричалъ своему полку: *впередъ, ребята!* Въ сиротствѣ осталася его младенецъ, едва повеселившій его улыбкою; въ неутѣшныхъ слезахъ осталась супруга, сопровождавшая его и въ трудныхъ походахъ и часто слышавшая громы битвъ. Съ дозволенія ГОСУДАРЯ великодушнаго, сія горестная супруга и мать (1) соорудила часовню на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сажень праха земнаго похитила и супруга ея и всѣ радост-

---

(1) Маргарита Михайловна, урожденная Нарышкина. Дружба ея супруга никогда не изгладится изъ сердца моего.

ныя надежды ея жизни! Тутъ же смертельно былъ раненъ Полковникъ Манахтинъ, вѣщавшій отряду своему: „Здѣсь каждый шагъ дорогъ: здѣсь, въ Россіи, отстаиваемъ мы Россію!“

Неустрашимо борется съ врагами Генералъ Паскевичъ. Въ день битвы Бородинской, названной нашими Полководцами *битвою единственною*, все было необычайно: и нападеніе и сопротивленіе и подвиги Рускихъ и подвиги непріятелей. Раздвоились ряды Рускіе; стремительный врагъ овладѣлъ укрѣпленіемъ и батареей. Грозная опасность предстоитъ серединѣ нашихъ войскъ: непріятели могутъ разорвать ее, смять части раздробленныя, распространишь ужасъ и пораженіе.

Въ сіе рѣшительное мгновеніе дивнымъ воспламенились мужествомъ Ермоловъ и Купайсовъ. Съ третьимъ баталіономъ *Уфимскаго* пѣхотнаго полка устремляются туда, гдѣ свирѣпствуетъ смерть повсемѣстная. Заблистали штыки, изумились враги. Спѣшатъ егери Раевскаго; нападаетъ Васильчиковъ, смыкаются полки Паскевича и быстро угрожаютъ тылу побѣдителей, едва успѣвшихъ взглянуть на торжество

свое. Укрѣпленіе отнято въ одно мгновеніе (1). Французской Генералъ *Бонами* захваченъ въ плѣнъ; Кутайсовъ палъ жертвою за Отечество; Ермоловъ былъ раненъ; выздоровѣлъ, участвовалъ въ новыхъ подвигахъ Героевъ; рядомъ со славою Рускою вступилъ въ столицу Франціи, а теперь ограждаетъ безопасностью *закавказскія* области Россіи.

ГОСУДАРЬ и Отечество жалѣли о потерѣ Графа Кутайсова. Отечественные писатели осыпали цвѣтами могилу юнаго Героя, который и самъ умѣлъ владѣть и мечемъ и перомъ. Великій Полководецъ Кутузовъ писалъ къ отцу его: „Вся армія принимаетъ живѣйшее участіе въ значительной потерѣ достойнаго вашего сына, падшаго на полѣ чести.“

Около полудня свѣжія войска подкрѣпляютъ непріятеля, дѣйствующаго противъ лѣваго нашего крыла. *Четыреста* губительныхъ орудій гремятъ съ его стороны, съ нашей *триста;* поле Бородинское превращается въ жатву смерти и убійства! Платовъ и Уваровъ стремятся за рѣчку Колочу противъ лѣваго крыла не-

(1) См. Записки Барона Толя.

пріятельской арміи. Милорадовичь сближается съ серединою нашихъ войскъ. Начинается борьба отчаянная: при громоносномъ ревѣ семи сотъ орудій смѣшиваются съ обѣихъ сторонъ и конные и пѣшіе; возобновляется бой древнихъ вѣковъ, *бой рукопашный.* Однѣ запасныя Рускія войска стоятъ непоколебимо; среди общаго смятенія онѣ должны быть блюстителями порядка. Князь Багратіонъ, Графъ Сен-При и многіе Генералы ранены.

Въ числѣ Генераловъ получилъ смертельное пораженіе Князь Борисъ Владимировичь Голицынъ. Онъ жилъ въ тихомъ кругу словесности и наукъ; щастіе осыпало его дарами своими; война Отечества вызвала его на поле битвъ и смерти. Онъ умножилъ и число Героевъ и число великодушныхъ жертвъ, умершихъ за Отечество.

Дохтуровъ, по старшинству, долженъ занять мѣсто Князя Багратіона; Коновницынъ, въ ожиданіи его, начальствуетъ и сражается. Непріятель, какъ будто бы размножившійся среди убійства, продолжаетъ напоръ свой. Рускіе отодвигаются къ деревнѣ Семеновской и занимаютъ тамъ

высоты. Быстро устроиваетъ Кановницынъ батареи. Рать Наполеона покушается прорваться сквозь ряды полковъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго и Литовскаго. Прилепаютъ Наполеоновы *кирасиры*, названные имъ *войскомъ желѣзнымъ*. Ряды Руской Гвардіи представляютъ оплотъ, твердѣйшій желѣза; оплотъ, воздвигнутый Вѣрою и любовью къ Отечеству. Троекратныя усилія *желѣзныхъ воиновъ* и конныхъ гренадеръ сокрушаются у сего оплота непобѣдимаго. Раненный Кретовъ не мыслитъ ни о ранѣ, ни о жизни; онъ сѣетъ ужасъ въ сонмахъ непріятельскихъ. Бороздинъ довершаетъ пораженіе. Изчезъ непріятель тамъ, ошкуда льспился по трупамъ Россіянъ перенестъ торжествующіе свои орлы.

Уже Руская конница въ очередь свою угрожаетъ лѣвому крылу сопротивниковъ; Наполеонъ прекращаетъ покушенія свои противъ лѣваго нашего крыла; всю громаду войскъ своихъ опрокидываетъ онъ на середину Рускихъ полковъ, стоявшихъ на курганѣ. Графъ Остерманъ-Толстой съ полками своими выступаетъ въ первые ряды; Гвардія ближе подходитъ и къ смерти и

къ славѣ. Весь напоръ непріятельскій устремляется на укрѣпленіе, гдѣ начальствовалъ Генералъ Лихачевъ въ отсутствіе раненаго Ермолова. Тщетенъ былъ первый порывъ! Наполеонъ совокупляетъ новыя силы и съ новою яростію нападаетъ; одни полки его гибнутъ, другіе подоспѣваютъ. Укрѣпленіе наше захвачено. Израненный Генералъ Лихачевъ смѣшивается съ подчиненными своими; онъ не хочетъ жить: онъ ищетъ смерти въ рядахъ непріятельскихъ. Французы узнаютъ и по одеждѣ и по необычайному мужеству, что онъ Генералъ, и берутъ въ плѣнъ. Съ Героемъ былъ захваченъ Смоленскій помѣщикъ Петръ Николаевичь Клочковъ, который, оставя многочисленное семейство, вступилъ подъ знамена Смоленскаго ополченія. Рускіе все погда забывали, кромѣ Отечества.

Овладѣвъ укрѣпленіемъ, конница Французская мчится далѣе. Шевичь спѣшитъ сквозь промежутки нашей пѣхоты и отражаетъ яростное стремленіе сопротивниковъ.

Ни многочисленность силъ, ни занятіе укрѣпленія, ничто не помогаетъ не-

пріятелю. Наполеонъ самъ оковалъ дѣйствія свои безмѣрнымъ сполпленіемъ войскъ: онѣ не могутъ двинуться впередъ. Передъ ними груды тѣлъ злополучныхъ жертвъ завоевателя и грозныя батареи, поставленныя на высотахъ Генераломъ Милорадовичемъ.

Опъ дѣйствія Рускихъ орудій умолкли орудія непріятельскія. Французы опступили. Уже вечерній мракъ осѣнялъ поля ужаса и смерти, Французы снова покусились захватить деревню Семеновскую; отважный Лейбгвардіи Финляндскій полкъ выпѣснилъ непріятеля на штыкахъ и удержалъ деревню за собою. Войсками Руской Гвардіи началась и кончилась небывалая на лицѣ земли битва Бородинская. Она началась и кончилась *воинами, воскормленниками* того Петра Перваго, которому Провидѣніе опредѣлило устроить новое войско къ оппору неправоты и насилія.

„Сей день“ говоритъ погдашній Генералъ-Кварпирмейстеръ Толь: „пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости Россійскихъ воиновъ, соревновавшихъ между собою въ усердномъ исполненіи священнаго долга защитниковъ

Вѣры, Государя и Отечества. Всѣ единодушно желали лучше погибнуть на мѣстѣ сраженія, нежели уступить оное непріятелю, и Французская армія подъ личнымъ предводительствомъ Императора Наполеона, не смотря на великое превосходство силъ своихъ, не могла поколебать твердости духа воиновъ Россійскихъ, жертвовавшихъ охотно жизнію за Государя и Отечество."

Сіи слова, начертанныя Героемъ-очевидцемъ, достойны напечатлѣться во всѣхъ сердцахъ Рускихъ.

По числу многихъ убитыхъ и раненыхъ Генераловъ Наполеонъ называлъ битву Бородинскую *сраженіемъ Генераловъ*. Битва сія была *кровавымъ побоищемъ*, устрашающимъ вселенную тогда, когда на лицѣ земли къ бѣдствію человѣчества возникаетъ завоеватель.

Князь Багратіонъ рану свою называлъ *раною, полученною за Москву*,

Великая жертва принесена была древней Сполицѣ: придцать тысячь Россіянъ легли на отечественномъ полѣ Бородинскомъ.

Великая жертва принесена была и Москвѣ и Россіи! Рускіе и мыслить не хотѣли, что они не сразятся за древнюю Столицу, гдѣ Святыня Господняя, гдѣ прахъ Царей, гдѣ все напоминало имъ славу отечественную. Наканунѣ битвы Рускіе воины зрѣли икону Смоленской Божіей Матери, обносимую по рядамъ ихъ и — снова поклялись или побѣдить, или умереть!

По отсутствіи Князя Багратіона за раною, Генералъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ. „Держись“ писалъ къ нему Кутузовъ: „до тѣхъ поръ, пока не будешь повелѣно отступать.“ Дохтуровъ, отражая мужественно опасности и ободряя примѣромъ своимъ воиновъ, говорилъ: *за нами Москва! за нами мать Русскихъ городовъ!* Смерть, встрѣчавшая его почти на каждомъ шагѣ, умножала рвеніе его. Подъ нимъ убили двухъ лошадей и одну ранили. Нѣсколько часовъ Дохтуровъ выдерживалъ напоръ непріятельскихъ силъ. Объясняясь о сраженіи Бородинскомъ, онъ сказалъ: *Я видѣлъ своими глазами отступленіе непріятеля*,

и полагаю Бородинское сраженіе совершенно выигранным.

По окончаніи Бородинской битвы Кутузовъ отправилъ къ Дохтурову собственноручную записку, начертанную карандашемъ. „Изъ всѣхъ движеній непріятеля“ писалъ онъ: „вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе. И потому, завязавши уже дѣло, я рѣшился сегоднишнюю ночь устроить все войско въ порядокъ, снабдить артиллерію новыми зарядами и завтра возобновишь сраженіе съ непріятелемъ; ибо всякое отступленіе при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю всей артиллеріи.“

За нѣсколько дней до битвы Бородинской Преосвященный Митрополитъ Платонъ желалъ отправиться къ полкамъ Русскимъ, стать въ день рѣшительнаго сраженія со крестомъ передъ рядами ихъ и умереть, или зрѣть побѣду.

Гремѣла на лицѣ земли битва Бородинская, гремѣла въ предѣлахъ Россіи битва единственная въ новыхъ военныхъ лѣтописяхъ по убійственному кровопролитію. Была сія битва!.. и, къ утѣшенію народовъ и человѣчества, да не будетъ никогда

впредь битвы подобной! Рускіе не могли сею грозною битвою ни защитить, ни спасти Москвы; но на поляхъ Бородинскихъ какъ признакъ шуманный разсѣялась навсегда непобѣдимость новаго завоевателя. Три ручья, орошающіе то урочище, гдѣ совершалась *жатва смерти и убійства*, учинились достопамятными по сообразности своихъ названій къ сему мѣсту. Наименованіе ихъ: *Война, Колоча, Стонецъ*. Была война, былъ бой кровавый; раздался и въ странахъ Россіи и въ областяхъ Европейскихъ стонъ горестный, стонъ тяжкій отцевъ, матерей, супругъ, братій, друзей и родныхъ, стонъ, воспявшій къ Небесамъ: да повергнетъ Оно все бремя гнѣва своего на губителя человѣчества!

Охраненіе отступленія Руской арміи и отраженіе враговъ ввѣрено было Милорадовичу. Сей новый подвигъ усугубилъ его славу. На каждомъ шагу преграждая путь непріятелю, 29 Августа принудилъ онъ отступить Короля Неаполитанскаго послѣ сраженія, продолжавшагося цѣлый день. Искусными движеніями и мужествомъ

непоколебимымъ оставилъ онъ между собою и войскомъ пространство сорока верстъ.

МОСКОВСКІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Москва часъ отъ часу пустѣла; Начальство, неусыпное о спокойствіи жителей, часъ отъ часу усугубляло дѣятельность и осторожность. Благодаря Богу, Царю и Московскому Начальству, *ни одно семейство*, жившее въ Москвѣ до 2 го *Сентября* 1812 года, то есть до входа враговъ въ древнюю Рускую Столицу: *ни одно семейство* не было потревожено и обезпокоено внутри Москвы.

Присудственныя Мѣста отправлялись; вывозили казенныя вещи и все, что можно было вывезть изъ монастырей и церквей. Наружное благолѣпіе храмовъ Божіихъ, то, что ежедневно у всѣхъ было въ глазахъ, оставалось въ прежнемъ видѣ. Совершеннымъ опустошеніемъ церквей опасались взволновать умы народа; а притомъ нужно было не открывать врагу того, что надлежало отъ него *таить*. . . .

Вмѣстѣ съ выходцами Смоленскими прибылъ въ Москву Образъ Смоленскія Божія Матери. Переселеніе Образовъ поражало души и сердца. 26 Августа, въ достопамятный день битвы Бородинской, изъ Успенскаго Собора вынесли Смоленскую Божію Матерь для препровожденія далѣе. Обыватели, стоявшіе на площади передъ Соборомъ, съ слезнымъ рыданіемъ припадая къ Образу, восклицали: *И Ты, наша Заступница! и Ты насъ оставляешь!..* Различные слухи носились по городу; раждалось какое-то недовѣріе другъ къ другу, даже непріязнь. Болѣе столѣтія нога иноплеменника не была на землѣ Руской; внутренняя война взволновала умы и души. „Всѣмъ извѣстно," говоритъ краснорѣчивый проповѣдникъ *Феофанъ:* „сколь тягостнѣе брань въ предѣлахъ своего Отечества, нежели въ чуждыхъ: внутренній страхъ и боязнь; разбѣгаются и кроются жители; престаютъ купли, пустѣютъ города; Отечества имѣніемъ питается и богатѣетъ супостатъ, и ничего не щадитъ, яко чуждаго; но и кромѣ потребы и нужды своей разграбляетъ и разоряетъ."

Все сіе въ нашихъ глазахъ совершалось. Скрывались по лѣсамъ несчастные жители; прекратились торги; въ иныхъ мѣстахъ кусокъ хлѣба былъ *даромъ небеснымъ*; не щадилъ ничего врагъ лютый: въ неистовой ярости жегъ города, села, деревни; грабилъ, разорялъ и алкалъ всю Россію превратить въ пустыню. Скорбь и сѣтованіе разливались по лицу земли Руской. Ужасно, тягостно бремя *внутренней войны*; но сіе бремя воспріяла Россія на мощныя рамена свои къ спасенію Отечества, Европы, къ защитѣ Вѣры, добродѣтели и человѣчества.

Съ приближеніемъ *Наполеона* къ Москвѣ усиливалось негодованіе Рускихъ противъ Французовъ. Московскій Градоначальникъ, дорожа честію Рускихъ и не желая, чтобы и въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ Первопрестольной Столицы народъ предался какому нибудь излишеству, онъ рѣшился заблаговременно удалить нѣкоторыхъ Французовъ, жившихъ въ Москвѣ.

27 го Числа, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи Московскаго Начальства погребенъ въ Донской обители Генералъ-Маіоръ *Красновъ*, смер-

тельно раненый въ сраженіи подъ *Колоцкимъ* монастыремъ. Сей престарѣлый Донскій Герой послѣ долговременной службы наслаждался спокойствіемъ въ нѣдрахъ семейства своего. Передъ началомъ отечественной войны Графъ Платовъ писалъ къ нему: *Именемъ дружбы и Отечества зовут тебя на поле ратное.* Красновъ немедленно полетѣлъ въ знакомое ему поприще славы. За отбытіемъ Графа Платова въ Москву, *Красновъ* начальствовалъ въ передовыхъ войскахъ Донскими полками. Сдавая начальство Генералу Иловайскому 5, онъ сказалъ: *Отражай врага; а я умру радостно, услыша, что врагъ побѣжденъ.* Красновъ сдѣлался извѣстнымъ въ царствованіе Екатерины въ сраженіи на Кинбургской косѣ. Съ того времени все теченіе его службы ознаменовано было дѣяніями чести и славы. Бесѣдуя съ сынами своими, онъ говорилъ: *Воинъ не долженъ умирать на постелѣ; я желаю умереть на полѣ сраженія.* Желаніе его сбылось: онъ умеръ въ отечественную войну; послѣдніе дни жизни своей увѣнчалъ онъ Вѣрою и любовью къ Отечеству.

Послѣ Бородинской битвы слабые лучи надежды мелькали и мгновенно изчезали: разносились радостныя вѣсти, но скорбь тяготила души. Между тѣмъ, чтобы дать время оттянуться къ Москвѣ казеннымъ и частнымъ обозамъ, чтобы спасти сколько возможно раненыхъ, Рускія войска удерживали *шесть дней* сильный напоръ враговъ, къ которымъ подоспѣли свѣжіе полки послѣ Бородинскаго дѣла.

Какое жалостное зрѣлище представляла Москва въ послѣдніе дни Августа! Тысяча повозокъ тянулись съ ранеными; воины, еще необсохлою кровію обагренные, лишенные рукъ и ногъ, страдали, но не роптали. Московскій Градоначальникъ и въ сіи слезныя минуты, зная доброту Рускаго сердца, увѣщавалъ обывателей посѣщать раненыхъ, кормить, одѣвать и облегчать ихъ болѣзнь Христіанскимъ сболѣзнованіемъ. Добродушные обыватели со всѣхъ рынковъ цѣлые лотки калачей и хлѣба несли раненымъ. Московскій Градоначальникъ самъ нѣсколько разъ навѣщалъ раненыхъ, къ каждому подходилъ, кождаго разспрашивалъ, и съ изобиліемъ снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ, говорилъ: *На*

здоровье, ребята! Государь вамъ жалуетъ! Послѣднее свое гостепріимство, послѣднюю свою *хлѣбъ-соль* предложила Москва раненымъ своимъ братьямъ, вѣрнымъ слугамъ Царя и Отечества.

Изъ стана Рускаго приходили разныя вѣсти. Между прочимъ говорили, что будетъ выжжено Смоленское предмѣстіе для построенія батарей. — Въ сіе время въ войскѣ такъ были увѣрены о сраженіи подъ стѣнами города, что нѣкоторые изъ лагеря отправляли пожитки свои въ Москву, какъ въ безопаснѣйшее мѣсто. Въ ночь 31 Августа подъ Москвою запылали огни военные, которые, соединяясь съ пожарами окрестныхъ деревень, среди мрака и темноты осіявали небо обширнымъ заревомъ.

Наканунѣ, 30 Августа, Московскій Градоначальникъ издалъ воззваніе къ Московскимъ поселянамъ о защитѣ Москвы. Сіе воззваніе вразумило Московскихъ поселянъ въ томъ, что имъ надлежало дѣлать для первопрельной Столицы, для матери, питавшей и хранившей чадъ своихъ. Не успѣла составиться особенная дружина; но по нагломъ входѣ враговъ въ Москву

составились тысячи Московскихъ дружинъ. Гдѣ же были сіи дружины? Вездѣ, гдѣ только были поселяне, вѣрные Богу, Царю и Отечеству. Но симъ поселянамъ надлежало внушить предварительно о возстаніи на враговъ. Для сего разосланы были нарочные по окреснымъ деревнямъ. Сонмы поселянъ, животворимые рвеніемъ къ вѣрѣ и Царю, съ разныхъ сторонъ готовы были идти на защиту матери городовъ Рускихъ.

Внезапное появленіе по большимъ дорогамъ множества каретъ и повозокъ волновало умы жителей селъ и деревень. Въ жалости сердечной по Москвѣ и въ досадѣ, что ее оставляютъ, *выходцовъ Московскихъ* называли *измѣнниками*. Не льзя укорять за сей упрекъ; кому не жаль было Москвы? Но изъ нашихъ слезъ, изъ нашей скорби по Столицѣ первопрестольной возникло спасеніе Отечества, Европы и человѣчества! . . .

Въ Воскресенье, 1 го *Сентября*, все уже было въ смятеніи. Наканунѣ изъ Драгомиловской, или Смоленской заставы часто проскакивали конные Чиновники, крича народу: *Спасайтесь! спасайтесь!* Обозы воинскіе шли безпрестанно; лавки запира-

лись; улицы и домы пустѣли. Въ обширной Москвѣ, въ Столицѣ *прихотливой роскоши*, не льзя было найти даже и самаго необходимаго для жизни. Какая противуположность!

Уже полки Руской арміи сблизились съ Москвою. Рано поутру Сентября перваго Кутузовъ прибылъ на Поклонную гору, озарявшуюся лучами утренняго солнца. По обыкновенію своему, сѣлъ онъ на скамью. Войска медленно тянулись по большой дорогѣ и съ разныхъ сторонъ выходили изъ лѣсовъ. Тутъ предполагали быть новому бою и тутъ въ первый разъ пріѣхалъ въ армію Московскій Градоначальникъ. Графъ Растопчинъ отправился въ Москву, а въ шесть часовъ собрался военный совѣтъ для разрѣшенія вопроса: *принять ли сраженіе передъ Москвою, или отступить за оную?* Выслушавъ мнѣнія всѣхъ присутствовавшихъ Рускихъ Полководцевъ, Кутузовъ отвѣчалъ: „Что бы ни случилось: я принимаю на себя отвѣтствовать передъ ГОСУДАРЕМЪ, Отечествомъ и арміею.“

Немедленно о семъ окончательномъ рѣшеніи жребія Москвы сообщено Милорадовичу. Герою поручено было сколько воз-

можно на второе число удерживать арріергардомъ своимъ непріятеля, чтобы и армія и казенные и частные обозы свободно перешли черезъ Москву; а притомъ прибавлено, что, въ случаѣ нужды, *онъ можетъ почтить сраженіемъ древнія стѣны Столицы.*

Въ девять часовъ поутру 2 Сентября Руское войско проходило черезъ Москву дальнѣйшими и различными Московскими улицами, для скрытія отъ непріятеля подлиннаго движенія арміи. На челѣ великаго Рускаго Полководца, на лицахъ Рускихъ Героевъ изображались скорбь и уныніе: они оставляли первопрестольную Столицу врагамъ, шедшимъ по пятамъ ихъ. На вопросы любопытныхъ о переходѣ войска одинъ былъ отвѣтъ: *мы идемъ въ обходъ.* И на опустѣлыхъ Московскихъ улицахъ раздавалось еще *ура!* Но войска безмолвствовали.

По выѣздѣ изъ Москвы Свѣтлѣйшій Князь велѣлъ оборотить лицемъ къ городу дрожки свои, и облокотя на руку голову, посѣдѣвшую въ бояхъ, спокойно смотрѣлъ и на Столицу и на войска, проходившія мимо его съ унылымъ взоромъ и въ первой разъ въ присутствіи своего Полководца

не кричали *ура!* Но ни что не могло поколебать души Кутузова: онъ соображалъ въ мысляхъ своихъ, какъ спасти арміей Россію и Москву.

Между тѣмъ Милорадовичь долженъ былъ препроводить письмо, которымъ препоручали непріятелю оставшихся больныхъ. Онъ медлилъ отправленіемъ письма и готовился къ упорному бою на Воробьевыхъ горахъ; многочисленный непріятель отовсюду обходилъ Руской арріергардъ, хотя и побѣдоносный, но далеко уступавшій врагамъ въ многолюдствѣ. И такъ Милорадовичь предположилъ себѣ обезопасить выходъ арміи изъ Москвы, дать время протянушься обозамъ за заставы и не отдать на жертву храбрый свой арріергардъ. Не принимая никакихъ предложеній отъ непріятеля, онъ потребовалъ Офицера, свѣдущаго во Французскомъ языкѣ, и на вышинѣ горъ Воробьевыхъ, передъ лицемъ древней Столицы, видимой во всемъ ея пространствѣ, препоручилъ Рускому Чиновнику, отправляемому съ письмомъ къ Королю Неаполитанскому, изречь ему сіе торжественное опредѣленіе:

„Скажите ему именемъ моимъ, что я уговорилъ жителей Московскихъ не зажигать города, естьли непріятель не войдетъ въ оный, доколѣ всѣ обозы не будутъ изъ онаго отправлены и не пройдетъ мой арріергардъ. Естьли Король на сіе согласенъ, то чтобы онъ немедленно остановилъ ходъ своихъ колоннъ, которыя обошли меня съ Воробьевыхъ горъ и которыя и изъ другихъ заставъ сію минуту должны вступить въ Москву. Но когда онъ откажетъ, то объявите ему, что я самъ зажгу Москву, буду сражаться передъ нею и въ стѣнахъ ея и погребусь подъ ея развалинами.“

Король съ благодарностію принялъ сіе предложеніе. Отправя двухъ Генераловъ для учрежденія порядка въ улицахъ Московскихъ, и пробывъ еще нѣсколько времени на мѣстѣ своемъ, Милорадовичъ началъ мало помалу отступать, и прошелъ черезъ городъ часу въ пятомъ по полудни, способствуя жителямъ спасать себя и имущества свои.

Уже онъ былъ за заставой, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что два драгунскіе полка окружены непріятелями и остановлены въ ихъ цѣпи. Быстро полетѣлъ онъ

туда безъ трубача и безъ провожатыхъ; проскакалъ сквозь изумленные передовые ряды непріятельскіе, и громкимъ голосомъ требовалъ начальника Французскихъ войскъ. Явился *Себастіяни* и началъ говорить, что „Россія и Франція, неимѣя причины къ ссорѣ, должны жить въ согласіи.“ — Можно ли намъ думать о мирѣ? — возразилъ Герой: древняя Руская Столица у васъ въ рукахъ! — Сказалъ, скомандовалъ двумъ задержаннымъ драгунскимъ полкамъ: *по три на право!* и вывелъ ихъ изъ цѣпи непріятельской.

Часовъ около шести вспыхнуло первое пламя въ Москвѣ отъ загорѣвшагося пипейнаго дома за Москвою рѣкою и отъ взрыва барки подъ Симоновымъ. При появленіи сего пламени Рускіе солдаты съ горестію сердечной восклицали: *горитъ матушка Москва, горитъ!*

О входѣ непріятеля въ Москву *Толь* словесно донесъ Кутузову. „Слава Богу!“ отвѣчалъ мудрый Полководецъ: „слава Богу! это послѣднее торжество нашихъ враговъ.“

При совѣщаніи о сдачѣ Москвы присутствовалъ и Баронъ Толь, бывшій тогда Полковникомъ и служившій во всю опе-

чественную войну Генеѣалъ-Квартирмейстеромъ. Находясь въ послѣднее время бытности своей въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ подъ начальствомъ знаменитаго Кутузова, онъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣлъ щастіе слушать сего Полководца и пользоваться его наставленіями. Основательныя военныя знанія, пріобрѣтенныя въ юности, дополнилъ онъ въ разныхъ походахъ собственными наблюденіями и опытомъ. Никто изъ истинныхъ друзей человѣчества не желаетъ войны; но то неоспоримо, что война есть лучшее училище для военныхъ людей. Въ семъ училищѣ Героевъ утвердя умозрительныя познанія зрѣлыми опытами, Баронъ Толь заслужилъ уваженіе и соотечественниковъ и иностранцевъ. На поприщѣ славы и чести Кутузовъ называлъ его *учеником*ъ *своим*ъ. Ученикъ зналъ и понималъ душу великаго Наставника, и засвидѣтельствовалъ по исполненіемъ званія Генералъ-Квартирмейстера. Должность Генералъ-Квартирмейстера есть одна изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ обязанностей. Къ обозрѣнію всѣхъ частей войска, къ разположенію оныхъ по общей связи предначертанія,

онъ долженъ, такъ сказать, повсемѣстно размножаться. Неусыпно долженъ наблюдать всѣ пути непріятеля и даже предугадывать его намѣренія. Отдыхъ и успокоеніе войска призываютъ его къ новымъ трудамъ и наблюденіямъ. Его спокойствіе заключается единственно въ обезопасеніи каждой части войскъ. Словомъ, Генералъ-Квартимейстера, достойнаго сего наименованія, можно назвать окомъ начальствующаго Полководца. А что Баронъ Толь во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ былъ истиннымъ Генералъ-Квартирмейстеромъ, въ томъ, повторяю еще, соглашаются и соотечественники и лучшіе иностранные писатели о достопамятной трехъ-лѣтней войнѣ.

ОТЪ ВХОДА НАПОЛЕОНА ВЪ МОСКВУ ДО ИЗГНАНІЯ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ РОССІИ,

то есть отъ 3 Сентября до 25 Декабря 1812 года.

Люшѣйшая война ожидала Наполеона въ стѣнахъ осиротѣвшей Москвы — *безначаліе*. Ни одинъ изъ Чиновниковъ, утвержденныхъ Вышнимъ Правительствомъ, не остался въ Москвѣ; всѣ уѣхали: осталось одно только Начальство Воспитательнаго Дома. Часть Наполеоновыхъ войскъ была уже въ древней Руской Столицѣ. Онъ ждалъ за *Драгомиловской* заставой ключей городскихъ, привѣтствій и торжественной встрѣчи; тщетное ожиданіе! Никто не являлся; цѣлую ночъ душа его волновалась мрачною досадою. Наконецъ третьяго числа мнимый обладатель вселенной рѣшился проѣхать чрезъ опустѣлую Москву въ Кремль. *Какія огромныя стѣны!* сказалъ онъ: и продолжалъ уединенный свой путь.

Желая воспламенить упадшій духъ своихъ воиновъ, обманутыхъ *райскимъ пиршествомъ* въ стѣнахъ Москвы, онъ издалъ слѣдующее воззваніе:

„Солдаты! Каждый вашъ шагъ ознаменованъ побѣдами.

„Въ три мѣсяца вы истребили три войска, собираемыя непріятелемъ три года.

„Ваши головы поникли подъ бременемъ лавровъ.

„Побѣдоносныя ваши длани воздвигли знамена на башняхъ Московскихъ.

„Ваша безпримѣрная слава удивитъ потомство.

„Вы въ Столицѣ Россіи, гдѣ триста тысячъ жителей умоляютъ васъ о пощадѣ.

„И такъ вашъ жребій всегда побѣждать.

„Здѣсь долженствовали вы обрести награду вашимъ подвигамъ.

„Побѣжденные Русскіе спали жертвою яростти своей.

„Чѣмъ бы соблюдать выгоды свои и внимать разсудку, они рабски спремятся къ смерти неизбѣжной.

„Россійскій Императоръ уже болѣе воли не имѣетъ; онъ подъ игомъ Англичанъ, нашихъ враговъ.

„Ему нужно Англинское золото, чтобы сопротивляться намъ и продолжать войну, угрожающую ему новыми бѣдствіями.

„Бывшій Московскій Градоначальникъ, сей другой врагъ имени Французовъ, сей подлинный *поджога*, нынѣ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ; онъ начальникъ приверженцевъ Англіи.

„Солдаты! мы всѣ препоны одолѣемъ.

„Россія будетъ побѣждена! я съ вами.

„Подлое Руское дворянство оставило Столицу и увело съ собою рабовъ своихъ, чтобы учинить ихъ противъ насъ орудіемъ мщенія.

„Вооружитесь мужествомъ, терпѣніемъ и повиновеніемъ.

„Не забывайте, что вы побѣдители Египта, Маренги, Сарагоссы, Іены, Аустерлицъ и Можайска.

„Уничижите гордыню мучителей морей, пятой разъ соединенныхъ съ утѣснителями Европы, чтобы сражаться съ нами.

„Отъ громоносныхъ вашихъ ударовъ не возстанетъ страшная Руская пѣхота;

войско Руское бѣжитъ; оно разсѣялось и не повинуется начальникамъ.

„Солдаты! вы достигли предѣловъ славы, *которая увѣковѣчитъ имена ваши*; лѣтописи Французскія возвѣстятъ о подвигахъ вашихъ грядущимъ поколѣніямъ!“

Наполеонъ вступилъ въ Москву не повелителемъ, но рабомъ войскъ своихъ. Обѣщавъ имъ въ Москвѣ веселія земнаго рая, онъ ничѣмъ уже нигдѣ въ предѣлахъ Россіи не могъ ихъ обольщать; на прахѣ земли Московской оковалась быстрота его похода. Повторимъ еще, что къ сему пагубному бездѣйствію очищался Наполеону путь къ Москвѣ. Не могло скрыться отъ прозорливаго, осторожнаго и скромнаго Рускаго Правительства непреодолимое желаніе Наполеона покорить Россію Москвою, а Россіей поработить вселенную. И такъ Москва ему уступлена была на берегахъ *Нѣмана*, *Днѣпра* и *Москвы* рѣки.

Москва запылала; обширное зарево, далеко разлившееся, возвѣстило о пожарѣ Московскомъ!

Много было и будетъ сужденій о томъ, кто зажегъ Москву и какъ сіе зажигательство произведено было въ дѣй-

ствіе. Главными сему причинами были *безначаліе и неустройство*, воцарившіяся въ городскихъ стѣнахъ. Въ первую еще ночь улицы Москвы превратились въ *бивуаки* шумныхъ войскъ Наполеоновыхъ. Повсюду горѣли костры. Не искры, но пламя повсемѣстное угрожало Столицѣ.

Рускіе нигдѣ и никогда не угрожали *зажигательствами*. Екатерина Вторая за сожженіе одной Шведской деревни учинила строгій выговоръ; *Наполеонъ* вездѣ и всегда грозилъ *огнемъ и мечемъ*.

Въ 1797 году, принявъ начальство надъ Французами въ Италіи, *Наполеонъ* отдалъ приказъ:

„Объявляю, что всѣ деревни, не повинующіяся Французскимъ узаконеніямъ, признаются мятежными; Генералы должны жечь сіи селенія и разстрѣливать всѣхъ, у кого найдутъ оружіе."

Вступая въ *Тироль*, *Наполеонъ* писалъ къ Тирольцамъ: „Обойдитесь съ нами госпепріимнис, и мы обойдемся съ вами по-братски и дружественно. . . . Но естьли поднимете противъ насъ оружіе, мы будемъ *ужасны какъ огнь небесный: мы сожжемъ ваши домы*; мы разоримъ вашу об-

ласпь: мы вовсемъ не съ народами, а съ Царями."

Въ областяхъ *Генуэзскихъ Наполеонъ* приказалъ снять и разломать всѣ колокола, въ которые били въ набатъ; а ослушныя селенія *жечь*.

Пусть изъ сего заключаютъ, способенъ ли былъ Наполеонъ зажечь Москву, гдѣ обманулся во всѣхъ своихъ высокомѣрныхъ замыслахъ; и не онъ ли по взорваніи Кремля грозился зажечь и Тулу и Петербургъ (1)?

Кутузовъ принялъ всѣ мѣры къ скрытному отступленію черезъ Москву: онъ *приказалъ* полицейскимъ Чиновникамъ провожать войско дальнѣйшими дорогами; нѣкоторые отряды отклонились по сторонамъ, а самъ Россійскій Вождь выступилъ по Рязанской дорогѣ. Въ то же время полки, вновь составленные Княземъ Лобановымъ - Ростовскимъ, по Владимирской дорогѣ приближались къ Москвѣ. Князь Лобановъ находился въ двадцати верстахъ, а передовой его отрядъ былъ въ *Новой* деревнѣ,

---

(1) Прадтово посольство въ Варшаву стр. 57.

въ четырехъ верстахъ отъ Столицы. Пользуясь расположеніемъ сихъ войскъ по Владимирской или Казанской дорогѣ и чтобы еще болѣе вовлечь *Наполеона* въ заблужденіе, Кутузовъ предписалъ, всѣ огнегасительныя орудія обратить на Владимирскую дорогу, и отрядилъ туда нѣсколько эскадроновъ. Непріятель, встревоженный входомъ въ опустѣлую и обширную Москву и по причинѣ наступавшей темноты, могъ предположить, что не огнегасительныя орудія, но воинскіе обозы тянутся по Владимирской дорогѣ. Такъ и случилось. Наполеонъ въ первомъ извѣстіи своемъ писалъ, что всѣ сокровища отправлены по Казанской дорогѣ и что Рускія войска бѣгутъ за Волгу для прокормленія себя въ изобильныхъ Губерніяхъ (1).

Между тѣмъ, когда Наполеонъ, волнуемый сомнѣніемъ и отчаяніемъ, прорубилъ окна на главѣ *Ивана* Великаго, чтобы отыскивать и наблюдать войска наши, Кутузовъ въ виду непріятеля скрылъ походъ и, такъ сказать, исчезъ съ войсками. По данному приказанію, козаки вели Фран-

---

(1) См. Вѣдомости *Устій Эльбскихъ* No 164.

цузовъ въ противныя стороны, показывали имъ бороды, и при удобномъ случаѣ скрывались въ лѣсахъ. Во второмъ извѣстіи Французы писали, что Рускіе идутъ защищать оружейный Тульскій заводъ. Наконецъ, узнавъ, что Рускіе заняли старую Калужскую дорогу, они писали: „На сей дорогѣ Рускіе съ трудомъ сбираютъ толпы свои и ожидаютъ, какое мы возьмемъ направленіе, чтобы повиноваться движеніямъ нашимъ, которыхъ они не въ силахъ отвратить (1)."

Во время достопамятнаго бокового движенія съ *Рязанской* дороги на старую *Калужскую* не только Наполеонъ, но даже и Рускіе потеряли изъ виду войско. Одни полагали, что войско идетъ къ Петербургу; а другіе думали, что оно движется къ *Нижнему-Новгороду*. Среди общаго волненія душъ и умовъ, предусматривая будущую славу Россіи, Кутузовъ говорилъ: *Дѣло идетъ не о томъ, чтобы успокоить Отечество, но о толѣ, чтобы его спасти.*

---

(1) См. Вѣдомости *Устій Эльбскихъ* No 65.

Между тѣмъ, когда уже пламенные вихри начинали выгонять Наполеона изъ Кремля въ окрестностяи Москвы, Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ доносилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ изъ селенія Жилина отъ 4 Сентября о причинахъ уступленія Москвы въ слѣдующихъ словахъ:

„Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 Августа сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблена. Въ такомъ положеніи приближились мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальнемъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностію принять непріятеля. Войска, которыми надѣялись мы соединиться, могли еще придти, непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, — одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы, а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой не-

выгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими Генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятелю войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести ВАМЪ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того съ арміею дѣлаю я движеніе на Тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ обильнѣйшихъ нашихъ Губерніяхъ заготовленныя. Всякое другое направленіе пресѣкъ бы мнѣ оныя, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе Столицы не было равною чувствительнѣйшею; но, не колеблясь между симъ произшествіемъ и тѣми событіями, могущими послѣдовать въ пользу на-

шу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операцію со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. — Генералу Винценгероду предписано отъ меня держаться самому на Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской козачій полкъ для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. — Теперь, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества. Впрочемъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилостивѣйше согласиться изволите,

что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска.“

Съ извѣстіемъ о занятіи Москвы отправленъ былъ къ ГОСУДАРЮ Флигель-Адъютантъ Полковникъ *Мишо*. Отеческое сердце АЛЕКСАНДРА Перваго скорбѣло о жребіи подданныхъ своихъ, долженствовавшихъ подвергнуться бремени всѣхъ бѣдствій, сопряженныхъ съ войною, производимою внутри Государства; но сіе необычайное злоключеніе требовало и необычайныхъ пожертвованій. Россійскій ИМПЕРАТОРЪ, поруча правоту дѣла своего Провидѣнію, рѣшился все перенесть, кромѣ безславія Отечества. „Что говорятъ въ арміи?“ спросилъ ИМПЕРАТОРЪ у присланнаго Чиновника. — ГОСУДАРЬ! — отвѣчалъ онъ: въ арміи опасаются, чтобы обстоятельства не заставили заключить скораго мира. — „Объявите,“ отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ: „объявите Моимъ именемъ, что тѣ ошибаются, которые думаютъ, будто бы миръ можетъ теперь воспослѣдовать. Естьлибъ даже уничтожены были храбрыя мои арміи, естьлибъ даже не осталось у меня ни одного солдата, то и тогда не при-

ступлю къ миру, постыдному для Россіи. Я самъ стану въ ряды ополченнаго народа, буду носить смурой кафтанъ, буду питаться черствымъ хлѣбомъ; пойду, куда угодно Провидѣнію, но до послѣдняго дня жизни стану защищать честь и славу Отечества (1)."

Сіи слова, быстро распространившіяся по всему войску, оживотворили всѣ сердца новымъ мужествомъ и новою рѣшительностію умирать за Царя и Отечество.

Москва была въ плѣну, но Отечество существовало. Жители Пскова, воспламененные благодарностью за спасеніе города и всей Псковской области, 6 Сентября поднесли Графу Виттенштейну хлѣбъ-соль и икону Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Гавріила *Псковскаго*. Извѣщая о семъ храбрыхъ воиновъ своихъ, Герой писалъ: „Пріемля такой даръ усердія въ истинной его цѣнѣ, я съ пріятнѣйшимъ удовольствіемъ извѣщаю о семъ храбрыхъ сослуживцевъ моихъ, относя къ нимъ все мнѣ приписываемое и оставаясь въ полномъ

---

(1) Смот. Акшерумова описаніе войны 1812 года.

увѣреніи, что каждый изъ воиновъ моего корпуса, защищая милую родину свою, подобно Святому Гавріилу Псковскому, подписавшему на мечѣ: *чести моей ни кому не отдамъ*, докажетъ и впредь, что честь, свобода Отечества и слава Августѣйшаго МОНАРХА нашего дороже ему жизни и всего на свѣтѣ."

Наконецъ войско, предводимое Кутузовымъ, достигло щастливой и важной цѣли своей: боковымъ искуснымъ движеніемъ прикрылись Тула, Орелъ и Калуга; войско сблизилось съ полуденными областями, откуда истекали къ нему всѣ пособія для жизни и всѣ средства къ дальнѣйшему пораженію враговъ.

Сокрывъ походъ свой отъ непріятелей, Кутузовъ къ повсемѣстному ихъ пораженію учредилъ *отрядныхъ* начальниковъ или *партизановъ*, которые, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ *отенетили* непріятеля. Генералъ Дороховъ и умные, осторожные и отважные наши партизаны *Давыдовъ*, Князь *Кудашевъ*, *Фигнеръ* и *Сеславинъ* дѣйствовали въ тылу непріятеля, вездѣ тревожили враговъ, вездѣ разили, вездѣ разставляли имъ сѣти и вездѣ уловляли

ихъ въ оныя. Зная превосходно иностранныя нарѣчія, они съ помощію сего знанія могли претворяться въ различныя лица всѣхъ тѣхъ разноплеменныхъ народовъ, которыхъ безжалостный завоеватель изторгъ изъ предѣловъ родныхъ ихъ странъ. Партизаны наши уподоблялись *дивнымъ чародѣямъ*: то являлись въ *сермягахъ* и *бородахъ*; то притворялись, что ничего не знаютъ и не смыслятъ; и вдругъ въ рѣшительное мгновеніе ознаменовали подвиги свои соображеніями быстраго ума, удивляли непріятеля и заставляли его сдаваться въ плѣнъ.

„Подполковникъ Давыдовъ," говоритъ Сочинитель Исторіи нашествія Императора Наполеона: „первый подалъ мысль къ сему образу войны, явившей всю пользу свою въ Испаніи. Сей отличный Чиновникъ, видя явное раздраженіе поселянъ, основательно разсудилъ, что дѣйствія *партизановъ* найдутъ повсемѣстное подкрѣпленіе. Онъ справедливо также могъ заключить, что дѣйствія сей войны *отрядной* или *частной* будутъ еще важнѣе въ Россіи, нежели въ Испаніи. Въ Испаніи Французы сохраняли многіе пути сообщенія; но

Наполеонъ, завлекшись внутрь Россіи, остался при одной только большой дорогѣ, то есть Смоленской: слѣдственно пресѣченіе сей единственной дороги во всѣхъ отношеніяхъ пагубно было для враговъ."

Опытъ есть величайшій наставникъ на поприщѣ военномъ. Разсужденія Давыдова о пользѣ *партизанской* или *опрядной* войны были плодомъ его службы и наблюденій. Съ *1807* по *1812* годъ находился онъ Адъютантомъ при Князѣ Багратіонѣ. Съ нимъ былъ онъ въ Пруссіи, въ Финляндіи, Турціи, и въ отсутствіе Князя отъ дѣйствовавшихъ армій, по усердію своему къ службѣ, оставался при оныхъ. Въ предѣлахъ Финляндіи при храбромъ Кульневѣ прошелъ онъ весь *курсъ аванпостной службы*. Въ началѣ 1812 года поступя въ Ахтырской гусарской полкъ и начальствуя первымъ баталіономъ, былъ въ сраженіяхъ подъ *Миромъ*, *Романовымъ*, *Дашковкой* и во всѣхъ аванпостныхъ дѣлахъ до самой *Гжати*.

Воспламеняясь часъ отъ часу болѣе ревніемъ къ подвигамъ славы, онъ полагалъ, что ничего не сдѣлалъ; ибо убѣжденъ былъ, что еще будетъ полезнѣе въ от-

дѣльныхъ дѣйствіяхъ. Одушевленный симъ благороднымъ порывомъ, основанным, какъ мы уже видѣли, на опытныхъ соображеніяхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, Давыдовъ принялъ себѣ за правило: *на все напрашиваться и ни отъ чего не отказываться.* Такое стремленіе духа должно оправдываться дѣлами; юный Герой уже извѣстенъ былъ по дѣламъ своимъ, а потому и препроводилъ къ Князю Багратіону слѣдующее письмо: „Ваше Сіятельство! вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто вашего Адъютанта, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ Ахтырской гусарской полкъ, имѣлъ въ виду партизанскую службу и по силамъ лѣтъ моихъ и по опытности и, естьли смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства ведутъ меня, по сіе время въ рядахъ моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю, слѣдственно и не могу ни предпринять, ни исполнить ничего отличнаго. Князь! вы мой единственный благодѣтель; позвольте мнѣ явиться къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній. Естьли оныя будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему, и будьте увѣрены, что тотъ, кто носилъ

мя Адъютанта вашего пять лѣтъ съ ряду, поддержишь честь сію со всею ревностію, какой требуетъ бѣдственное положеніе нашего Отечества."

Давыдовъ объяснился съ Княземъ и получилъ въ начальство пятьдесятъ гусаръ и восемдесятъ козаковъ. Съ симъ малымъ отрядомъ, но съ полною надеждою на обдуманное свое предпріятіе, первый партизанъ незабвенной войны 1812 года устремился къ подвигамъ своимъ. Направя путь на *Савково, Борисъ-Городокъ, Егорьевское, Мядынь, Шанской заводъ, Азарево, Скугарево, Тонарево*, прибылъ на столбовую Смоленскую дорогу при *Царевѣ-Займищѣ* второго Сентября, въ самый день вступленія въ Москву Французовъ. Дѣйствія его простерлись отъ *Царева-Займища до Семлева*. Мнимые завоеватели Россіи вскорѣ почувствовали, что сами будутъ осаждены въ Столицѣ, низвергнутой въ пепелъ пожарный.

Отъ взоровъ великаго Полководца Кутузова не скрылся полетъ юнаго орла. Воспользовавшись успѣшною отважностью Давыдова, онъ усилилъ отрядъ его; устроилъ новые отряды и вѣрилъ началь-

ство надъ оными другимъ партизанамъ, которые, соревнуя идти по слѣдамъ перваго партизана, вскорѣ возгремѣли въ полкахъ Рускихъ и поразили страхомъ войска гордаго Наполеона. Тщетно предпринялъ онъ сильные поиски противъ нашихъ партизановъ; они низпровергали замыслы враговъ умомъ, расторопностью, осторожностью и благоразумною неустрашимостію.

Между тѣмъ извѣстія, получаемыя отъ Генераловъ Ессена, Тормасова и Эртеля, подверждали успѣхи Рускихъ, сражавшихся въ другихъ предѣлахъ Россіи. Генералъ Эртель, дѣйствовавшій въ окрестностяхъ *Мозыря* и далѣе, разсѣявалъ отряды, собираемые Польскими Генералами, и тѣмъ самымъ предупреждалъ погибель жителей.

Поселяне Московскіе и другихъ мѣстъ, оживляясь слухомъ о дѣйствіяхъ партизановъ, присоединялись къ нимъ, а не рѣдко и отдѣльно дѣйствовали. Россія возстала за Россію.

Уже Рускія войска вступили въ укрѣпленія Тарутинскія. Тутъ во полной мѣрѣ исполнилась проякая цѣль Кутузова: цѣль, чтобы выручить изъ плѣна Москву, прегра-

дить путь врагамъ въ полуденныя области Россіи и чтобъ при наступательныхъ движеніяхъ вездѣ предупреждать и отражать непріятеля. Разположа свой станъ и долго ходя по крутому берегу рѣки *Нары*, Кутузовъ сказалъ: *Теперь ни шагу назадъ.*

Казалось, что въ станъ Тарутинскій переселилась древняя наша Столица изъ пепла пожарнаго. Войско освѣжалось и умножалось; учредились рынки; берега Нары оглашались веселыми пѣснями Рускихъ воиновъ. Въ станѣ Тарутинскомъ торжествовала и Руская Словесность: тамъ раздавались пѣснопѣнія *Жуковскаго.* Онъ славилъ Героевъ, увѣнчавшихся въ отечественную войну, и юные Герои, повторяя съ восторгомъ его пѣснопѣнія, пылали рвеніемъ къ славѣ и мужеству. Въ Тарутино пріѣзжалъ отъ Наполеона посломъ *Лористонъ* и предлагалъ миръ; Кутузовъ отвѣчалъ: *мы только что начинаемъ свое дѣло.* Довѣренность къ Рускому Полководцу часъ отъ часу усиливалась. Калужскіе жители почитали его надежнымъ своимъ щитомъ. Къ престарѣлому Кутузову приходили даже и деревенскіе отроки, и назы-

вая его *дѣдомъ*, просили оружія. Соединяя искуспво съ ласкою, Кутузовъ умѣлъ все ободрять и оживлять.

На берегахъ *Нары* освѣжа, усиля войско и взвѣся все на вѣсахъ зрѣлаго опыта, Кутузовъ впрочемъ во всемъ предался волѣ Провидѣнія. Были часы, въ которые онъ подъ *Тарутинымъ* жилъ какъ будто бы въ домашнемъ своемъ кабинетѣ. Любя Словесность, украшающую всѣ состоянія жизни человѣческой и къ развлеченію ума отъ глубокихъ и важныхъ соображеній, онъ занимался чтеніемъ пріятныхъ книгъ. Изъ подъ *Тарутина* писалъ престарѣлый Герой къ супругѣ своей Французское забавное и остроумное письмо, въ которомъ между прочимъ сказалъ: „Фортуна женщина; она устала ласкать угрюмаго Наполеона и подала руку ласковому старику, неизмѣнному почитателю прекраснаго пола.“

Итакъ въ станѣ Тарутинскомъ соблюдался и воинскій и общественный порядокъ; и тамъ существовали всѣ прелести и очарованія образованнаго свѣта.

Отъ укрѣпленій Тарутинскихъ оглянемся на Москву и представимъ ее въ той

дикой наготѣ, въ какой находилась она въ бытность завоевателя въ ея стѣнахъ.

Какъ трудно созидать и какъ легко все разрушать! Сія истина торжественно ознаменовалась въ наше время. Заблаговременный выѣздъ Московскаго Начальства до вступленія враговъ въ древнюю Русскую Столицу повергъ ее въ безначальственное состояніе. Наполеонъ полагалъ, что Москва будетъ для войскъ его земнымъ раемъ и *запасницею* всякаго продовольствія. Во Французскихъ письмахъ, отправленныхъ *изъ Смоленска въ Парижъ*, *находятся сіи* ничтожныя и достопамятныя слова: „Слышно, что изъ Москвы всѣ Дворяне выбираются; пусть уѣзжаютъ: намъ нужны только *погреба и повара* (1).

Тщетная надежда! И скажемъ съ горестію, стоило ли завоевателю спремиться въ древнюю Столицу нашу для того, чтобы захватить въ ней погреба и поваровъ? Между тѣмъ, какъ Рускія войска по предположенному предначертанію отступали и сражались, Московское Начальство съ своей стороны принимало всѣ мѣры, чтобы

---

(1) Смот. Вѣдомости *Устій Эльбскихъ*.

Наполеонъ вошелъ не въ изобильную, но опустошенную Москву. Предполагаемыхъ непріятелемъ запасовъ не было вопервыхъ потому, что въ сіе смущенное время не думали о запасахъ; а вовторыхъ и потому, что Наполеонъ впущенъ въ Москву не во время заготовленія сихъ запасовъ.

Роскошная и гостепріимная Москва исчезла въ пеплѣ пожарномъ; при Наполеонѣ она даже не имѣла и первыхъ общественныхъ потребностей. Письмо *Лесепса*, Московскаго Наполеонова Градоначальника, къ Генералу *Вандедену*, разительно о томъ свидѣтельствуетъ: „Генералъ! изъ полны мужиковъ отвѣчаю на вашу записку. Я ничтожнѣйшій управитель въ цѣломъ мірѣ: вы это увидите изъ моей посылки (отъ которой краснѣю); я не смѣю даже сказать, что дѣлюсь побратски. У меня нѣтъ ни *хлѣба*, *ни муки*; а о *курицахъ* и *баранахъ* и поминать нечего. Но вчера подарили мнѣ нѣсколько яицъ и мнѣ удалось купить четыре бутылки вина: спѣшу съ вами подѣлиться. Чрезмѣру щастливымъ себя почту, естьли это послужитъ

залогомъ готовности моей вамъ служить. *Лессепсъ* (1)."

Къ голоду, свирѣпствовавшему въ Москвѣ, присоединилось и разсѣяніе всѣхъ тѣхъ полезныхъ людей, которые въ обыкновенное время въ трудолюбивой неизвѣстности отправляли ежедневныя общественныя потребности. Изъ донесеній Частныхъ Приставовъ, учрежденныхъ Наполеономъ въ Москвѣ, видно, что въ ней рѣдко могли отыскивать даже и *трубочистовъ*.

Въ стѣнахъ той самой Москвы, гдѣ продавались прихотливые избытки и сокровища всѣхъ четырехъ частей свѣта, опустѣли рынки и изчезли купцы. По случаю сего оскудѣнія всѣхъ городовыхъ промысловъ Наполеонъ издалъ слѣдующій приказъ: „Повелѣвается главному управленію осмотрѣть все то, что оставлено въ городѣ жителями, бѣжавшими и бросившими свою собственность. Сіе предпринимается для того, чтобы раздѣлить поровну то, что отыщется. По причинѣ продолжающихся въ городѣ безпорядковъ,

---

(1) Подлинникъ сего письма выгравированъ былъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1813 года.

ни одинъ *купецъ* не приступитъ къ законному торгу; одни только полковые *харчевники* и солдаты присвоили себѣ *право* продавать ими награбленное.“

Другимъ приказомъ запрещалось грабить водку, назначенную для больныхъ, и не растаскивать кожъ, нужныхъ для шитья башмаковъ. Въ томъ же приказѣ прибавлено: „Въ противномъ случаѣ мы будемъ во всемъ нуждаться, ибо заготовленное *въ Минскѣ* доставится въ Москву черезъ нѣсколько мѣсяцовъ санным путемъ.“

Сей приказъ воспослѣдовалъ около половины Сентября, когда нечего уже было отыскивать и дѣлить. Въ другихъ земляхъ Наполеонъ обогащался потому, что въ городахъ, имъ занимаемыхъ, оставалось начальство, дворянство и купечество. Нещастныя жертвы, завлеченныя имъ въ сердцѣ Россіи, принуждены были ссориться и выходить на поединокъ за кусокъ хлѣба и за рюмку вина. Печеный хлѣбъ подвозили изъ Смоленска. За отбитіе двухъ такихъ хлѣбныхъ обозовъ партизанами и вооруженными поселянами Наполеонъ предалъ воинскому суду Маіоровъ *Буссара* и *Декаря*.

Сіи по видимому мѣлочные приказы и показанія важны и для Исторіи и для общества и для человѣчества. Благодѣтельный миръ все устроиваетъ; подъ сѣнію спокойствія цвѣтутъ области и города. Привычное и ежедневное отправленіе различныхъ и безчисленныхъ упражненій скрываетъ отъ насъ нужду и трудность сихъ упражненій. Въ девятомъ надесять столѣтіи, при громѣ оружія, потрясавшаго Царства, и въ присутствіи просвѣщеннѣйшихъ народовъ, Москва явила всю *одичалость* младенческаго общежитія. Сколь пагубны послѣдствія войны! Но сіи послѣдствія обращаются къ пагубѣ высокомѣрныхъ завоевателей тамъ, гдѣ Государство приноситъ великія и необычайныя пожертвованія для спасенія Отечества. Москва устлана была въ жертву за Россію и Отечество.

Между тѣмъ какъ злощастныя Наполеоновы жертвы печально скитались по угасавшему пеплу Московскому и томились голодомъ, безчувственный завоеватель, упитанный кровію всѣхъ Европейскихъ народовъ, ликовалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, и чтобы не внимать стону жертвъ сво-

ихъ, забавлялся по вечерамъ музыкою и Италіянскимъ пѣніемъ. Наконецъ, къ увѣнчанію знаменитыхъ своихъ подвиговъ въ древнемъ жилищѣ нашихъ Царей, Наполеонъ изъ Кремля отправилъ въ Парижъ новое учрежденіе о *Французскихъ актерахъ* (1).

Мнимый обладатель вселенной при всѣхъ усиліяхъ своихъ побѣжденъ былъ среди Московскихъ развалинъ безпорядками и своеволіемъ своихъ войскъ. Сила оружія не могла возобновить общественнаго устройства; Наполеонъ прибѣгъ къ обольщенію. Видя безплодное учрежденіе Французскихъ Частныхъ Приставовъ, онъ рѣшился установить новое Руское правительство; но сія законодательная новость также неудачна была, какъ и покушенія военныя. Московскій *управитель Лессепсъ*, по собственному его признанію, не имѣя ничего въ управленіи своемъ, приступилъ однако по волѣ Наполеона къ основанію *Муниципалитета* или *градской управы*. Въ пышномъ и высокопарномъ воззваніи къ жите-

(1) См. Жизнь Маршала Нея, изданную въ Парижѣ 1816 г., стр. 24.

лямъ Московскимъ онъ называлъ завоевателя *всесправедливѣйшимъ*, *всемилосердѣйшимъ*, и прибавилъ: „что, сжалясь надъ бѣдствіями Московскихъ жителей, онъ изъ нихъ же выбралъ членовъ для водворенія порядка и продовольствія города.“

Учрежденіе городской управы ни къ чему не послужило; грабежи, голодъ, пожары и уничтоженіе общественнаго устройства продолжались.

Мы представляемъ временную бытность Наполеона въ Москвѣ сообразно собственнымъ его словамъ: *отъ великаго до ничтожнаго*, сказалъ онъ послѣ гибельнаго похода въ Россію, *одинъ только шагъ*. Какой урокъ для завоевателей! Онъ мечталъ, что занятіе Москвы сблизитъ его съ Сѣверною Столицею Россіи; что ежечасно будутъ летать оттуда нарочные съ предложеніями мира; онъ мечталъ, что въ чертогахъ Кремлевскихъ возникнетъ дворъ блистательный, куда на поклоненіе къ нему стекутся всѣ Послы Европейскихъ Державъ и странъ Восточныхъ; онъ мечталъ, что будетъ непрестанно получать великолѣпныя и громкія извѣщенія о совершившемся учрежденіи *всемірнаго владычес-*

ства: онъ получалъ вѣсти, — но не изъ отдаленныхъ краевъ вселенной, а въ стѣнахъ Московскихъ; онъ получалъ вѣсти, доказывавшія, что онъ уже не гордый повелитель Державъ Европейскихъ, но горестный стражъ пепла Московскаго. А потому, повторяю еще, что поученіе завоевателей, съ высоты гордыни своей низвергающихся въ ничтожество, мы предложимъ сіи вѣсти, маловажныя сами по себѣ, но достопамятныя по отношенію къ Наполеону.

Отъ 17 Сентября Частный Приставъ *Шорекъ* доносилъ: „Новая слобода выгорѣла до самой церкви Святаго Николая; церковь ограблена.“

„Половина *Воротниковъ* уцѣлѣла; другая часть, состоявшая изъ каменныхъ домовъ выгорѣла. Въ приходѣ *Пимена* остался Священникъ съ причетомъ. Церковь ограблена; внутри живутъ солдаты 35 полка.“

„Все *Сущево* уцѣлѣло; церкви ограблены. Въ нихъ живутъ солдаты.“

Фабръ, Частный Приставъ *Пречистенской* Части, доносилъ: „Хотя грабежъ уменьшился, но все еще продолжается.“

„Хлѣбныхъ запасовъ ни гдѣ не нашли.

„Жители не возвращаются.“

Отъ того же числа *Морель*, Приставъ первой Городской Части, доносилъ: „Вчера вспрѣтилъ я тѣло убитаго обывателя. Лобъ прошибенъ и голова поранена. По недостатку людей не могу прибрать тѣла.“

Частный Приставъ *Реми* отъ 25 Сентября доносилъ: „Завтрашняго числа начнется служба въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

„Во всей моей Части нѣтъ ни одного трубочиста.“

Вотъ въ какихъ стѣнахъ Престольнаго града окованъ былъ шестинедѣльною медленностію завоеватель, готовившійся изъ Россіи идти въ *Индію!* . . .

Между тѣмъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, находясь на неусыпной стражѣ Отечества, занимался приготовленіями важныхъ наступательныхъ военныхъ движеній, долженствовавшихъ въ одинъ день ознаменовать берега Нары и Двины. Не упуская ничего изъ виду, чѣмъ можно было болѣе и болѣе возвышать и оживотворять души воиновъ, ГОСУДАРЬ отъ 22 Сентября препроводилъ къ Графу Винтгенштейну отвѣтъ на донесеніе его о поднесеніи ему городомъ Псковымъ Иконы Князя Гавріила Псковскаго:

„Графъ *Петръ Христіяновичь!* Поднесенный вамъ отъ общества Псковскаго Образъ Гавріила Чудотворца Я не только вамъ принять позволяю, но и купцевъ, изъявившихъ вамъ свою благодарность, за сей поступокъ похваляю. Святый и Благовѣрный Князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ надпись: *чести моей никому не отдамъ;* вы, со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и Отечество, оказали себя ревностнымъ его послѣдователемъ: а посему не сомнѣваюсь, чтобы сей Угодникъ Божій, видя образъ свой въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осѣнялъ васъ свыше.“

24 Сентября главная квартира перенесена была въ *Леташевку,* куда съ береговъ тихаго Дона прибыли новыхъ двадцать полковъ, составившихся изъ воиновъ престарѣлыхъ, изъ юношей и даже отроковъ.

Сочинитель (1) иностранной книги о *четырехлѣтней войнѣ* съ большимъ вѣроятіемъ заключаетъ, что послѣ битвы Бородинской Кутузовъ умышленно показывалъ, будто бы онъ разссорился съ Атама-

---

(1) *Брентшнейдеръ.*

номъ Донскихъ войскъ. Онъ зналъ, сколько сіе обстоятельство умножитъ высокомѣріе Наполеона; онъ зналъ, что онъ не упуститъ разглашать, что вражда возмутила Рускія войска и потому они будутъ неминуемою его жертвою.

Съ благодарными слезами встрѣтя новоприбывшіе Донскіе полки, Вождь Донской сказалъ: „Самъ Богъ милосердый ускорилъ вашъ путь. Настало время доказать Донцамъ всю силу усердія своего къ Богу, ГОСУДАРЮ и Отечеству. Милости Царскія и Отечество живутъ у насъ въ сердцахъ; не пожалѣемъ для нихъ головъ своихъ. Друзья! Москва въ плѣну; Москва въ пеплѣ пожарномъ. Врагъ могъ бы прорваться и до береговъ Дона. Не допустимъ; устелемъ прежде трупами нашими землю Рускую! Друзья и братья! воскликнемъ къ Господу силъ: *не для насъ, Господи! для имени Твоего вспомоществуй намъ поразить, устыдить, изгнать врага!*“

Громко возглашали полки Донскіе: „Готовы умереть вездѣ, гдѣ ты намъ, нашъ отецъ, прикажешь.“

И такъ тщетно думалъ Наполеонъ, будто бы Турецкая война истощила Донъ

и что онъ не въ состояніи выставить и десяти тысячь. Вскорѣ потомъ, изумленный числомъ козаковъ и почитая ратниковъ козаками, онъ писалъ въ Парижъ: *Россія наводнена козаками.*

Въ тотъ же почти день, когда извѣстилась армія на берегахъ *Нары*, что союзники наши Англичане и Гишпанцы, разбивъ Французовъ, заняли Мадритъ; того же почти числа, то есть 29 Сентября, получено въ Рускомъ станѣ радостное извѣстіе о освобожденіи отъ враговъ въ Россіи перваго Рускаго города. Дороховъ, покоритель *Верей*, увѣнчался симъ подвигомъ. На приступъ вели четыре Верейскіе мѣщанина и первые съ неописаннымъ мужествомъ бросились на крѣпостные валы. За сей подвигъ отважныя груди ихъ украсились военнымъ знакомъ отличія.

Между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ намѣреніе открыть и устроить новую дорогу отъ города *Ельни* до *Калуги*, чтобы сею дорогою проложить себѣ путь въ полуденныя наши области. О семъ разсказывалъ Французскій Генералъ *Ожеро*, взятый въ плѣнъ во время бѣгства Французовъ изъ

Москвы (1). Дѣйствія Генерала Дорохова и отважныхъ и умныхъ нашихъ партизановъ, вездѣ сопровождаемыхъ славой, повсюду полагали преграды сему пагубному намѣренію. Освободя *Верею*, Дороховъ съ осторожностію, свойственною опытному воину, наблюдалъ покушенія враговъ и неустрашимо встрѣчалъ ихъ. Припомнимъ здѣсь, что Дороховъ, отслужа со славою Отечеству и *приближаясь* ко гробу въ *Тулѣ*, отправилъ сіе достопамятное письмо къ *жителямъ Верен*: „Естьли вы слышали о Генералѣ *Дороховѣ*, который освободилъ вашъ городъ отъ враговъ Отечества нашего, то я ожидаю отъ васъ въ воздаяніе за сіе — дайте мнѣ три аршина земли для вѣчнаго моего успокоенія при той церкви, гдѣ я взялъ приступомъ укрѣпленіе непріятельское, истребивъ его на голову, за что дѣти мои будутъ вамъ благодарны.“

(1) См. военныя извѣстія 1812 года стр. 220.

НАЧАЛО БѢГСТВА ФРАНЦУЗОВЪ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЯ ДВИЖЕНІЯ РУСКИХЪ ОТЪ ПЕРВАГО ОКТЯБРЯ ДО ПЕРЕХОДА ЗА ГРАНИЦУ.

Хотя Наполеонъ и увѣрялъ, будто бы война въ Россіи будетъ увеселительною *шестимѣсячною травлею* и *загономъ Русскихъ въ Восточныя области*; но проходилъ уже почти четвертый мѣсяцъ бытности его въ Россіи, и Рускіе все еще въ Россіи находились. Съ наступленіемъ Октября страхъ и ужасъ начали повсемѣстно волновать сердца Наполеоновыхъ войскъ. *Ней*, никѣмъ не гонимый, бѣжалъ изъ Богородска въ Москву *перваго* Октября. Въ то же время Адмиралъ *Чичаговъ* доносилъ, что Рускими войсками очищена *Волынская Губернія* и что преслѣдуемый непріятель повсюду отступаетъ. Въ слѣдъ за симъ Генералъ *Тормасовъ* также извѣщалъ, что полки, предводимые *Шварценбергомъ*, поспѣшно и торопливо устремились къ *Бресту-Литовскому*.

Наконецъ приспѣлъ день *шестаго* Октября. Въ сей день главное Руское войско учинило первое наступательное движеніе,

Неаполитанскій Король, составлявшій передовую спражу Наполеоновыхъ войскъ, былъ разбитъ и поспѣшилъ къ Наполеону съ извѣстіемъ въ Москву, что не льзя изгнать *Россію изъ Россіи.*

За сію побѣду, одержанную подъ Тарутинымъ надъ Королемъ *Іоахимомъ Мюратомъ*, Кутузову пожалована была золотая шпага съ лавровыми вѣнками и украшенная алмазами. На пути побѣдоноснаго и престарѣлаго вождя и при свирѣпствѣ зимнихъ бурь повсемѣстно зеленѣли лавры.

Въ то же самое время, то есть *шестаго* Октября, когда Руское оружіе гремѣло на берегахъ *Нары*, блескомъ славы сего же оружія озарялись и берега *Двины.* Тамъ слава сія блеснула въ видѣ новаго торжества: тамъ вмѣстѣ съ опытными воинами сражались и неопытные ратники Петербургскаго ополченія. Тамъ летѣли они на приступъ къ *Полоцку* и вѣрною грудью опрокинули всѣ преграды; начальники дѣлили съ ними и смерть и опасность и славу. Земледѣльцы, оставя соху, а вожди *дружинъ*, оставя мирныя свои упражненія, явились на полѣ битвъ грозными Героями. Подвиги ихъ удивили и самаго лю-

бимца славы и побѣдъ. Въ его присутствіи Сенаторъ *Бибиковъ*, Начальникъ С. Петербургскаго ополченія, летая отъ одной дружины къ другой, восклицалъ: *Стой, ребята! Куда вы? Мы Русскіе; мы православные Христіане; съ нами Богъ! Впередъ! ура!* Графъ Виттенштейнъ, пожимая руку *Героя-Сенатора*, сказалъ ему: *Я не думалъ никогда не въ военномъ человѣкѣ найти такой геройскій духъ.*

Графъ Штейнгель, переправясь седьмаго Октября при *Дрѣ* черезъ Двину, поразилъ *Макдональда*, и того же числа пали стѣны Полоцка.

Какъ будто бы по особенному опредѣленію, *шестое* Октября было громкимъ предвѣстіемъ новой славы. Въ сіе самое число козачьяго полка урядникъ *Филатовъ*, посланный съ десятью козаками для наблюденія непріятельскихъ войскъ, увидя сраженіе, вступилъ въ дѣло, убилъ начальника гвардіи Неаполитанскаго Короля и въ засвидѣтельствованіе сего подвига представилъ дуломанъ его съ четырью крестами, также и лядунку. „Въ доказательство *народнаго* духа,“ сказано въ военныхъ извѣстіяхъ, „служитъ то, что двадцатаго

егерскаго полка стрѣлки, подкрѣплявшіе *шестаго* числа козачьи полки, во время перестрѣлки *пѣли пѣсни.*

Съ седьмаго на осьмое число начался выходъ изъ Москвы непріятельскихъ войскъ. Послѣ Тарутинскаго сраженія бѣжавшіе полки Короля Неаполитанскаго привели въ волненіе и прочія войска. И такъ первоначально Наполеонъ вытѣсненъ былъ изъ Москвы собственными своими войсками.

Десятаго Октября Генералъ *Винценгероде* вступилъ въ Москву. Наполеона уже знамъ не было; ослѣпленный новыми мечтами, сей завоеватель стремился въ полуденныя наши области. Между тѣмъ отважный Генералъ, отшѣсня передовую цѣпь Французовъ, для пощады собственныхъ войскъ и непріятелей, обвязавъ руку бѣлымъ платкомъ въ знакъ переговоровъ и не взирая на выстрѣлы, поскакалъ съ Адъютантомъ своимъ *Нарышкинымъ* къ Воскресенскимъ воротамъ. Онъ кричалъ начальнику Французскаго отряда, чтобы прекратили перестрѣлку; но непріятели, подпустя его къ себѣ, захватили вмѣстѣ съ Адъютантомъ. Они представили Генерала Винценгороде къ Маршалу *Мортье,* находившему-

ся тогда въ Кремлѣ съ остатками молодой гвардіи. Руской Генералъ представлялъ *Мортье*, что онъ взятъ въ плѣнъ съ нарушеніемъ воинскихъ законовъ, ибо онъ пріѣхалъ для переговоровъ.“ — „Соглашаюсь,“ отвѣчалъ Мортье: „но и вы, Генералъ, согласитесь также, что я не могу васъ отпустить. Вы поступили отважно, но не осторожно; и ваша отважность послужила къ пользѣ моей. Къ войскамъ вашимъ могли бы присовокупиться Московскіе жители, и мы былибъ въ рукахъ вашихъ. Но теперь и войско ваше и жители пробудутъ нѣкоторое время въ недоумѣніи, а мы между тѣмъ выйдемъ свободно.“ Мортье черезъ Каменной мостъ вышелъ на Калужскую дорогу. Винценгероде представленъ былъ Наполеону. Въ яростномъ порывѣ раздраженнаго тщеславія Наполеонъ угрожалъ ему смертію. Сей Генералъ былъ Баварскимъ уроженцемъ, и гордый завоеватель почиталъ его своимъ подданнымъ. Винценгероде съ благородною твердостію духа отвѣчалъ: *Я двадцать лѣтъ жду Французской пули. Жена и дѣти мои находятся подъ покровительствомъ великодушнаго* АЛЕКСАНДРА. *Я готовъ умереть.*

Въ ночь на одиннадцатое число раздался пушечный выстрѣлъ, предвѣстникъ Кремлевскаго разрушенія, и взрывы, поколебавшіе землю и сданія, начались въ Москвѣ. Винценгероде и Нарышкинъ отправлены были подъ прикрытіемъ и спасены уже за Минскомъ мужественнымъ *Черныше́вымъ*, который съ однимъ козачьимъ полкомъ отправленъ былъ Адмираломъ Чичаговымъ для открытія сообщенія съ Графомъ Виттенштейномъ. Я нарочно распространился о семъ обстоятельствѣ; ибо священнѣйшій долгъ историка разсѣивать молву, падующую на невинность и на честь благородныхъ душъ.

Наполеонъ и Кремль и городъ и на сто верстъ въ окрестностяхъ все предполагалъ превратить въ пепелъ и прахъ; онъ хотѣлъ навсегда сгладить съ лица земли ту древнюю Рускую Столицу, гдѣ съ дымомъ пожарнымъ разсѣялась безумная его мечта *всемірнаго обладанія*. Но священные Московскіе Соборы, охраняемые Богомъ, устояли въ то самое время, когда по всѣмъ расчисленіямъ надлежало имъ превратиться въ груду камней. Очевидцы разсказываютъ, что надъ Соборами какъ будто бы разо-

рвались облака и пролился необычайный дождь.

Донской Генералъ Иловайскій *четвертый* обрадовалъ Россію извѣстіемъ о освобожденіи Москвы.

По опредѣленію вышнихъ судебъ, всѣ почти обстоятельства 1612 и 1812, то есть ровно по истеченіи *двухъ* столѣтій, единообразны между собою по соглашенію чиселъ. И тогда и въ наше время важнѣйшія битвы происходили въ *Августѣ* мѣсяцѣ; и тогда и въ наше время Москва освобождена была въ тѣхъ же числахъ *Октября*. Отъ чего сближаются такія происшествія? Отъ чего одинакія грозныя бури шумятъ и потрясаютъ области по истеченіи столѣтій? Мы можемъ обозрѣвать обстоятельства; но причина оныхъ извѣстна только Тому, Котораго взоръ объемлетъ въ одно мгновеніе и всѣ вѣки и всѣ предѣлы неизмѣримой вселенной.

Рускіе уже были въ Москвѣ, а битвы за Москву и за Россію съ новымъ усиліемъ продолжались. Съ одиннадцатаго числа на двѣнадцатое, то есть въ торжественный день освобожденія древней Руской Столицы, Генералъ Дохтуровъ, приближаясь

къ *Малому Ярославцу*, вступилъ въ упорный бой съ непріятелемъ, рѣшившимся прорваться въ полуденныя наши области. Дохтуровъ удерживалъ его напоръ *тридцать шесть* часовъ. Семь разъ штыки Рускіе опражали враговъ. При одномъ изъ стремительнѣйшихъ ихъ покушеній Дохтуровъ, ставъ передъ рядами воиновъ своихъ, воскликнулъ: *Наполеонъ хочетъ пробиться; онъ не успѣетъ, или пройдетъ по трупу моему!*

Въ сей самый день Милорадовичъ, сдѣлавъ съ конницею пятдесятъ верстъ и вездѣ искусными движеніями уклоняясь отъ непріятеля, прибылъ въ то самое мгновеніе къ Малому Ярославцу, когда присутствіе его было необходимо. Кутузовъ, восхищенный быстротою сего неизмѣннаго любимца славы, обнималъ его и называлъ *крылатымъ*.

Въ сраженіи при Маломъ Ярославцѣ Генералъ Дороховъ, освободитель *Вереи*, былъ жестоко раненъ. Извѣстясь о семъ, Кутузовъ отправилъ къ нему нарочнаго, которому препоручилъ сказать сіи животворительныя слова: *Непріятель бѣжитъ; вы участвовали въ спасеніи южныхъ областей*

Россіи. И такъ, естьли уже неизбѣжно, вы можете умереть.

Обозрѣвая поле сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ и не внимая стону умиравшихъ жертвъ, Наполеонъ удивлялся только упорству сражавшихся войскъ; вскорѣ потомъ проходилъ онъ и поле Бородинское, гдѣ трупы человѣческіе являлись еще непокровенными землею. Провидѣніе представило очамъ завоевателя всѣ памятники неистоваго его высокомѣрія (1).

Въ донесеніи своемъ къ ГОСУДАРЮ отъ двадцатаго Октября Кутузовъ излагаетъ всѣ подробности того предначертанія, которое сообразилъ въ умѣ своемъ къ защитѣ южныхъ областей Россіи и къ пагубѣ враговъ. „Изъ предшествовавшихъ моихъ донесеній ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО извѣстны," писалъ Рускій Полководецъ: „что непріятельское стремленіе было обойти меня и пройти къ Калугѣ, дабы чрезъ то вторгнуться въ изобильныя наши Губерніи. Сіе заставило меня, оставя старую Калужскую дорогу,

---

(1) См. Жизнь *Нея*, изданную въ Парижѣ 1816 г., стр. 25.

перейти на новую, гдѣ я упредилъ непріятеля у Малаго-Ярославца. Значущій его корпусъ былъ и на Можайской дорогѣ, идущей къ Калугѣ. Непріятель отраженъ былъ отъ Малаго-Ярославца; я же съ главною частію арміи перешелъ на Мядынскую дорогу, гдѣ непріятельскій корпусъ между тѣмъ козачьимъ отрядомъ былъ удержанъ. Непріятель, предупрежденный на всѣхъ дорогахъ, сталъ ретироваться чрезъ Верею къ Можайской дорогѣ, а потому я долженъ былъ сдѣлать слѣдующее разпоряженіе: армію направилъ прямымъ путемъ къ городу Вязьмѣ; отрядъ Генерала Милорадовича усиленъ такъ, что почти составляетъ половину арміи, и слѣдуетъ параллельно между мною и Можайскою дорогою; все войско Донское имѣетъ предписаніе упреждать, сколько возможно, непріятельскій маршъ, истреблять мосты, переправы и стараться наносить ему всевозможный вредъ (*)."

Тутъ исполнились всѣ важныя соображенія опытнаго и великаго Полководца; тутъ явилось разительное различіе между

(*) См. военныя извѣстія 1812 г. стр. 180.

истиннымъ Полководцемъ и временнымъ завоевателемъ. Кутузовъ въ юности лѣтъ своихъ пріобрѣлъ все нужное ученіе для военнаго человѣка; на поприщѣ службы шелъ онъ постепенно и умѣлъ все наблюдать и всѣмъ пользоваться: слѣдственно и достигалъ постепенно той опытности, которая доставляется однимъ временемъ. Наполеонъ также учился военному искусству; но вихрь Французскаго мятежа умчалъ его на поприщѣ военное почти безъ всѣхъ постепенностей службы. По смѣлости своей онъ успѣлъ воспользоваться кипѣніемъ страстей новаго Французскаго войска; онъ съ ними опровергалъ все потому, что Державы, съ которыми онъ воевалъ, изумленныя появленіемъ новыхъ войскъ и новаго образа войны, не знали, что предпринимать и не могли примѣниться къ дѣйствіямъ мятежной Франціи. При нашествіи Наполеона на Россію сіе изумленіе уже не существовало; Рускіе полководцы знали образъ его войны. Барклай де Толли умнымъ руководствомъ сберегъ войско; Кутузовъ съ симъ войскомъ изгналъ враговъ изъ Отечества. Помышляя о Россіи, онъ не могъ думать о Москвѣ.

Судьба ея рѣшена была при переходѣ непріятеля черезъ Неманъ. Повторимъ и здѣсь, что Кутузовъ до Бородинскаго сраженія клялся, что враги развѣ по прупу его войдутъ въ древнюю Рускую Столицу. Сія кляпва достойна великой души, не заботящейся о мгновенной молвѣ и видящей вдали сіяніе отечественной славы. Повторимъ, что и дивное *Бородинское* сраженіе дано было единственно для удовлетворенія рвенія войскъ и желанія общенароднаго. Рускимъ страшно было и помыслить, что не будутъ сражаться за Москву! Уступленіе опустошенной Москвы и самому многочисленному непріятелю готовило три новыя и ужаснѣйшія битвы: голодъ, безначаліе и своеволіе войскъ. Кутузовъ зналъ, что Наполеонъ, ослѣпленный мечтою всемірнаго обладанія, почиталъ занятіе Москвы главною къ тому ступенью; онъ зналъ, что войско, обманутое ложными обольщеніями завоевателя, выйдетъ изъ повиновенія; онъ зналъ, и приготовилъ Наполеону въ Москвѣ повсемѣстный плѣнъ; наконецъ онъ зналъ, что Россійскій ИМПЕРАТОРЪ рѣшился все перенесть,

но не давать мира завоевателю въ нѣдрахъ Россіи.

И такъ Кутузову оставалось скрыть отъ непріятеля переходъ свой черезъ Москву, занять вѣрнѣйшее и удобнѣйшее мѣсто къ продовольствію войскъ и къ предупрежденію непріятеля отъ вторженія въ полуденныя наши области. Въ *Тарутинѣ* созрѣвало, а подъ *Малымъ Ярославцемъ* и подъ *Мядынью* рѣшилось сіе предположеніе. Тамъ уничтожились всѣ хитрыя покушенія Наполеона, который *седьмаго* Октября, отправя всѣ тяжелые свои обозы по большой Смоленской дорогѣ, порывался къ Калугѣ и далѣе. Подкрѣпляясь дальновидною и опытною прозорливостію, Кутузовъ сбилъ завоевателя на ту самую дорогу, по которой, въ гордомъ мечтаніи о всемірномъ обладаніи, несъ онъ Россіи цѣпи рабства: онъ принудилъ его идти по слѣдамъ разоренія — къ пагубѣ неизбѣжной.

Въ Москвѣ Наполеонъ сохранялъ еще хотя тѣнь власти надъ войсками своими; но послѣ тщетныхъ покушеній на полуденныя наши области онъ пересталъ быть ихъ вождемъ. За него и за честь его войскъ сражались храбрые и расторопные

его Генералы и вездѣ упорно сопротивлялись. Они достойны были лучшей участи, естьлибъ сражались за лучшее дѣло.

При семъ новомъ разпоряженіи войскъ Платовъ первое доставилъ извѣстіе о пораженіи преслѣдуемаго непріятеля. Подъ Колоцкимъ монастыремъ непріятель обратился въ бѣгство, и съ сего времени знамена и пушки его начали усѣвать равнины Россіи. Платовъ и Милорадовичъ спѣшили опередить враговъ, которые на обратномъ пути все истребляли и предавали огню. Герои наши признавались, что быстро бѣжавшаго непріятеля не льзя было преслѣдовать безъ изнуренія людей. Французы прикрывали изтомленную свою конницу и ввели ее въ середину войскъ своихъ. При *Царевѣ-Займищѣ* Койсаровъ съ шестьюдесятью человѣками разсѣялъ три непріятельскіе баталіона, прикрываемые стрѣлками и артиллеріей.

22 Октября Милорадовичъ явился внезапно подъ Вязьмою въ виду непріятеля. Сильно сопротивлялись враги, еще сильнѣе разили Рускіе. Отряды Паскевича, Чоглокова и Бѣлозерскій полкъ устремились въ городъ на штыкахъ. Перновскій полкъ

первый ворвался туда съ распущенными знаменами, и ступая по трупамъ непріятельскимъ, очистилъ путь другимъ. Устроя конницу, Милорадовичъ въѣхалъ въ городъ, наполненный еще врагами и гдѣ соединились всѣ ужасы смерти. Графъ Остерманъ, Ермоловъ, Князь Долгорукій, Паскевичъ, Олсуфьевъ и Чоглоковъ увѣнчались новою славой. Милорадовичъ, изторгнувъ Вязьму изъ рукъ враговъ, покушавшихся превратить ее въ пепелъ пожарный, приступилъ къ учрежденію городоваго порядка. Въ достопамятный 1812 годъ полководцы наши принуждены были и разить враговъ и устроивать отечественные наши города.

Между тѣмъ зашумѣли грозныя зимнія бури. Наполеонъ, обманутый яснымъ Сентябремъ, писалъ въ Парижъ, будто бы въ Россію переселилась Италія. Ослѣпленный и пщеславіемъ и мечтами своего воображенія, онъ промедлилъ шесть недѣль среди пепла разоренной Москвы. Пагубное медленіе! Какому люпому жребію подвергло оно жертвъ завоевателя! Въ началѣ войны 1812 года Рускіе полководцы не скрывали предпріятій своихъ; они явно возвѣщали,

что уступаютъ города съ преднамѣренною и обдуманною цѣлью. На берегахъ *Двины* издано было къ Наполеоновыхъ войскамъ слѣдующее воззваніе: „Воины Французскіе! вы знаете Рускихъ; вы знаете, что они неспособны къ бѣгству. Они будутъ сражаться тамъ, гдѣ заблагоразсудятъ. Преступленіе жертвовать собою безумному тщеславію одного человѣка; возвратитесь въ области свои, или воспользуйтесь убѣжищемъ, которое предлагаемъ мы вамъ въ странѣ нашей (1)."

Къ несчастію своему, войска Наполеоновы не повѣрили сему предрѣченію. Они были тогда въ упоеніи всемірнаго обладанія; но на возвратномъ пути сіе упоеніе уже не существовало. Голодъ, стужа и отчаяніе приводили въ оцѣпенѣніе тѣла и души полуденныхъ жителей. На обширныя снѣжныя равнины завлечены были властолюбцемъ и жители Франціи, и жители Италіи, и жители Испаніи.

Дрогобужъ былъ взятъ приступомъ; Французы упорно защищались. Рускіе, освобождая отечественные города, радостно

(1) См. жизнь Маршала *Нея* стр. 17.

летѣли и на укрѣпленія и на смерть. Четвертаго егерскаго полка Маіоръ *Русановъ*, раненый въ руку при началѣ приступа, велѣлъ поддерживать себя солдатамъ и продолжалъ лѣзть на валъ. Новая пуля поразила его въ ногу; солдаты принуждены были снесть его въ ровъ, гдѣ онъ добровольно пробылъ до того мгновенія, когда Рускіе взлетѣли на высоты окоповъ.

Въ перехваченныхъ письмахъ бывшаго Вице-Короля Италіи къ *Бертье* разительно изображено горестное состояніе Французскихъ войскъ. Онъ увѣдомлялъ, что цѣлыя упряжки подъ артиллеріей падали; что духъ солдатъ повергся въ уныніе; что одни гибли отъ голода и стужи, а другіе въ отчаяніи отдавались Рускимъ."

Но сіи лютыя бѣдствія были только преддверіемъ новыхъ люпѣйшихъ бѣдствій. Сердце содрогается при напоминаніи о тѣхъ несказанныхъ злоключеніяхъ; перо не желалобъ начертать ихъ, естьлибъ исшина не требовала повторять о той пагубѣ, въ какую вовлекаетъ человѣчество буйное тщеславіе одного человѣка.

Вице-Король Италіянскій настигнутъ былъ Платовымъ 27 Октября и пораженъ.

Въ донесеніи о сей новой побѣдѣ Платовъ прибавляетъ: „Дѣло идетъ хорошо; надобно только поспѣшать за непріятелемъ.“

Уважая сподвижниковъ своихъ на славномъ поприщѣ изгнанія враговъ изъ Отечества, Кутузовъ препроводилъ слѣдующее письмо къ Герою Полоцкому: „М. Г. мой Петръ Христіяновичь! Блистательные успѣхи ваши доставляютъ важныя выгоды общей цѣли всѣхъ движеній. Поздравляя васъ съ побѣдою 19 числа, спѣшу васъ увѣдомить, что 26 числа Октября при Дрогобужѣ непріятельской арміи авангардъ былъ разбитъ нашимъ авангардомъ, гдѣ взято въ плѣнъ 600 человѣкъ и 6 орудій.

„27го Козаки нагнали бѣгущаго непріятеля по Духовской дорогѣ, разбили 4й его корпусъ и взяли въ плѣнъ Генерала *Сансона*, 3,500 нижнихъ чиновъ и 62 орудія. Непріятель бѣжитъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Его положеніе самое бѣдственное, до такой крайности, что Французскіе офицеры, взятые въ плѣнъ, просятъ о принятіи въ Россійскую службу.“

28 Октября Графъ Орловъ-Денисовъ и искусные наши партизаны, Сеславинъ, Давы-

довъ и Фигнеръ, зашедъ въ тылъ, напали на непріятеля. Графъ Орловъ пустился далѣе къ пораженію конницы Французской, а партизаны, дѣйствуя прошивъ враговъ, скрывшихся въ деревнѣ *Лясоевѣ*, пресѣкли имъ всѣ пупи къ отступленію, и войдя въ переговоры, принудили сдашься. „Побѣда сія," сказано въ извѣстіяхъ 1812 года, „тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней кампаніи непріятельскій корпусъ сдался намъ."

Между тѣмъ непріятель, часъ отъ часу болѣе отчаявавшійся въ спасеніи, подрывалъ пороховые ящики и жегъ лафеты; пламя, разливавшееся отъ сихъ новыхъ огней, озаряло трупы мертвыхъ и слабыхъ жертвъ, ожидавшихъ по дорогамъ неизбѣжной смерти. Оставшіеся еще съ оружіемъ въ рукахъ и къ злополучію своему лишенные всякаго продовольствія, питались мясомъ упавшихъ лошадей (1).

Въ то же самое время, когда оружіе Рускихъ изгоняло враговъ изъ Россіи, слава Рускаго оружія блистала и въ предѣлахъ Азіи. Въ теченіи Октября Персидскія вой-

---

(1) См. военныя извѣстія 1812 г. стр. 221.

покушались напасть на Грузію. Къ отраженію сего предпріятія Генералъ Ртищевъ отправилъ съ отрядомъ войскъ мужественнаго Генерала Котляревскаго. Три тысячи отборныхъ Персидскихъ войскъ подъ начальствомъ знаменитѣйшихъ своихъ вождей порывались войти съ *Шамаханское* Ханство. Самъ Бабахановъ сынъ *Абасъ Мирза* и правильно устроенные полки съ двѣнадцатью орудіями спѣшили подкрѣпить передовыя свои войска, приближавшіяся къ *Асландузской* переправѣ на *Араксѣ*. Отважный Котляревскій, подражая быстрымъ и внезапнымъ нападеніямъ Суворова, переправился съ отрядомъ своимъ черезъ рѣку и стремительно напалъ на главное Персидское войско въ собственномъ его станѣ. Весь станъ Персидскій достался побѣдителю. Не останавливаясь въ мужественномъ своемъ полетѣ, на другой день, то есть 20 Октября, снова напалъ на непріятеля и взялъ приступомъ *Асландузъ*, укрѣпленный по правиламъ Европейскаго военнаго искусства. Котляревскій, Герой нашего времени, личными заслугами достигшій чиновъ, почестей и увѣнчавшійся славными ранами, животворясь внезапностью

и быстротою Суворова, подобно сему великому Полководцу умѣлъ вездѣ предупреждать непріятеля, потому что вездѣ умѣлъ отыскивать людей, извѣщавшихъ его о предпріятіяхъ сопротивниковъ. Сіе важное воинское правило есть особенная принадлежность благоразумныхъ и искусныхъ Полководцевъ (1).

Наполеоновы войска, пораженныя подъ Вязьмою, Дрогобужемъ и Духовщиною, стекались въ Смоленскъ, гдѣ были главныя его силы. Всѣмъ извѣстно, что Наполеонъ заранѣе приготовилъ подробные чертежи отъ *Немена* до *Москвы* и что въ чертежи розданы были всѣмъ его полководцамъ; но сей завоеватель не могъ вообразить, что Рускіе, преслѣдуя его, изберутъ новые пути чрезъ лѣса и болота, инѣ пути прудные и славные, которыми отважные защитники Отечества стремятся къ пораженію враговъ. Такими путями шло войско Руское. Посредствомъ сихъ новыхъ путей непріятель, при всемъ быстромъ его бѣгствѣ, былъ вездѣ предупреждаемъ. Наполеонъ находился еще въ Смоленскѣ, а

(1) Извѣстіе о дѣлахъ въ Грузіи получено 31 Октября.

войска наши обходили уже Смоленскъ. Въ безнадежной и отчаянной своей злобѣ, подрывая стѣны сего города, онъ не зналъ, что боковое движеніе Рускихъ войскъ грозитъ ему повсемѣстнымъ пораженіемъ. Нарушивъ всѣ военныя правила, онъ дѣйствовалъ на удачу.

3 Ноября 1812 года обнародованъ слѣдующій достопамятный Высочайшій Манифестъ, разительно изображающій всѣ необычайныя событія того времени:

„Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Никакія пріемлемыя НАМИ мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ничѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ объщаніями не переставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ, приготовя сильное воинство и пріумножа оное Австрійскими, Прускими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Италіянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками,

угрозами и страхомъ приневоленными; со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли НАШЕЙ. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, созженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и олтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и люпости открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Россійское раждало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясть вѣрность къ Престолу, поруганіемъ же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать Вѣру, и нравы народ-

ные заразишь буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ пагубные свои замыслы, и съ ними, на подобіе тлѣтворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее НАШЕ Отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми НАШИМИ войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая

снаряды свои, и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валяются и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни Его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ МЫ теплое и усердное благодареніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ, Всемогущему Богу. Попомъ торжественно отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность НАШУ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частію или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска НАШИ вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію Государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали

такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только Рускому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расшоргала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербугскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ Графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній Главнокомандующаго и другихъ Генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли МЫ, что во многихъ Губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей, и не только ни какими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые ими удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скры-

вали въ лѣса семействива свои и малолѣтныхъ дѣшей, а сами, вооружась и поклявшись предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохранитьсл въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, мы вмѣстѣ съ православною Церковію и Святѣйшимъ Сунодомъ и духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ нашъ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ НАШИМЪ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность НАШУ, и отдать

должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому."

Такъ вѣщалъ МОНАРХЪ Россіи. Наполеонъ, находясь въ совершенномъ безвѣстіи о Рускихъ войскахъ, не могъ уже соображать движенія полковъ своихъ сообразно направленію нашихъ полковъ; онъ помышлялъ шолько о спасеніи личности своей; онъ помышлялъ о семъ шогда, когда терялъ и славу и честь и когда ослѣпленному высокомѣрію своему готовился принесть новыя безчисленныя жертвы.

И такъ Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска съ сбереженной гвардіей своей по той самой дорогѣ, по которой шелъ въ Смоленскъ съ мечтою всемірнаго обладанія. Дѣйствуя, какъ уже было сказано, на удачу, онъ оставилъ въ Смоленскѣ Маршала *Нея* съ тридцатью тысячами. Раздробивъ такимъ образомъ войска свои, Наполеонъ каждую изъ сихъ частей подвергалъ гибели для обезпеченія своего бѣгства.

Герой, возвратившій Вязьму и Дорогобужъ, повелъ свой побѣдоносный авангардъ неизвѣстными дорогами чрезъ лѣса и бо-

лота, обойдя Смоленскъ и опередя непріятеля, чтобы съ нимъ встрѣтиться подъ Краснымъ. Съ третьяго до седьмаго Ноября Милорадовичъ былъ въ непрестанныхъ бояхъ. Пятаго числа, въ присутствіи самаго Наполеона, пораженъ былъ Маршалъ Даву, а на другой день Маршалъ Ней.

„Ни одинъ воинъ," сказано въ печатномъ извѣстіи о жизни Графа Милорадовича: „не увѣнчалъ себя такою славою, какою сей Герой озарился на поляхъ города Краснаго."

Въ печатномъ извѣстіи о подвигахъ Князя Димитрія Владимировича Голицына изображено, какою блистательною славою озарился онъ въ день пятаго Ноября, выдерживая бой съ девятью тысячами противъ тридцати тысячъ, предводимыхъ Наполеономъ.

Во второмъ военномъ извѣстіи о семъ достопамятномъ днѣ сказано: „Генералъ Милорадовичъ тѣснилъ непріятеля съ тылу, когда Генералъ-Лейтенантъ Князь Голицынъ поражалъ его съ центра, а Генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ, отрѣзавъ дорогу, поражалъ его при выходѣ изъ Краснаго."

Отчаянный непріятель, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, свернувшись въ густыя колонны, стремился прорваться сквозь авангардъ Барона Розена; пагуба и смерть постигла непріятеля.

„Весьма замѣчательно,“ говоритъ Кутузовъ: „въ сей знаменитый день то, что Наполеонъ, полководецъ, увѣнчанный успѣхами, и Маршалъ Давустъ, сопутникъ его, не останавливаясь въ Лядахъ, ретировались къ Дубровнѣ, забывъ сильный корпусъ Маршала Нея, который, присоединивъ всѣ остатки и гарнизоны, бывшіе въ Смоленскѣ, составлялъ до 30,000 человѣкъ, имѣя въ прикрытіи своемъ паркъ около 150 орудій. Сія столь знатная часть, отрѣзанная Россійскою арміею, забыта и оставлена на жертву.“

6 Ноября пали и истребились сіи горестныя жертвы властолюбца, забывшаго все, кромѣ ничтожной своей жизни.

Пятаго еще числа, не дождавшись конца сраженія, Наполеонъ пустился въ объѣздъ Краснаго къ сторонѣ Днѣпра лѣсами, и ускакалъ съ приближенными своими къ Лядамъ.

Никогда военное искуство, въ подлинномъ своемъ значеніи, учрежденное къ оборонѣ общества и человѣчества, никогда не было оно помрачено такимъ позоромъ, какому подвергъ его обезумленный властолюбецъ. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 года предписалъ онъ, чтобы ни Маршалы, ни Генералы нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не оставляли войскъ своихъ; и онъ самъ первый показалъ примѣръ бѣгства, неслыханнаго въ лѣтописяхъ военныхъ.

Но куда убѣжитъ кровожадный властолюбецъ отъ волненій совѣсти своей? Страхъ и ужасъ вездѣ его преслѣдовали. Не смыкая очей ночью въ Дубровнѣ, онъ позвалъ къ себѣ Генерала и сказалъ: „Дѣла мои идутъ дурно; бѣдные солдаты раздираютъ мое сердце, и я не въ силахъ имъ помочь.“ И такъ, тотъ завоеватель, который, подобно *Тамерлану*, намѣревался подѣлиться Вселенною съ однимъ Богомъ; тотъ долженъ былъ невольно засвидѣтельствовать и безсиліе и безуміе свое.

Между тѣмъ раздался крикъ: *къ ружью!* и встревоженному Наполеону казалось, что уже дрошики козаковъ блестятъ

въ его очахъ. Но сознаніе въ слабости было въ Наполеонѣ мгновеннымъ порывомъ. Снова умъ его обуялся мечтами высокомѣрія; онъ забылъ единственнаго виновника всѣхъ злоключеній Французовъ: онъ забылъ, что онъ сей виновникъ, и опклонялъ позоръ свой на другія лица, говоря: *какіе театральные Короли! Нѣтъ въ нихъ ни твердости, ни мужества, ни силы нравственной. . . Могъ ли я такъ ошибиться? Какимъ вѣрнымся людямъ* (1)?

Наконецъ около исхода Ноября Наполеонъ прорвался черезъ рѣку Березину у селенія *Студенца*. Никакія военныя соображенія не могли въ семъ мѣстѣ остановить того, кому Провидѣніе опредѣлило низвергнуться съ высоты исполинскаго могущества въ нѣдрахъ Франціи и передъ лицемъ Франціи и Европы; а притомъ полководецъ, не мыслящій о войскѣ, но заботящійся о себѣ одномъ, вездѣ бы могъ тайно прокрасться. На сей ничтожный подвигъ рѣшился Наполеонъ въ *Сморганахъ* въ осьмнадцати миляхъ отъ *Вильны*. И въ семъ

(1) См. Записки Генерала *Рапа*.

случаѣ, все еще возвеличивая личность свою, онъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „Отъѣздъ мой необходимъ; мнѣ надобно присматривать за Австріей и удержать Пруссію.“

Ноября 23 мужественный и отважный партизанъ Сеславинъ ворвался въ городъ *Ошмяны*. Уже усиленный отрядъ непріятельскій разполагался отдыхать; но внезапное появленіе Ахтырскихъ гусаръ все разстроило. Карауль былъ изрубленъ; Комменданшъ, пользуясь темнотою ночи, скрылся; и, по единогласному увѣренію *Ошмянскихъ* жителей, и самъ Наполеонъ, предувѣдомленный своими приверженцами, передѣлся и быстро пустился верьхомъ къ Вильнѣ. Мнимый обладатель вселенной бѣжалъ отъ отряда Рускаго партизана. Второй уже разъ Наполеонъ едва не попался въ руки Рускихъ отрядовъ, тревожившихъ войска его и въ лице и съ боковъ и съ тылу. *Fanъ*, Дежурный его Генералъ, въ Запискахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что Императоръ Французовъ едва не былъ захваченъ подъ Воронкомъ козаками. Не смотря на сколь явныя доказательства, Напо-

леонъ, находясь уже на островѣ *Елепѣ*, въ начертаніи жизни своей утверждаетъ, что будто бы во всю бытность его въ Москвѣ и въ Россіи не перехватили у него ни одного курьера, не отбили ни одного обоза и что тылъ его арміи не былъ обезпокоенъ ни на одно мгновеніе. Такъ писалъ онъ, располагая происшествія 1812 года по произволу собственнаго воображенія, которое домогался обмануть, ибо ему не кого уже было обманывать; обширныя моря преграждали тамъ пути лживымъ вымаслamъ, служившимъ ему доволѣ вспомогательнымъ войскомъ. Повторяю еще, что нетрудно было укрываться отъ всѣхъ внезапныхъ нападеній и отъ всѣхъ поисковъ тому завоевателю, который для обезпеченія личности своей бросалъ тысячи и подвергалъ ихъ неизбѣжной погибели. Война, имъ производимая, истребила и заглушила благородныя побужденія чести, заставлявшія полководцевъ дѣлить съ воинами своими всѣ превратности жребія и умирать съ ними, а не оставлять ихъ. Властелинъ милліоновъ, рѣшившійся спасать одного себя, обрекалъ все на жертву истребленія.

Императоръ Наполеонъ, устрашившій и Европу и Россію исполинскимъ ополченіемъ, спасался бѣгствомъ. Руской партизанъ Сеславинъ съ дружиною своей продолжалъ побѣдоносное преслѣдованіе. 24 Числа опрокинулъ онъ Французскую конницу и на плечахъ ея устремился въ Вильну, при чемъ отбилъ шесть пушекъ и одного орла. Присоединясь потомъ къ отряду Генералъ-Маіора Ланскаго, покушался вмѣстѣ съ нимъ занять городъ. Упорное сопротивленіе непріятельской пѣхоты, засѣвшей въ домахъ, воспрепятствовало сему подвигу. Подоспѣвшій авангардъ Адмирала Чичагова рѣшилъ участь Вильны. Сеславинъ былъ жестоко раненъ въ руку, чѣмъ и прервались дѣйствія его въ отечественную войну. Наполеонъ между тѣмъ ускорялъ бѣгство свое въ Парижъ, чтобы лично возвѣстить, что онъ живъ, а войско изчезло. При распущеніи отряда партизана Сеславина присутствовалъ самъ Князь Смоленскій, окруженный мужественными сотрудниками своими. Сеславинъ, изнемогшій отъ раны, въ простой шинели и съ подвязанною рукою представлялъ великому Кутузову храбрыхъ воиновъ своихъ. Престарѣлый

Герой съ неохлажденнымъ жаромъ сердечнымъ сказалъ имъ: *Благодарю васъ, храбрые Русскіе солдаты!* Загремѣло *ура!* и всѣ труды были забыты.

Съ того времени, когда къ бѣдствію человѣчества появились на прахѣ земномъ завоеватели, ни одинъ изъ сихъ губителей народовъ не обращался въ бѣгствѣ въ такомъ ничтожномъ видѣ, въ какомъ явился Наполеонъ въ Варшавѣ. Изъ книги Аббата *Прадта*, бывшаго тогда посломъ въ Варшавѣ, предлагаю повѣствованіе о семъ бѣгствѣ.

Наполеонъ, въ тѣсной зимней повозкѣ укрываясь отъ вьюги и отъ взоровъ людей, тайно прибылъ въ Варшаву. Не смѣя остановиться во дворцѣ, онъ прокрался пѣшкомъ отъ *Прагскаго* моста до *Англинскаго* трактира. Коленкуръ немедленно побѣжалъ къ *Прадту*, занимавшему должность Французскаго посланника въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Странный видъ Коленкура изумилъ *Прадта*. Голова любимца Наполеонова обвернута была черною тафтою; лице его изчезало въ густомъ мѣхѣ; походка запрудилась боль-

шими теплыми сапогами. Онъ вошелъ, опираясь на одного изъ посланниковыхъ секретарей. Прадтъ, прилѣжно всматриваясь въ остатки лица, проглядывавшаго изъ мѣха, вдругъ вскричалъ: „Это Коленкуръ! Гдѣ Императоръ?“ — Въ Англинскомъ практирѣ; онъ васъ ждетъ. — „Для чего же не остановился онъ во дворцѣ?“ — Онъ не хочетъ, чтобы его узнали. — „Все ли у васъ есть?“ — Давайте намъ скорѣе Бургонскаго вина и малаги. — „Погребъ и домъ мой, все къ вашимъ услугамъ! Но куда вы отправляетесь?“ — Въ Парижъ. — „А армія?“ При сихъ словахъ Коленкуръ невольно возвелъ глаза къ небу и сказалъ: *Ее уже нѣтъ!* „А побѣда подъ Березинымъ?“ спросилъ *Прадтъ*: „а шестьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, о которыхъ увѣдомлялъ меня Герцогъ Боссано (1)?“ — Насъ прошло — отвѣчалъ Коленкуръ: и спаслось нѣсколько сотенъ! . . . Намъ нѣкогда было думать о сохраненіи людей. —

Прадтъ, пораженный симъ отвѣтомъ, взялъ Коленкура за руку и воскликнулъ:

---

(1) Секретарь Наполеона.

„Господинъ Герцогъ! пора одуматься! Пусть всѣ истинные служители представятъ *Императору* истину!“ — Пустыя затѣи! — возразилъ Коленкуръ: я невиноватъ; я все предсказалъ. . . . Пойдемъ; Императоръ насъ ждетъ. —

Прадтъ поспѣшилъ въ Англинскій трактиръ; Польскій *жандармъ* стоялъ у воротъ на часахъ. Хозяинъ сперва осмотрѣлъ *Прадта*, а потомъ пустилъ на дворъ. Что же увидѣлъ онъ? . . . Небольшой полуразбитый каретный кузовъ, поставленный на дубовыхъ дровняхъ; онъ увидѣлъ еще двои открытыхъ саней: въ однихъ ѣхалъ Генералъ *Лефебръ-Денуэтъ* съ Офицеромъ, въ другихъ Мамелюкъ Рюстанъ съ слугою. Вотъ все, что было при Наполеонѣ; вотъ все, что осталось отъ несказаннаго блеска и отъ неимовѣрной пышности!

Коленкуръ, даложивъ о *Прадтѣ* Наполеону, ввелъ его къ нему. Наполеонъ былъ въ низкой холодной комнатѣ; окна были въ половину задернуты; бѣдная Польская служанка силилась раздувать огонь въ камелькѣ, въ который набросали сырыхъ

дровъ. Дрова шипѣли отъ сырости, а тепла не прибавлялось. Какой переходъ отъ величія къ ничтожеству! Въ Маѣ 1812 года Цари съѣзжались въ *Дрезденъ* на поклоненіе Наполеону, а въ Декабрѣ тогожъ года онъ бѣжалъ какъ преступникъ, опасавшійся ежечасной погони. Какъ ненадежно, какъ скоротечно величіе человѣческое! . . .

Наполеонъ, по обыкновенію своему, ходилъ по комнатѣ скорыми шагами. На немъ была богатая зеленая бекешъ съ золотыми пуговицами, на головѣ шапка съ ушами, а на сапоги вздѣты были еще медвѣжьи сапоги. Увидѣвъ *Прадта*, Наполеонъ засмѣялся и сказалъ: „А, господинъ посланникъ!“ Прадтъ, въ бѣгущемъ Наполеонѣ все еще видя *Императора*, съ восторгомъ объяснялся, что видитъ его живымъ и здоровымъ. Наполеонъ, не обращая вниманія на его восторгъ, разстегивалъ шубу; *Прадтъ* помогъ ему снять ее. „Какъ вы поживаете въ этой области?“ спросилъ Наполеонъ. Зная строптивость своего властелина, посланникъ съ крайнею осторожностію объяснился о бѣдствен-

номъ состояніи Варшавскаго Герцогства. „Отъ чего оно разорилось?“ возразилъ Наполеонъ. *Прадтъ* отвѣчалъ: — Отъ шестилѣтнихъ пожертвованій, отъ прошлогодняго голода и отъ правилъ, уничтожившихъ торговлю на твердой землѣ. — Гнѣвъ и досада сверкнули въ глазахъ Наполеона.

Потерявъ войска свои, Наполеонъ потерялъ смыслъ и память. Онъ ничего не зналъ о движеніи Рускихъ и Австрійскихъ войскъ; *Прадтъ* объяснилъ ему. „Мы все поправимъ!“ вскричалъ Наполеонъ: „наберемъ десять тысячъ Польскихъ козаковъ, вооружимъ ихъ пиками, посадимъ на коней, и Рускіе побѣгутъ (1).“

Отпуская посла своего, Наполеонъ приказалъ ему придти послѣ обѣда съ Графомъ Станиславомъ *Потоцкимъ* и съ Министромъ Государственныхъ доходовъ. Увидя ихъ, Наполеонъ сказалъ: „Давно ли я въ Варшавѣ? . . . Вы думаете, съ недѣлю; нѣтъ! я здѣсь только около двухъ часовъ.“

---

(1) Стр. 213.

Онъ засмѣялся и продолжалъ: „Отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. . . . Какъ вы поживаете, Господинъ Станиславъ? А вы, Господинъ Министръ?“ — Потоцкій и Министръ доходовъ изъявили удовольствіе, что видятъ его здоровымъ послѣ претерпѣнныхъ опасностей. — „*Опасностей!*“ возразилъ Наполеонъ: „опасностей и не бывало. Я люблю безпокойство; чѣмъ болѣе хлопочу, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь: на конѣ и въ станѣ я здоровъ! *Отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ*... Вы, кажется, смущены?“ — Потоцкій и Министръ доходовъ признались, что ихъ превожаютъ непріятные слухи. „Пустяки!“ отвѣчалъ Наполеонъ: „у меня прекрасное войско; у меня осталось сто двадцать тысячъ: я вездѣ билъ Рускихъ. Это уже не солдаты *Прейсишъ-Эйлавскіе* и *Фридландскіе*. Мы будемъ держаться въ *Вильнѣ*; я спѣшу привесть триста тысячъ свѣжихъ войскъ. Успѣхъ сдѣлаетъ Рускихъ дерзскими; я дамъ имъ два или три сраженія на *Одерѣ*, и черезъ шесть мѣсяцовъ опять буду на *Неманѣ*. Я болѣе значу на престолѣ, нежели при арміи. Оста-

яю ее съ сожалѣніемъ; но мнѣ надобно присматривать за *Австріей* и *Пруссіей*. А на престолъ я гораздо болѣе значу!.... Все, что случилось, бездѣлица: это слѣдствіе мороза; въ этомъ непріятель ни мало не участвовалъ. . . . То ли я видѣлъ! При *Маренгѣ* меня били до шести часовъ вечера; а на другой день я овладѣлъ Италіей. При *Эслингѣ* я былъ властителемъ Австріи. . . . . А ли виноватъ, что вода поднялась въ *Дунаѣ*? А безъ того не существовалабъ Австрійская Держава. Но въ небесахъ написано было, чтобы я сочетался бракомъ съ *Эрцгерцогинею*.“ Слова сіи произнесъ онъ съ веселымъ видомъ. „Тожъ самое и въ Россіи: я не могъ отвратить морозовъ. Мнѣ каждое утро докладывали, что пало десять тысячъ лошадей; ну, что жъ, пусть себѣ мерзнутъ. Наши *Нормандскія* лошади слабѣе Рускихъ лошадей; также и люди. . . . Изъ Баварцевъ ни одного человѣка не осталось. Можетъ быть скажутъ, что я долго пробылъ въ Москвѣ. Хорошая погода была тому причиною; стужа наступила внезапно. Я ожидалъ мира; я хотѣлъ идти на Петербургъ. Бы-

ло еще время. Я намѣревался прорваться въ Полуденныя области и зимовать въ Смоленскѣ. Въ Вильнѣ будутъ держаться. Я оставилъ тамъ Неаполитанскаго Короля. Откроется важное политическое зрѣлище. Кто ни на что не отваживается, тотъ ничего и не выигрываетъ. Рускіе отличились. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ любимъ. У нихъ тучи козаковъ. Рускій народъ не бездѣлица! . . . Все Дворянство сѣло на коней. . . . Я воевалъ въ Россіи по правиламъ войны; но кто думалъ, что сожгутъ Москву? Теперь это мнѣ прилисываютъ; такой бы подвигъ сдѣлалъ честь и древнему Риму. Многіе изъ Французовъ слѣдуютъ за мною; они добрые подданные: они вездѣ меня найдутъ.“

Послѣ сей несвязной рѣчи, изъявляющей бездушіе Наполеона и желаніе прикрыть всѣ неудачи хвастовствомъ, онъ простился съ предстоявшими, и сходя съ крыльца, такъ сильно споткнулся, что едва не упалъ на землю (1).

---

(1) Стр. 221.

Такъ кончилъ Наполеонъ подвиги свои въ Россіи. За шесть мѣсяцовъ передъ тѣмъ онъ угрожалъ ей неизбѣжнымъ паденіемъ; но годъ испытанія былъ для Россіи и годомъ лучезарной ея славы.

Въ Декабрѣ Наполеонъ прибылъ въ Парижъ. Журналы возвѣстили, что Императоръ Французовъ находится въ самомъ блестящемъ здоровьѣ.

Но душа завоевателя погружена была въ мрачное уныніе. Отложа до времени мысль о *вселѣнномъ обладаніи*, онъ заботился единственно о личной своей безопасности, сбиралъ новые полки, и чувствуя, что бразды правленія готовы выпасть изъ рукъ его, онъ старался всѣхъ убѣдить, что власть его есть могущество безспорное. Не себя обвинялъ онъ въ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Французами въ Россіи, но тѣхъ, которые, двадцать лѣтъ тому назадъ, споспѣшествовали къ бурямъ мятежа Французскаго. Вошедъ въ Сенатъ, онъ сказалъ: „Умствователи низвергли прекрасную нашу Францію въ бездну злоключеній. Они льстили-

ли народу; они сняли узду со страстей развращныхъ; они потрясли всѣ древнія постановленія. Не въ легкомысленныхъ мечтахъ, но въ Исторіи должно искать руководство къ преобразованію Государствъ. Дерзновенныя нововведенія все разрушили; они влекутъ за собою уничтоженіе всѣхъ Престоловъ."

Такимъ образомъ Наполеонъ самъ невольно объявилъ, что онъ не законной правитель Франціи (1).

Уничиженіе лести все еще не прекратилось. Послы, прибывшіе изъ стѣнъ древняго Рима, убѣждали завоевателя посѣтить ихъ городъ. „Тамъ," говорили они: „тамъ Римляне будутъ созерцать великаго Наполеона, возсѣдящаго на престолѣ Кесарей; тамъ увѣнчаютъ они чело побѣдителя неувядаемыми лаврами; тамъ вступленіе его въ *Капитолію* будетъ неслыханнымъ торжествомъ во вселенной; тамъ предъ лицемъ Наполеона угаснетъ слава прежнихъ столѣтій какъ быстротечный и тусклый лучь (2)."

---

(1) Смот. книгу. подъ заглавіемъ: *Паденіе Наполеоновой Державы*, Часть I, стр. 23.
(2) Смот. ту же книгу.

Обуянный рабольпнымъ ласкательствомъ, Наполеонъ забылъ о безчисленныхъ жертвахъ властолюбія своего, оставленныхъ на снѣжныхъ равнинахъ Россіи. Отъѣхавъ изъ Парижа въ *Фонтенебло* и грѣясь тамъ у камелька, онъ сказалъ своимъ приближеннымъ съ улыбкою: *Здѣсь лучше; а при переправѣ черезъ Березину не такъ было хорошо.*

Не рѣшится перо мое начертать неслыханныхъ бѣдствій, о которыхъ люшый завоеватель объяснялся съ такою безпечностію; скорбную сію картину, осѣненную гробовымъ мракомъ, заимствую изъ книги Французскаго сочинителя *о походѣ Наполеона въ Россію.*

„Никогда никакая Исторія въ мірѣ не представляла бѣдствія, подобнаго тому, которое Французы претерпѣли въ Россіи. Никогда огромнѣйшее нашествіе, предводимое воиномъ знаменитымъ, не поражало такими злоключеніями многіе народы, не произвело столь сильнаго потрясенія и не доставило властолюбцамъ столь ужаснаго и полезнаго поученія, еслибъ гордость и

щеславіе способны были руководствоваться уроками опытности, и видѣли въ лѣтописяхъ всемірныхъ и плачевныя приключенія, и грозныя бѣдствія, и паденіе Державъ, и гибель народовъ, и удивительные успѣхи, сопровождаемые необычайными превратностями. Но ни древніе, ни новые народы не встрѣчали въ одномъ и томъ же человѣкѣ и столь исполинскаго возвышенія и столь быстраго паденія. Сей человѣкъ есть Наполеонъ Бонапартъ. Погибель всѣхъ войскъ предшествовавшихъ столѣтій есть ничто въ сравненіи съ погибелью его войскъ; тѣ злоключенія были частными и скоротечными злоключеніями. Погибель войскъ Камбизовыхъ въ Африкѣ не поколебала престола Персіи; пораженіе Ксеркса въ Греціи было только наказаніемъ высокомѣрнаго безумія и не имѣло никакой связи съ бѣдственною его кончиной; Императоръ Юліанъ погибъ по крайней мѣрѣ со славой, онъ увѣнчался побѣдой. Въ наше время разбитіе и плѣнъ Карла XII также слишкомъ ограничены и не могутъ сравниться съ безпредѣльнымъ Московскимъ злоключеніемъ.

„Но взгляните на Наполеона, который, достигнувъ вышней степени славы, выѣхалъ изъ *Сенклу* 1812 года; послѣдуйте за нимъ въ Германію, гдѣ онъ странствовалъ, предшествуемый ужасомъ имени своего, и гдѣ, какъ казалось, стремился къ новой побѣдѣ; воззрите на него среди прекраснѣйшей арміи, какая никогда не ополчалась со времени существованія вселенной къ ужасу и трепету народовъ; перенеситесь мыслію на поле той единственной битвы, гдѣ по шести сотъ орудій съ каждой стороны потрясали берега Москвы рѣки, и гдѣ обоюдная потеря состояла въ шестидесяти тысячахъ воинахъ и сорока Генералахъ; взгляните на Наполеона, входящаго въ ту отдаленную Столицу, гдѣ полки его должны успокоиться отъ тяжкихъ трудовъ и гдѣ онъ мечталъ изрекать уставы устрашенной Россіи! . . . Но какая неизъяснимая превратность! Вскорѣ побѣдоносная армія выступаетъ безмолвно изъ Москвы, долженствовавшей быть предѣломъ ея подвиговъ; она въ безпорядкѣ возвращается тѣми же мѣстами, которыя превратила въ пустыню; путь ея означенъ

жертвами, оставляемыми каждый день; зима и голодъ учиняются вспомогательными войсками ея сопротивниковъ; печальные остатки блистательнѣйшей арміи переходятъ за *Неманъ*, преслѣдуемые отрядомъ конницы, отъ того сильнымъ, что они были чрезмѣрно слабы. Вождь безчисленныхъ Героевъ, сей человѣкъ, который и тѣмъ не былъ доволенъ, что его сравнивали съ Александромъ и Кесаремъ: сей вождь *тихомолкомъ* прокрадывается въ Парижъ и на другой уже день разносятся сіи гробовыя слова: *Онъ здѣсь! Но гдѣ его войско?*

„Все было бѣдственно въ пагубномъ походѣ Французовъ въ Россію. Въ другихъ случаяхъ побѣда животворитъ и подкрѣпляетъ, а тутъ являлась она побѣдителямъ въ туманномъ и грозномъ видѣ. Небольшое число выигранныхъ сраженій производило надъ умами воиновъ необычайное дѣйствіе. Казалось, что они поражены были безнадежнымъ оцѣпенѣніемъ. Перенося и труды и голодъ, чтобы только сражаться, и сражаясь муже-

ственно, они видѣли, что плодомъ ихъ подвиговъ было одно только убійство. Не льзя было силамъ человѣческимъ противуборствовать столь страшнымъ превратностямъ; войско ежедневно гибло и изчезало; голодъ повсюду изрывалъ ему могилы. Число слабыхъ умножалось; ожидали съ часу на часъ, что все войско представитъ одну *неустроенную толпу*. Подъ знаменами изчезло повиновеніе. Какое смертоносное зрѣлище представилось на ледяныхъ обширныхъ равнинахъ! Тамъ *лѣли* трупы людей и лошадей; тамъ едва влеклись воины, изнуренные голодомъ и болѣзнями. Что чувствовали они, когда воображали, что умрутъ въ безвѣстіи; что рука друга не закроетъ очей ихъ и не броситъ и вѣтви лавровой на гробъ ихъ; что чувствовали они, воображая, что даже и ближайшіе ихъ родные не узнаютъ, гдѣ испустили они послѣднее дыханіе! И еспьли печальные ихъ взоры обращались на прошедшее, по какимъ тяжкимъ бременемъ была для нихъ прежняя слава! Уже смерть не извлекала слезъ. — Неотвергали никакихъ средствъ къ сохраненію жизни. Каждый вечеръ утомленные страдань-

цы, приползая къ полкамъ своимъ, умоляли, чтобы имъ позволили обогрѣться у *бивачныхъ* огней; ихъ съ жестокостію отгоняли и — они умирали въ нѣсколькихъ шагахъ. Ночь завѣсою своей облекала сіе торжество смерти и ужаса; съ появленіемъ дневныхъ лучей оно опять возобновлялось. Бѣжавшія семейства и плѣнные, взятые подъ *Малымъ Ярославцемъ* и подъ *Вязьмою*, терпѣли такую же участь; слабыхъ разстрѣливали: и — такимъ образомъ они всѣ погибли. Какая картина! А мы еще не дошли до Смоленска и Березины! . . . Отважные *стихотворцы!* берите теперь лиры свои; славьте завоевателей! Ваятели и живописцы! *изтязуйте* мраморъ и холстъ, возобновляйте намъ лики палачей человѣчества. А вы, народы! дивитесь и покланяйтесь первымъ виновникамъ слезъ и страданій вашихъ: дивитесь и превозносите сихъ безумныхъ властолюбцевъ, усугублявшихъ и бѣдствія и несмысленное удивленіе ваше.“

Переходъ за Березину спасъ только Наполеона, а не войско его. Тѣ же бѣдствія, тѣ же разнообразные виды смертей поражали злополучныхъ жертвъ властолюбца.

Мы не радовались ихъ паденію; мы льемъ слезы о пагубѣ, постигавшей двадцать лѣтъ народы: мы желаемъ, да не узрятъ никогда потомки наши люпыхъ завоевателей, и да погрузится въ бездну забвенія скорбная слава, орошенная слезами и кровію людей!

Но никакая изъ странъ земныхъ не можетъ укорить Россію въ бѣдственной сей славѣ. 1812 Года Россія не желала и не помышляла ни о какихъ завоеваніяхъ; она не проложила ни одного шага за предѣлы свои. Видѣла бурю, скоплявшуюся надъ Европой и устремляемую на нее народами почти всей Европы; видѣла неизбѣжную опасность, стояла на стражѣ неусыпной, простирала длань миролюбивую, и тогда только возгремѣла, когда война со всѣми ужасами своими явилась къ уничтоженію ея бытія. Никогда на лицѣ земли не было справедливѣе той защиты, къ которой Россія принуждена была прибѣгнуть 1812 года. Вселенная, объятая удивленіемъ и скорбнымъ ожиданіемъ, взирала на нее; Россія, животворимая правотою подвига своего, взирала только на Небеса, карающія буйство. Вѣра, вѣр-

ность, искуство, мужество Полководцевъ, рвеніе воиновъ къ опасности и смерти, наконецъ безпримѣрная твердость духа Самодержца Россіи, совершили подвигъ ея спасенія. Вселенная увидѣла паденіе властолюбивой гордыни и торжество правоты; убѣдились всѣ народы земли, что есть казнь, постигающая буйство, и есть награда, увѣнчавающая вѣру и добродѣтель.

Конецъ девнадцатой Части.